Изданіе Г. Ѳ. ЛЬВОВИЧА.

К. Каутскій.

Сборникъ статей.

Содержаніе: Матеріалистическое пониманіе исторіи.— Діалектика.—Стоимость.—Крупное и мелкое производство.—Увеличеніе числа имущихъ.—Акціонерныя общества.—Употребленіе прибавочной стоимости.—Новое среднее сословіе.—Теорія кризисовъ.

Переводъ **Ленина.**

Изданіе второе.

Цѣна 35 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Складъ этого изданія въ кн. магаз. Соловьевой и Никольской
Спб. Троицкая, 3.

Типографія Альтшулера. Эртелевъ пер., 17—9.
1906.

Издательство Г. Ѳ. Львовича.

Проф. О. Пифферунъ. — Европейскія избирательныя системы (Парламентскія, провинціальныя и муниципальныя). Пер. Ю. Стеклова. Со статьей М. М. Ковалевскаго. Къ исторіи всеобщаго избирательнаго права. Цѣна 1 р. 25 к.

П. А. Берлинъ. — Пасынки цивилизаціи и ихъ просвѣтители. (Будущность некультурныхъ народовъ и культуртрегерство европейцевъ. Цѣна 1 р.

Н. Г. Мижуевъ. — Гербертъ Спенсеръ, основатель новѣйшей соціологіи. Ц. 75 к.

П. Г. Мижуевъ.—Передовая демократія современнаго міра. Англійская колонія Новая Зеландія. Изданіе третье. Ц. 1 р.

П. Г. Мижуевъ.—Крестьянское царство. Очеркъ исторіи и современнаго состоянія Канады. Ц. 75 к.

В. П. Батуринскій. — А. И. Герценъ, его друзья и знакомые. Матеріалы для исторіи общественнаго движенія въ Россіи. Томъ I. Съ приложеніемъ двухъ портретовъ А. И. Герцена, портрета Н. П. Огарева и снимка съ памятника Герцену въ Ниццѣ. Цѣна 2 р. 50 коп.

Карлъ Каутскій. — Очерки и Этюды. Собраніе и переводъ Г. Ѳ. Львовича. Изданіе второе. Содержаніе: Общественные инстинкты въ мірѣ животныхъ.—Общественные инстинкты у людей. — Развитіе формъ законодательства. — Національность нашего времени. — Вѣкъ гуманизма и реформаціи. Цѣна 1 руб. 50 коп.

В. В.—На рубежѣ XIX столѣтія. (В. Блосъ Исторія великой революціи). Переводъ Г. Ѳ. Львовича. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Русская высшая школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ. Лекціи профессоровъ Р. В. Ш. о. н. въ Парижѣ. Подъ редакціей Е. В. де-Роберти, Ю. С. Гамбарова и М. М. Ковалевскаго Цѣна 3 руб.

Профессоръ Г. Бунге. — Объ употребленіи алкоголя. Переводъ д-ра Э. А. Русаковой. Цѣна 25 коп.

Изданіе Г. Ѳ. ЛЬВОВИЧА.

К. Каутскій.

Сборникъ статей.

Содержаніе: Матеріалистическое пониманіе исторіи.— Діалектика.—Стоимость.—Крупное и мелкое производство.—Увеличеніе числа имущихъ.—Акціонерныя общества.—Употребленіе прибавочной стоимости.—Новое среднее сословіе.—Теорія кризисовъ.

Переводъ **Ленина.**

Изданіе второе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Складъ этого изданія въ кн. магаз. Соловьевой и Никольской. Спб. Троицкая, 3.

Дозволено цензурою СПБ. 14 Октября 1905 г.

Оглавленіе.

Матеріалистическое пониманіе исторіи. . . . . Стр. 1.
Діалектика. . . . . „ 14.
Стоимость. . . . . „ 29.
Крупное и мелкое производство. . . . . „ 39.
Увеличеніе числа имущихъ. . . . . „ 76.
Акціонерныя общества. . . . . „ 95.
Употребленіе прибавочной стоимости . . . . . „ 103.
Новое среднее сословіе. . . . . „ 115
Теорія кризисовъ. . . . . „ 121.

Матеріалистическое пониманіе исторіи.

Изложеніе Бернштейна въ его книгѣ представляетъ собою различныя стадіи развитія. Онѣ начинаются съ прелюдіи,—съ той журнальной статьи, въ которой Бернштейнъ полемизировалъ съ однимъ лишь Бельфортомъ Баксомъ. Когда эта статья вызвала нападки, Бернштейнъ сталъ уже полемизировать съ цѣлымъ рядомъ учениковъ Маркса.

Еще болѣе расширяетъ Бернштейнъ кругъ своихъ противниковъ въ началѣ своей брошюры. Но тутъ онъ выступаетъ еще сторонникомъ теоріи Маркса. Пониманіе исторіи у Маркса,—заявляетъ онъ,—не оставалось неизмѣннымъ, а измѣнялось. Большинство марксистовъ не замѣчаютъ этого измѣненія, но онъ, Бернштейнъ, можетъ прослѣдить его съ полной точностью; мы должны принимать матеріалистическое пониманіе исторіи въ его совершенной, а не въ его примитивной формѣ.

Здѣсь Бернштейнъ является защитникомъ ученія Маркса противъ недомыслія марксистовъ. Онъ еще чувствуетъ себя пророкомъ, пришедшимъ не нарушить законъ, а исполнить.

Но, по мѣрѣ того, какъ изложеніе подвигается впередъ, Бернштейнъ становится все болѣе и болѣе свирѣпымъ. Мы вступаемъ во вторую стадію: Марксъ и Энгельсъ измѣнили свои взгляды, причемъ не только марксисты, но и сами Марксъ и Энгельсъ не замѣтили этой перемѣны. Ее открылъ никто иной, какъ Бернштейнъ. Въ смыслѣ этой-то перемѣны и надо преобразовать ученіе Маркса, — отъ нехорошаго Маркса надо перейти къ хорошему Марксу. До сихъ поръ у катедеръ - соціалистовъ была мода противопоставлять нехорошаго Маркса хорошему Лассалю. Бернштейнъ вноситъ нѣкоторое разнообразіе: онъ противопоставляетъ нехорошему Марксу хорошаго Маркса. Но онъ не останавливается на этомъ, пишетъ дальше, свирѣпѣетъ еще больше и дописывается до третьей стадіи; отъ хорошаго Маркса ничего уже не остается, онъ отвергается даже въ его наиболѣе совершенной формѣ; дѣйствительное направленіе развитія, заявляетъ Бернштейнъ, какъ разъ противоположно тому, которое изображаетъ Марксъ.

Это самая рѣшительная и самая важная стадія книги. Тутъ знаешь, по крайней мѣрѣ, что и какъ. Но, къ сожалѣнію, Бернштейнъ не останавливается на этой стадіи. Дикій потокъ, грозившій смыть зданіе марксизма, мелѣетъ и заносится пескомъ во время длинныхъ разсужденій о практическихъ соціальныхъ реформахъ (необходимость которыхъ признается всѣми, начиная съ Берлепша и Бассермана и кончая Парвусомъ и др.), пока, наконецъ, не превращается въ узенькую канавку:—единственный практическій выводъ изъ всего разсужденія состоитъ въ томъ, что мы не должны употреблять страшныхъ словъ.

Обратимся сначала къ первой стадіи книги. Дѣло идетъ тутъ объ основныхъ положеніяхъ марксистской теоріи, о матеріалистическомъ пониманіи исторіи. „Благодаря этимъ двумъ великимъ открытіямъ“, говоритъ Энгельсъ въ своемъ „Анти-Дюрингѣ“: „благодаря матеріалистическому пониманію исторіи и раскрытію тайны капиталистическаго производства посредствомъ теоріи прибавочной стоимости,—передовое общественное ученіе стало наукою“. Эти открытія не создали современнаго передового общественнаго ученія, но они впервые дали возможность построить и обосновать его научно по опредѣленному методу. Изъ этихъ двухъ открытій матеріалистическое пониманіе исторіи является, въ свою очередь, основнымъ. Съ нимъ неразрывно связанъ марксизмъ, т. е. наивысшая, достигнутая до сихъ поръ, ступень общественнаго ученія.

Поэтому Бернштейнъ въ своемъ полемическомъ сочиненіи и начинаетъ съ вопроса, вѣрно ли матеріалистическое пониманіе исторіи и поскольку.

Каковъ же путь, которымъ можно придти къ рѣшенію этого вопроса? Въ своемъ знаменитомъ предисловіи къ „Критикѣ политической экономіи“ Марксъ описываетъ тотъ путь, которымъ онъ шелъ.

Въ качествѣ редактора „Rheinische Zeitung“ въ 1842—1843 г. онъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе, такъ какъ долженъ былъ высказаться о такъ называемыхъ матеріальныхъ интересахъ, хотя онъ не изучалъ особенно глубоко этихъ вопросовъ. Его газетныя статьи, а также споръ, завязавшійся по поводу нихъ, пробудили въ немъ различнаго рода сомнѣнія въ правильности господствовавшихъ тогда взглядовъ. Однако Марксъ не счелъ простого сомнѣнія теоретическимъ шагомъ впередъ, который надо возможно скорѣе оповѣстить публикѣ. Вмѣсто того, чтобы написать книгу о своихъ сомнѣніяхъ, онъ воспользовался разногласіемъ съ издателями „Rheinische Zeitung“ для того, чтобы „удалиться съ общественной арены въ учебный кабинетъ“.

„Первый трудъ, который я предпринялъ для разрѣшенія обуревавшихъ меня сомнѣній, былъ критическій пересмотръ гегелевской философіи права; вступленіе къ этому труду появилось въ „Deutsch-französische Jahrbücher“, издававшихся въ 1844 г. въ Парижѣ. Мои изслѣдованія привели меня къ заключенію, что правовыя отношенія, наравнѣ съ формами государства, не могутъ быть понятны ни изъ самихъ себя, ни изъ такъ называемаго общаго развитія человѣческаго духа, а коренятся въ матеріальныхъ условіяхъ существованія, совокупность которыхъ Гегель, по примѣру англичанъ и французовъ XVIII-го столѣтія, называлъ „буржуазнымъ обществомъ“; анатомію же этого общества нужно искать въ политической экономіи. Начатое мною въ Парижѣ изученіе этой послѣдней я продолжалъ въ Брюсселѣ и возобновилъ потомъ въ Лондонѣ въ 1850 г. Громадный матеріалъ по исторіи политической экономіи, собранный въ Британскомъ музеѣ,—удобства, представляемыя Лондономъ для изслѣдователя буржуазнаго общества,—наконецъ, новая стадія развитія, въ которую это послѣднее обѣщало вступить съ открытіемъ австралійскихъ и калифорнійскихъ золотыхъ розсыпей, все это склонило меня приняться за изученіе предмета съ начала и приступить къ критической обработкѣ новаго матеріала“.

Итакъ, Марксъ—то же относится и къ Энгельсу—пришелъ къ своему пониманію исторіи путемъ изслѣдованія экономическаго развитія буржуазнаго общества. Къ подобному же пониманію исторіи пришелъ Морганъ, изслѣдуя развитіе первобытныхъ народовъ. Одинъ и тотъ же законъ развитія былъ найденъ съ двухъ противоположныхъ концовъ цѣпи развитія. Это, конечно, не случайность. Экономическое развитіе современнаго общества, понятно, лежитъ къ намъ ближе всего, лучше всего намъ извѣстно. Съ другой стороны, въ доисторическихъ общественныхъ формахъ общественныя отношенія наиболѣе просты и ясны, такъ что, разъ въ этой области извѣстны и точно установлены факты, можно легко прослѣдить законосообразность развитія. Наименьшую ясность мы находимъ въ среднихъ звеньяхъ цѣпи развитія, такъ какъ ихъ экономическія и общественныя отношенія вообще тѣмъ труднѣе поддаются изслѣдованію, чѣмъ они дальше отъ насъ, и становятся тѣмъ сложнѣе, чѣмъ больше они удаляются отъ первобытныхъ временъ. Но все же и тутъ изученіе подвигается все дальше и раскрываетъ все болѣе тѣсную связь классической древности и среднихъ вѣковъ, какъ съ первобытнымъ, такъ и съ современнымъ обществомъ.

Несмотря на это литература историческаго матеріализма

еще очень бѣдна, теорія находится еще въ первоначальной стадіи, и ея развитіе далеко не достигло той ступени, какой достигъ, напримѣръ, дарвинизмъ. Въ своемъ новѣйшемъ произведеніи *) Антоніо Лабріола указываетъ также и на причины этого явленія...

При неблагопріятныхъ для дальнѣйшаго теоретическаго развитія условіяхъ, тѣмъ цѣннѣе, и тѣмъ желательнѣе всякая попытка углубить или развить дальше матеріалистическое пониманіе исторіи. Но это возможно лишь тѣмъ путемъ, какимъ пришли къ своей теоріи Марксъ, Энгельсъ и Морганъ, т. е. путемъ дальнѣйшаго изслѣдованія фактовъ, а не путемъ выхватыванія и толкованія ихъ отдѣльныхъ выраженій. Разъясненіе этой теоріи можетъ дать только дальнѣйшая разработка экономической исторіи; о вѣрности ея надо судить на основаніи фактовъ, а не на основаніи отдѣльныхъ словъ; развивать ее дальше надо при помощи фактическаго изученія. Надо или пересмотрѣть тѣ факты, на которыхъ основывались Марксъ и Энгельсъ, вновь изслѣдовать ихъ взаимную связь и тѣ выводы, какіе вытекаютъ изъ нея, или же проникнуть въ новыя области, изслѣдовать ихъ, сравнить вновь добытые результаты съ добытыми ранѣе и, такимъ образомъ, укрѣпить или исправить, расширить или сузить теорію.

Если бы Бернштейнъ шелъ по этому пути, всякій марксистъ былъ бы ему за это благодаренъ. Но тотъ самый Бернштейнъ, который свысока поучаетъ насъ, что „задача учениковъ Маркса состоитъ не въ вѣчномъ повтореніи словъ учителя“ (стр. 19), не даетъ намъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ цитатъ изъ сочиненій и писемъ Маркса и Энгельса, истолковываетъ ихъ слова вкривь и вкось, и замѣчаетъ, что то толкованіе, которое можно вывести изъ послѣднихъ писемъ, представляетъ собою наиболѣе совершенную форму теоріи, и что именно въ этой формѣ мы и должны принять ее. Во всей главѣ о матеріалистическомъ пониманіи исторіи нѣтъ ссылки ни на одинъ историческій фактъ! Представьте себѣ дарвиниста, который захотѣлъ бы разъяснить смыслъ дарвинизма не при помощи естественно-историческихъ фактовъ, а при помощи какихъ-либо общихъ положеній изъ сочиненій Дарвина и толкованія встрѣчающихся въ нихъ словъ: развитіе, борьба за существованіе, подборъ и т. д. Такой способъ я позволилъ себѣ назвать схоластикой, и я нисколько не чувствую себя сраженнымъ замѣчаніемъ Берн-

*) „Письма къ Сорелю“,—съ которыми русскій читатель можетъ ознакомиться отчасти по переводу, помѣщенному въ журналѣ „Жизнь“. *Примѣч. переводчика.*

штейна, будто въ споръ съ Баксомъ я самъ занимался схоластикой. Я называю схоластикой отнюдь не всякое принципіальное разъясненіе. Сущность ея состоитъ не въ томъ, что оперируютъ съ понятіями, а въ томъ, что эти понятія создаютъ не путемъ изслѣдованія *дѣйствительности*, а путемъ разбора отдѣльныхъ *словъ* и *положеній* авторитетовъ. Но кто припомнитъ мою полемику съ Баксомъ, тотъ увидитъ, что центръ ея тяжести лежалъ не въ толкованіи какихъ-либо словъ Маркса и Энгельса, а въ объясненіи историческихъ фактовъ, какъ-то: хода развитія греческой философіи, возникновенія христіанства, пуританства.

У Бернштейна же дѣло идетъ совсѣмъ не о разъясненіи хода общественнаго развитія. Онъ берется за дѣло философски. Для него „вопросъ о правильности матеріалистическаго пониманія исторіи — есть вопросъ о *степени* исторической необходимости. Быть матеріалистомъ значитъ прежде всего признавать необходимость всего происходящаго“... (стр. 4). Согласно этому, онъ даетъ той главѣ, въ которой онъ говоритъ о марксистскомъ пониманіи исторіи, заглавіе: „Матеріалистическое пониманіе исторіи и историческая необходимость“. Вначалѣ, заявляетъ онъ, такое пониманіе основывалось на исторической необходимости, оно было детерминистично. Но съ теченіемъ времени Марксъ и Энгельсъ превратились изъ строгихъ детерминистовъ въ менѣе строгихъ; хотя они никогда этого опредѣленно не заявляли, но это, дескать, вытекаетъ изъ смысла нѣкоторыхъ частныхъ писемъ Энгельса. Бернштейнъ производитъ даже такой кунштюкъ, что ссылается на письмо Энгельса, котораго никто, кромѣ него, не знаетъ, и изъ котораго онъ не сообщаетъ ни слова,—изъ скромности. Мы настолько нескромны, что считаемъ такія скромныя письма просто несуществующими, а ссылку на нихъ считаемъ абсурдомъ.

Въ концѣ концовъ, Бернштейнъ приходитъ къ такому результату: „Философскій и естественно-историческій матеріализмъ детерминистиченъ, марксистское же пониманіе исторіи не детерминистично, ибо оно не признаетъ за матеріальной основой народной жизни безусловнаго вліянія на формы жизни“ (стр. 14).

На мои возраженія противъ этого онъ отвѣтилъ статьей, которую озаглавилъ: „Необходимость въ природѣ и исторіи“. Я избавлю читателя отъ перечисленія тѣхъ разнообразнѣйшихъ видовъ детерминизма: безусловнаго, болѣе или менѣе обусловленнаго, физическаго, философскаго и экономическаго, строгаго и слабаго, общаго и частнаго, о которыхъ говоритъ въ этой статьѣ Бернштейнъ. Замѣчу лишь одно. При томъ спорѣ изъ-за словъ, которымъ онъ занимается, необходима

особая точность въ выраженіяхъ, чтобы избѣжать безнадежной путаницы. Когда Бернштейнъ сводитъ все обсужденіе матеріалистическаго пониманія исторіи къ вопросу, детерминистично ли оно, или нѣтъ, то относительно смысла этого слова нельзя допускать никакой неточности. Но Бернштейнъ долженъ сознаться, что именно первая основная глава его книги особенно страдаетъ отъ отсутствія точности и ясности. Въ цитированной выше статьѣ онъ заявляетъ: „По этому пункту я долженъ отчасти признать справедливость критики Каутскаго. Что касается *способа выраженія*, то данный отдѣлъ моей книги во многихъ мѣстахъ, дѣйствительно, оставляетъ желать многаго, и изложеніе недостаточно точно". Но исправляетъ ли онъ этотъ недостатокъ въ своей статьѣ? Нисколько. Онъ приходитъ въ ней къ такому результату: „весь споръ—есть споръ о пониманіи одного слова: *детерминизмъ*. Я его употребляю въ смыслѣ матеріально-опредѣленной необходимости, и въ примѣненіи къ исторіи оно означаетъ *фатализмъ*. Въ этомъ не можетъ усумниться никто, читавшій мою книгу безъ предубѣжденія". Слѣдовательно, по Бернштейну, пониманіе исторіи у Маркса было первоначально *фаталистичнымъ*. Это мы запомнимъ.

Но что слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ „фатализмъ"? Вѣдь не подразумѣваетъ же Бернштейнъ подъ этимъ словомъ вѣры въ фатумъ? Если это слово можетъ имѣть тутъ какой либо смыслъ, то оно означаетъ лишь механическую, автоматическую необходимость. Дѣйствительно, Бернштейнъ заявляетъ: если Каутскій „не имѣетъ въ виду *чисто-механическаго* мірового процесса, въ которомъ люди являются *автоматами*, хотя они и считаютъ себя сознательными, то *необходимость* всего общаго развитія человѣчества безусловно отпадаетъ". Другими словами, историческая необходимость существуетъ для Бернштейна лишь въ томъ случаѣ, когда люди находятся въ *принудительномъ положеніи*, когда не только ихъ *хотѣніе* опредѣленнымъ образомъ мотивировано, но и когда ихъ *дѣйствіе* несвободно. Послѣ всѣхъ своихъ философскихъ разсужденій онъ кончаетъ тѣмъ, что смѣшиваетъ свободу воли со свободой дѣйствія. Теперь становится понятнымъ, почему онъ думаетъ, будто вопросъ о правильности матеріалистическаго пониманія исторіи есть вопросъ о *степени* исторической необходимости. Если понимать эту необходимость въ смыслѣ необходимой, закономѣрной, причинной связи всѣхъ историческихъ явленій, то такая необходимость, естественно, не можетъ имѣть никакихъ степеней; внѣшнее же принужденіе, подъ которымъ стоятъ люди, можетъ быть очень различно по степени.

Сознаюсь откровенно, я былъ настолько „предубѣжденъ",

что считалъ невозможнымъ, чтобы Бернштейнъ понималъ историческую необходимость въ этомъ послѣднемъ смыслѣ. Это уже не въ первый разъ Бернштейнъ заявляетъ, что онъ выразился такъ ясно, что его можно было не понять только при нежеланіи понимать или при предубѣжденности. Но онъ такъ строгъ только по отношенію къ своимъ прежнимъ товарищамъ. Иначе обстоитъ дѣло, когда его точно такъ же понимаетъ какой нибудь „докторъ или хотя бы магистръ“. Уже въ первой своей полемической статьѣ противъ Бернштейна я спрашивалъ: „ужъ не смѣшиваетъ ли Бернштейнъ детерминизма съ механизмомъ“? Докторъ фонъ-Венкштернъ замѣчаетъ въ одной статьѣ о Бернштейнѣ: „Всего удачнѣе замѣчаніе Каутскаго по поводу того, какъ понимаетъ Бернштейнъ матеріалистическую теорію исторіи. Тутъ, дѣйствительно, приходится согласиться, что Бернштейнъ въ самомъ дѣлѣ смѣшалъ философское понятіе „детерминистическаго“ съ понятіемъ „механическаго“.

Бернштейнъ говоритъ въ своей статьѣ, что моя критика доказываетъ ту пристрастность, съ которой я полемизирую противъ него. Но онъ тутъ же отвѣшиваетъ поклонъ передъ докторской шапкой и объявляетъ въ подстрочномъ примѣчаніи: „Я согласенъ, что такое употребленіе слова „детерминизмъ“ отступаетъ отъ того смысла, который это слово имѣетъ въ современной философіи, гдѣ оно употребляется спеціально въ смыслѣ опредѣляемости человѣческой воли извѣстными мотивами. Тѣ критики моей книги, которые, подобно д-ру Венкштерну въ научномъ приложеніи къ „Мюнхенской Всеобщей Газетѣ“, именно по этой причинѣ недовольны такимъ употребленіемъ этого слова, *„несомнѣнно правы въ томъ отношеніи, что на ихъ сторонѣ большая научность терминологіи. Но о Каутскомъ этого нельзя сказать*“,—ибо Каутскій обязанъ употреблять слово детерминизмъ въ смыслѣ фатализма,—хотя я вынужденъ почтительнѣйше отклонить отъ себя такое обязательство.

Вотъ, что значитъ быть приватъ-доцентомъ! Нашъ братъ трудится въ потѣ лица своего, чтобы распутать различные qui pro quo Бернштейна и разъяснить ихъ, и какъ же встрѣчаетъ Бернштейнъ эти усилія?—Онъ видитъ въ нихъ лжетолкованія, одни только лжетолкованія, и притомъ такія грубыя, что требуется величайшая снисходительность, чтобы не объявить ихъ умышленными извращеніями. Но стоитъ какому нибудь приватъ-доценту мимоходомъ, въ нѣсколькихъ строкахъ, сказать то же самое, Бернштейнъ сейчасъ же съ величайшей готовностью заявляетъ ему, что „онъ несомнѣнно правъ въ томъ отношеніи, что научность терми-

нологіи на его сторонѣ". Какъ много труда сберегаетъ, однако, ученая степень!

Какую же терминологію имѣлъ въ виду Бернштейнъ, когда онъ писалъ нижеслѣдующія положенія?

Въ неоднократно названной мною выше статьѣ Бернштейнъ заявилъ: „та мысль, что нашъ міръ именно таковъ, какимъ онъ долженъ быть, есть въ сущности лишь *назидательное представленіе* для матеріалистовъ, которые хотятъ найти утѣшеніе въ низостяхъ этого міра". Правда, на этомъ „назидательномъ представленіи" основывается всякая наука и даже самая возможность науки, но тѣмъ не менѣе оно можетъ быть принято только матеріалистами и тому подобными идіотами, которые держатся того комичнаго представленія, что все въ мірѣ происходитъ естественнымъ путемъ. Кто признаетъ это, для того причинность и необходимость одно и то же. Но „изъ того, что все происходящее должно имѣть причину, *еще не слѣдуетъ, что все происходящее должно имѣть естественную причину, не связанную ни съ какой сверхъестественной силой*".

Бернштейну остается теперь только сдѣлать открытіе, что Марксъ и Энгельсъ въ своемъ пониманіи исторіи замѣнили, въ концѣ концовъ, необходимость вѣрой въ перстъ Божій. Найдутся, вѣроятно, и частныя письма, не появляющіяся въ печати, изъ которыхъ можно будетъ вывести такое толкованіе.

Но если Марксово пониманіе исторіи было первоначально фаталистическимъ, то какъ же быть тогда съ ученіемъ о борьбѣ классовъ. Зачѣмъ было бы это ученіе, если бы Марксъ думалъ, что развитіе идетъ фаталистически?

По мнѣнію самого Бернштейна, теорія Маркса въ начальной стадіи ея развитія представляетъ собою не только фатализмъ, но и прямую его противоположность.

Въ извѣстномъ предисловіи къ „Критикѣ политической экономіи" „сознаніе и бытіе такъ рѣзко", по утвержденію Бернштейна, „противополагаются другъ другу, что легко сдѣлать тотъ выводъ, что люди признаются лишь живыми агентами историческихъ силъ, велѣнія которыхъ они исполняютъ *безсознательно и противъ воли*" (стр. 6). Чистѣйшій фатализмъ. Плохо дѣло. Однако, какъ разъ въ то время, когда его пониманіе исторіи было наиболѣе фаталистичнымъ, Марксъ вмѣстѣ съ Энгельсомъ „видѣлъ рычагъ историческихъ переворотовъ не въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ, а *просто въ волѣ*",—какъ упрекаетъ его Бернштейнъ. Это, конечно, еще хуже. Но хуже всего то, что Марксъ и Энгельсъ такъ-таки и не замѣтили этого неслыханнаго противорѣчія. Возможность того, что Бернштейнъ въ обоихъ

этихъ случаяхъ невѣрно понялъ Маркса и Энгельса, ему и въ голову не приходитъ. Для всѣхъ противорѣчій у него заранѣе уже имѣется въ карманѣ разгадка: „теорія двухъ душъ“ (Zweiseelen-theorie). Въ каждомъ человѣкѣ онъ видитъ повсюду дуализмъ; если же ему осмѣлятся сказать, что двѣ души живутъ прежде всего въ его собственной груди, то онъ возмущается.

Однако, Бернштейнъ не только констатируетъ наличность двухъ душъ у Маркса и Энгельса, но также и особое развитіе этихъ душъ. Онѣ развиваются въ противоположныхъ направленіяхъ, но тѣмъ неменѣе каждая изъ нихъ эволюціонируетъ въ сторону Бернштейна:—вотъ такъ штука! Одна душа становится все менѣе фаталистичной, она признаетъ все въ большей и большей степени самостоятельную эволюцію политическихъ и идеологическихъ силъ, т. е. признаетъ рычагомъ соціальнаго развитія „не дѣйствительныя отношенія, а волю“. Другая же душа—(см. главу: „Марксизмъ и Гегелевская діалектика“),— напротивъ, все болѣе ограничивала роль воли и идеологіи въ историческихъ переворотахъ и придавала все большее значеніе ихъ матеріалистическимъ основамъ, на что ясно указываетъ предисловіе Энгельса къ одному изъ сочиненій Маркса. Такимъ образомъ, эти бѣдныя души никакъ не могутъ встрѣтиться, и нуженъ необычайный даръ ясновидѣнія, чтобы разобраться въ этой путаницѣ и точно установить, какая же изъ этихъ душъ есть истинная марксистская душа.

Къ счастію, Бернштейнъ открылъ ее въ нѣкоторыхъ частныхъ письмахъ Энгельса и поучаетъ насъ: „Кто примѣняетъ въ настоящее время матеріалистическую теорію исторіи, тотъ обязанъ примѣнять ее не въ ея первоначальной, а въ ея самой развитой формѣ, т. е. наряду съ развитіемъ и вліяніемъ производительныхъ силъ и отношеній производства онъ долженъ принять въ разсчетъ также понятія права и морали, историческія и религіозныя традиціи каждой эпохи, вліяніе географическихъ и другихъ природныхъ факторовъ, къ которымъ относится также и сама природа человѣка и его духовныхъ силъ“ (стр. 7).

Очень хорошо. Но это долженъ дѣлать *всякій*, кто оперируетъ съ какимъ бы то ни было пониманіемъ исторіи. Все, что перечисляетъ намъ Бернштейнъ (и притомъ перечисляетъ въ такомъ порядкѣ, который трудно признать правильнымъ), это именно тѣ факторы, взаимную зависимость которыхъ и надо изслѣдовать. Объ ихъ взаимной зависимости мы не узнаемъ ровно ничего, когда намъ говорятъ, что надо „принимать ихъ въ разсчетъ“.

Это туманное общее мѣсто представляетъ собою весь

результатъ Бернштейновскихъ изысканій относительно матеріалистическаго пониманія исторіи.

Но безъ отчетливой теоріи исторіи не можетъ быть и отчетливаго метода соціологическаго изслѣдованія. Именно въ этомъ пунктѣ соприкасаются пониманіе исторіи и практическая дѣятельность; именно вслѣдствіе этого вопросъ о пониманіи исторіи является отнюдь не простымъ только академическимъ вопросомъ.

Связь теоріи и метода выясняется въ одномъ мѣстѣ „Анти-Дюринга“ Энгельса. Я беру третье, пересмотрѣнное и дополненное изданіе, выпущенное Энгельсомъ въ 1894 г., за годъ до смерти, какъ разъ въ то время, къ которому относятся его частныя письма, на которыя ссылается Бернштейнъ. Я уже показалъ въ одной изъ своихъ статей, что между этими письмами и сочиненіями Маркса и Энгельса нѣтъ никакого противорѣчія и могу избавить себя и моихъ читателей отъ повторенія моихъ доказательствъ.

Въ „Анти-Дюрингѣ“ (s. 286) говорится: „Матеріалистическое пониманіе исторіи исходитъ изъ того положенія, что производство, а вслѣдъ за производствомъ обмѣнъ его продуктовъ, составляетъ основу всякаго общественнаго строя;— что въ каждомъ выступающемъ въ исторіи обществѣ распредѣленіе продуктовъ, а вмѣстѣ съ нимъ и раздѣленіе общества на классы или сословія, опредѣляется тѣмъ, что и какъ производится, и какъ эти продукты производства обмѣниваются. Такимъ образомъ, конечныхъ причинъ всѣхъ общественныхъ перемѣнъ и политическихъ переворотовъ надо искать не въ головахъ людей, не въ ихъ возрастающемъ пониманіи вѣчной истины и справедливости, а въ измѣненіяхъ способа производства и обмѣна; ихъ надо искать не въ *философіи*, а въ *экономіи* соотвѣтственной эпохи. Пробуждающееся сознаніе того, что существующія общественныя установленія неразумны и несправедливы, что „разумное стало безсмысленнымъ, благо стало мученіемъ“,—является лишь симтомомъ того, что въ способахъ производства и въ формахъ обмѣна произошли незамѣтно такія перемѣны, къ которымъ уже не подходитъ общественный строй, скроенный по старымъ экономическимъ условіямъ. Отсюда вытекаетъ также и то, что средства для устраненія открытаго зла тоже должны быть на лицо, — въ болѣе или менѣе развитомъ видѣ,—въ самихъ измѣнившихся отношеніяхъ производства. Надо не *отыскивать* эти средства въ головѣ, а *открывать* ихъ при помощи головы въ наличныхъ матеріальныхъ фактахъ производства“.

Но одного открытія ихъ мало. Эти средства нужно примѣнить къ дѣйствительности; они должны быть таковы,

чтобы при помощи ихъ можно было преодолѣть сопротивленіе противниковъ. Не всѣ слои общества можно, по желанію, подвинуть на это одной лишь силой убѣжденія... Такими слоями являются всегда вполнѣ опредѣленные классы, интересы и стремленія которыхъ совпадаютъ съ потребностями общественнаго развитія. Но и эти интересы и стремленія можно узнать только путемъ изслѣдованія существующаго способа производства.

Таковъ методъ, вытекающій изъ примѣненія матеріалистическаго пониманія исторіи...

Въ марксистскомъ ученіи рѣшающее значеніе принадлежитъ *методу*, а не его *результатамъ*. Результаты могутъ измѣняться, въ нѣкоторыхъ пунктахъ они уже измѣнились и во многихъ еще измѣнятся въ будущемъ, которое несетъ съ собою не только новые факты, но и новыя средства изслѣдованія. Что мы судимъ о многомъ иначе, чѣмъ судили Марксъ и Энгельсъ полвѣка тому назадъ, это понятно само собой. Но тотъ методъ, посредствомъ котораго они пришли къ своимъ выводамъ, неизмѣнно и блестяще доказываетъ на дѣлѣ свою правильность.

Конечно, и этотъ методъ не представляетъ собою заключительнаго слова науки. Но всякій, кто хочетъ побудить насъ оставить этотъ столь ясный, плодотворный, оправдавшійся на дѣлѣ методъ, тотъ долженъ подкрѣпить свое мнѣніе очень вѣскими доводами, долженъ предложить намъ вмѣсто стараго метода новый, по меньшей мѣрѣ, столь же ясный и плодотворный, хотя и не оправдавшійся еще на дѣлѣ.

Кто считаетъ методъ Маркса невѣрнымъ, тотъ можетъ идти лишь двумя путями. Или онъ признаетъ, что общественное развитіе необходимо и закономѣрно, но отрицаетъ возможность свести его въ послѣднемъ счетѣ къ развитію способовъ производства, считаетъ нужнымъ „принять въ разсчетъ“ другіе факторы (признавая ихъ или исключительно дѣйствующими, или дѣйствущими наряду съ вышеуказаннымъ факторомъ). Тогда, если онъ хочетъ изслѣдовать направленіе соціальнаго развитія и средства къ успѣшному содѣйствію ему, онъ долженъ установить законы, которымъ подчинены эти другіе факторы, напр., этическіе взгляды и побужденія. При пользованіи этимъ методомъ о научной теоріи общества могла бы идти рѣчь лишь въ томъ случаѣ, если бы соотвѣтствующіе факторы были настолько же изслѣдованы, насколько изслѣдованъ въ „Капиталѣ“ способъ производства, если бы было доказано, что, благодаря дѣйствію этихъ факторовъ, должно возникнуть высшее общество.

Или же—можно отрицать вообще необходимость и закономѣрность общественнаго развитія, или, по крайней мѣрѣ, отрицать возможность установленія этой закономѣрности при данныхъ научныхъ средствахъ. Но тогда исчезаетъ и всякая возможность уяснить себѣ, хотя до нѣкоторой степени, направленіе общественнаго развитія путемъ изученія настоящаго и прошедшаго, тогда исчезаетъ всякая возможность научнаго обсужденія великой проблемы нашего времени...

Такъ какъ Бернштейнъ отрицаетъ матеріалистическое пониманіе исторіи въ его классической — (по его мнѣнію, примитивной)—формѣ, то онъ долженъ бы былъ, если бы онъ вообще хотѣлъ внести ясность въ вопросъ о методѣ, избрать одинъ изъ указанныхъ путей. Но тутъ онъ окончательно пасуетъ. Онъ довольствуется тѣмъ, что старается при помощи нѣкоторыхъ нападокъ на марксистовъ и необходимость, а также нѣкоторыхъ натянутыхъ ссылокъ на частныя письма заставить насъ повѣрить, будто Марксъ и Энгельсъ къ концу своей жизни отказались отъ послѣдовательнаго примѣненія своего пониманія исторіи и связаннаго съ нимъ метода, на которомъ основаны ихъ классическія сочиненія.

При этомъ Бернштейнъ такъ остороженъ, что онъ ни однимъ словомъ не обмолвился о томъ, какой же методъ онъ считаетъ правильнымъ; въ полемическихъ статьяхъ, написанныхъ имъ по поводу своей книги, онъ тоже не высказалъ объ этомъ своего мнѣнія. Его ожесточенная борьба противъ исторической необходимости даетъ поводъ предположить, что онъ держится того мнѣнія, будто научное обоснованіе соціализма вообще невозможно. Но противъ этого предположенія говоритъ то обстоятельство, что самъ онъ считаетъ себя марксистомъ и даже представителемъ настоящаго матеріалистическаго пониманія исторіи противъ тѣхъ догматическихъ марксистовъ, которые отстаиваютъ его классическую форму. Къ сожалѣнію, на простомъ „приниманіи въ разсчетъ“ различныхъ факторовъ нельзя построить никакого метода...

И вотъ, Бернштейнъ отдѣлывается нѣсколькими изреченіями оракула. На стр. 10 и 11-ой онъ говоритъ о томъ, что идеологическіе и этическіе факторы получаютъ все болѣе и болѣе широкую возможность проявляться самостоятельно, и заключаетъ: „Желѣзная необходимость исторіи должна испытать, такимъ образомъ, нѣкоторое ограниченіе, которое—оговоримся заранѣе — въ практической дѣятельности означаетъ не пониженіе, а *повышеніе* и *усложненіе* соціально-политическихъ задачъ“. Можно бы было ожидать, что въ дальнѣйшемъ изложеніи Бернштейна мы найдемъ

какія либо поясненія насчетъ этого „повышенія и усложненія“. Ничуть не бывало. Дальше этого намека онъ не идетъ...

Бернштейнъ ограничивается тѣмъ, что ополчается противъ стараго метода, не считая нужнымъ замѣнить его какимъ-либо новымъ. Онъ обходится безъ всякаго опредѣленнаго метода. Безсознательно продолжаетъ онъ употреблять старый матеріалистическій методъ, который прорывается во всей его книгѣ. Но такъ какъ онъ категорически заявилъ, что признаетъ этотъ методъ недостаточнымъ, то онъ считаетъ на этомъ основаніи себя въ правѣ отступать отъ этого метода тогда, когда выводы изъ него становятся для него неудобными.

Весьма характерно, что Бернштейнъ отказывается дать соціализму *„чисто*-матеріалистическое“ обоснованіе. *Непослѣдовательный* матеріализмъ — вотъ, къ чему сводится Бернштейновское исправленіе марксистскаго метода.

Діалектика.

Если по отношенію къ матеріалистическому пониманію исторіи Бернштейнъ выступаетъ не критикомъ, а комментаторомъ его, то за то въ дальнѣйшемъ изложеніи дѣло принимаетъ иной характеръ.

Ученіе Маркса и Энгельса, говоритъ онъ, пережило рядъ измѣненій, „но не всѣ измѣненія отдѣльныхъ частей или отдѣльныхъ посылокъ теоріи были достаточно приняты во вниманіе при окончательной выработкѣ этой теоріи. Марксъ и Энгельсъ ограничились тѣмъ, что отчасти просто лишь намекнули на то, какое вліяніе должны оказать признанныя ими измѣненія фактическихъ условій или болѣе глубокое пониманіе теоріи на всю эту теорію и на ея практическое примѣненіе, отчасти же точно установили это вліяніе, но лишь по отношенію къ отдѣльнымъ пунктамъ. И тутъ, однако, не обошлось у нихъ безъ противорѣчій. Задачу возстановить единство теоріи, единство между теоріей и практикой, они предоставили своимъ послѣдователямъ... Теперь дѣло обстоитъ такъ, что на основаніи словъ Маркса и Энгельса можно доказать *все что, угодно*. Для апологетовъ и литературныхъ крючкотворцевъ это очень удобно. Но у кого осталось хоть сколько нибудь теоретическаго смысла, тотъ, видя эти противорѣчія, почувствуетъ необходимость устранить ихъ. Вотъ въ этомъ, а не въ вѣчномъ повтореніи словъ учителей, состоитъ задача ихъ учениковъ“ (стр. 19)

Правильность мыслей, выраженныхъ въ послѣднемъ и первомъ предложеніи этого отрывка, я и не думаю отрицать. Но ко всему остальному я отношусь не менѣе критически, чѣмъ Бернштейнъ относится къ Марксу и Энгельсу, хотя рискую быть причисленнымъ имъ къ числу апологетовъ и крючкотворцевъ.

Что теорія Маркса не вышла готовой изъ головы ея основателя (или основателей), это само собою разумѣется точно такъ же, какъ и та дешевая истина, что задача учениковъ состоитъ не въ вѣчномъ повтореніи словъ учителей. Результаты, къ которымъ пришли Марксъ и Энгельсъ, не представляютъ собою послѣдняго слова науки. Общество переживаетъ постоянныя измѣненія; появляются не только новые

факты, но и новые методы наблюденія и изслѣдованія. Многое изъ того, что утверждали Марксъ и Энгельсъ, становится невѣрнымъ, многое требуетъ ограниченія, много оставленныхъ ими пробѣловъ должно быть пополнено.

Но Бернштейнъ говоритъ здѣсь не о подобнаго рода дальнѣйшемъ развитіи теоріи, а о тѣхъ противорѣчіяхъ въ которыхъ якобы запутались Марксъ и Энгельсъ, благодаря собственнымъ научнымъ пріобрѣтеніямъ,—благодаря тому, что они ие сдѣлали во всѣхъ областяхъ теоріи выводовъ изъ этихъ пріобрѣтеній, продолжали держаться старыхъ возрѣній, противорѣчащихъ ихъ собственнымъ новымъ возрѣніямъ.

Это уже не есть нѣчто, само собою разумѣющееся, это необходимо, настоятельно необходимо *доказать*. Обыкновенно ходъ развитія всякой теоріи совершенно не похожъ на тотъ, который изображаетъ намъ Бернштейнъ. Въ начальной стадіи своего развитія всякая теорія должна примыкать къ своимъ предшественницамъ; она не можетъ избѣжать противорѣчій; но чѣмъ болѣе она совершенствуется, чѣмъ болѣе самостоятельной она становится, тѣмъ больше традиціонныхъ формъ мысли сбрасываетъ она съ себя, тѣмъ цѣльнѣе и законченнѣе она становится. Неужели иначе дѣло обстояло у Маркса и Энгельса, двухъ мыслителей, чье стремленіе къ цѣльности взглядовъ, чья ясность мысли и точность выраженія признаются даже противниками? Неужели они, сами того не замѣчая, впали въ такую путаницу мысли и мыслили такъ расплывчато, что изъ ихъ сочиненій можно доказать *все*, что вздумается?

Нѣкоторыя положенія Маркса и Энгельса, дѣйствительно, допускаютъ, повидимому, различныя толкованія, но почему-же крючкотворецъ и апологетъ тотъ, кто пытается понимать ихъ не противорѣчиво? Такова ужъ судьба всякой глубокой философіи, что она понимается не сразу, что она излагается различно. Лишь тотъ вполнѣ пойметъ глубокаго мыслителя, кто сможетъ вполнѣ сжиться съ ходомъ его мысли. Противнику это едва ли когда удастся, и тамъ, гдѣ единомышленникъ видитъ полную стройность и законченность, противникъ видитъ противорѣчія, примирить которыя можетъ, дескать, лишь апологетъ и крючкотворецъ.

Какъ могло случиться, что Бернштейнъ лишь теперь, лишь съ тѣхъ поръ, какъ онъ вышелъ изъ цеха апологетовъ и крючкотворцевъ, сталъ открывать у Маркса и Энгельса противорѣчія? Что открыло ему вдругъ глаза? Мы вправѣ ожидать, что сильнымъ словамъ Бернштейна соотвѣтствуютъ и сильные, убѣдительные факты.

Сперва онъ приводитъ намъ въ доказательство своего

утвержденія *одинъ* примѣръ, одинъ единственный. Надо думать, и подавляющій же это примѣръ!

Въ предисловіи къ новому изданію (1872 г.) „Коммунистическаго Манифеста“ Марксъ и Энгельсъ называли изложенную въ немъ программу *„мѣстами устарѣвшей“*. Но въ 1885 г. Энгельсъ перепечатываетъ ее и нѣкоторые другіе документы и при этомъ замѣчаетъ, что въ нихъ „и теперь многимъ есть чему поучиться“, и что „многое еще и теперь имѣетъ значеніе“. Признаюсь, я такой апологетъ и крючкотворецъ, что не нахожу никакого противорѣчія между этими заявленіями и признаніемъ программы „мѣстами устарѣвшей“...

Въ дальнѣйшемъ изложеніи Бернштейнъ указываетъ еще другія противорѣчія. Откуда они проистекаютъ? Какъ объяснить, что два столь сильные мыслителя, отличавшіеся такой строгой логикой, могли такъ запутаться? Виною этого—Гегелевская *діалектика*: это первородный грѣхъ марксизма.

Если бы Энгельсъ самъ предпринялъ необходимый пересмотръ теоріи, то „ему бы непремѣнно пришлось если и не съ полной откровенностью, то, по крайней мѣрѣ, фактически разсчитаться съ Гегелевской діалектикой. Въ доктринѣ Маркса она самый опасный элементъ, это—ловушка, которая стоитъ на пути всякаго логическаго изученія вещей“ (стр. 26). „Логическое кувырканье гегеліанства кажется радикальнымъ и остроумнымъ. Подобно блуждающему огоньку, оно рисуетъ намъ въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ заоблачныя перспективы. Но, если мы станемъ руководиться имъ въ выборѣ дороги, *мы непремѣнно попадемъ въ болото*. Все, что Марксъ и Энгельсъ дали великаго, они дали не благодаря Гегелевской діалектикѣ, а вопреки ей“ (стр. 36).

Но что-же останется отъ марксизма, если отнять отъ него діалектику, которая была для него „лучшимъ орудіемъ изслѣдованія“ и „самымъ острымъ оружіемъ“ (Энгельсъ, „Feurbach“)? Развѣ мышленіе Маркса и Энгельса не было насквозь діалектично?

Уже въ 1875 г. Дюрингъ писалъ въ своей „Критической исторіи“ (Kritiche Geschichte) о первомъ томѣ „Капитала“ Маркса:

„При отличающемъ эту книгу отсутствіи естественной, вразумительной логики, при отличающихъ ее діалектическихъ хитросплетеніяхъ и арабескахъ мысли, нѣтъ рѣшительно никакой возможности предвидѣть, что собственно будетъ сказано, на человѣческомъ, нѣмецкомъ языкѣ, въ двухъ слѣдующихъ томахъ. Къ вышедшей уже въ свѣтъ части книги приходится примѣнить тотъ принципъ, что въ извѣстномъ отношеніи и по извѣстному философскому предраз-

судку, можно вложить всякій смыслъ во всякое разсужденіе и какой угодно смыслъ во всѣ разсужденія, такъ что въ результатѣ этой путаницы представленій и извращеній все, въ концѣ концовъ, можно свести къ одному“ (2-ое изд., стр. 496).

Это почти тоже самое, что говоритъ Бернштейнъ, который вѣдь утверждаетъ, что на основаніи словъ Маркса и Энгельса можно доказать все, что угодно. Только между Бернштейномъ и Дюрингомъ есть та разница, что этотъ послѣдній отнюдь не претендовалъ на то, что его критика есть „дальнѣйшее развитіе и разработка марксистскаго ученія“, и не приходилъ къ тому выводу, что „въ концѣ концовъ, противъ Маркса правда оказывается на сторонѣ того же Маркса“.

Но оставимъ пока въ сторонѣ Маркса и обратимся къ этой предательской діалектикѣ.

Въ чемъ собственно состоитъ эта безнравственная вещь, которая ставитъ намъ ловушки и подвергаетъ опасности нашу добродѣтель? Не въ чемъ иномъ, какъ въ томъ воззрѣніи, „что на міръ должно смотрѣть не какъ на комплексъ готовыхъ *вещей*, а какъ на комплексъ *процессовъ*: кажущіяся прочными вещи, точно также какъ и мысленныя отраженія ихъ въ нашей головѣ, понятія, испытываютъ безпрестанныя измѣненія, безпрестанно возникаютъ и исчезаютъ, и при всей кажущейся случайности, вопреки всѣмъ временнымъ обратнымъ теченіямъ, въ концѣ концовъ, пролагаетъ себѣ дорогу дальнѣйшее развитіе“ (Энгельсъ, „Feuerbach“, стр. 46). *Двигателемъ* же всего развитія является борьба *противоположностей*.

Признаетъ ли Бернштейнъ ошибочнымъ само это воззрѣніе, или тѣ особыя формы, въ которыхъ оно выражено у Гегеля или у Маркса и Энгельса? Онъ хочетъ предпринять пересмотръ теоріи,—пересмотръ, котораго не успѣлъ сдѣлать Энгельсъ,—онъ объявляетъ, что прежде всего необходимо для этого *разсчитаться* съ діалектикой, онъ неистовствуетъ противъ діалектики,—но во всемъ своемъ сочиненіи онъ не проронилъ ни одного слова о томъ, въ чемъ-же, по его мнѣнію состоитъ ошибочность діалектики.

Бернштейнъ ограничивается тѣмъ, что объявляетъ діалектику очень опасной, потому что ее легко можно примѣнять безсмысленно.

Для нашей цѣли достаточно отмѣтить это мнѣніе Бернштейна. Во всякомъ случаѣ, и это мнѣніе позволяетъ намъ, даже обязываетъ насъ, мыслить діалектически,—или, вѣрнѣе сказать, оно разрѣшаетъ не-марксистамъ мыслить діалектически. Весь вопросъ въ томъ, разрѣшается ли это также и марксистамъ.

Діалектическое мышленіе, говоритъ Бернштейнъ, очень хорошо и прекрасно тамъ, гдѣ оно не служитъ какому-либо „предвзятому мнѣнію“, которое приводитъ насъ къ „произвольнымъ построеніямъ“. Вотъ въ этомъ-то случаѣ діалектика и становится опасной.

Совершенно вѣрно,—непонятно только, почему именно діалектическое мышленіе должно быть при этомъ болѣе опаснымъ, чѣмъ всякое мышленіе вообще? Неужели объясненіемъ здѣсь должны служить слѣдующія слова Бернштейна: „Ни одинъ методъ изслѣдованія и изложенія не благопріятенъ въ такой степени для подобныхъ построеній, ни одинъ не даетъ имъ такого благовиднаго обличья, какъ діалектика; поэтому ни одинъ методъ и не представляетъ такихъ опасностей. Ибо лишь весьма немногіе изъ примѣняющихъ діалектику слѣдуютъ при этомъ тѣмъ правиламъ, которыя предписалъ для нея самъ Гегель“.

Неужели это въ самомъ дѣлѣ законъ природы для Гегелевской діалектики, что она примѣняться неправильно? А разъ это не такъ, тогда неправильное примѣненіе діалектики есть ошибка не Гегеля, а данныхъ діалектиковъ, т. е. въ нашемъ случаѣ—Маркса и Энгельса. И въ самомъ дѣлѣ, обвиненіе ловушекъ Гегелевской діалектики, лишь только Бернштейнъ начинаетъ разсчитываться съ нею, превращается въ обвиненіе метода Маркса, въ обвиненіе самаго зрѣлаго и блестящаго продукта этого метода,—„Капитала“.

Я возразилъ было Бернштейну:

„Кто выходитъ за предѣлы дѣйствительности и прибѣгаетъ къ произвольнымъ построеніямъ, тотъ всегда потерпитъ фіаско—все равно, примѣняетъ ли онъ діалектику, или возвращается назадъ къ Канту. Но повиненъ ли Марксъ въ произвольныхъ построеніяхъ? Дюрингъ уже выставилъ такое утвержденіе по отношенію къ параграфу „Капитала“ объ исторической тенденціи капиталистическаго накопленія: „За неимѣніемъ лучшихъ и болѣе ясныхъ доводовъ гегелевскому отрицанію отрицанія приходится здѣсь играть роль повивальной бабки, при помощи которой будущее выходитъ изъ нѣдръ прошлаго“. Энгельсъ отвѣтилъ на это въ своемъ Anti-Dühring'ѣ: „Характеризуя извѣстный процессъ, какъ отрицаніе отрицанія, Марксъ и не думаетъ доказывать этимъ историческую необходимость этого процесса. Напротивъ. Послѣ того, какъ онъ доказалъ исторически, что процессъ этотъ частью уже совершился, а частью неизбѣжно долженъ совершиться,—лишь послѣ этого онъ характеризуетъ также этотъ процессъ, совершающійся по извѣстному діалектическому закону. Вотъ и все“.

„Марксъ, самъ говорилъ въ „Послѣсловіи“ ко второму

изданію „Капитала“: „Изслѣдователь долженъ овладѣть матеріаломъ во всѣхъ его деталяхъ, долженъ проанализировать его различныя формы развитія и прослѣдить ихъ внутреннюю связь другъ съ другомъ. Лишь послѣ того, какъ произведена эта работа, можно дать удовлетворительное изложеніе дѣйствительнаго движенія. Если это изложеніе удалось, и если жизнь матеріала получаетъ свое отраженіе въ идеѣ, то *читателю можетъ показаться, будто передъ нимъ какое-то апріорное построеніе*“.

„Поэтому, если Бернштейнъ думаетъ, что примѣняющій Гегелевскую діалектику подвергается опасности сочинять произвольныя построенія, то мы видимъ здѣсь, что читатель Маркса, ограничивающійся внѣшней стороной изложенія, легко подвергается опасности принять за апріорныя построенія то, что на самомъ дѣлѣ есть продуктъ глубокаго проникновенія въ дѣйствительность“.

Бернштейнъ возражаетъ на это:

„При всемъ уваженіи къ Марксу, на это можно отвѣтить, что утвержденіе и даже увѣренность писателя въ томъ, что онъ работалъ, руководясь тѣми или иными принципами, не есть еще доказательство фактическаго, послѣдовательнаго проведенія имъ этихъ принциповъ. Въ особенности, когда дѣло идетъ о *столь тенденціозномъ произведеніи, какъ „Капиталъ“*. Безъ сомнѣнія, это произведеніе содержитъ громадную массу научнаго матеріала и является продуктомъ глубокаго проникновенія въ дѣйствительность. Но какъ книга, въ цѣломъ, оно не представляетъ собою объективнаго изложенія собранныхъ и изслѣдованныхъ частностей: это скорѣе боевое, если хотите, полемическое сочиненіе...

„Ясно, во всякомъ случаѣ, что различіе, напр., между тѣми главами основного труда Маркса, гдѣ изображается переходъ отъ ремесленнаго къ капиталистическому способу производства, и отдѣла: „Историческая тенденція капиталистическаго накопленія“ отнюдь не исчерпывается тѣмъ, что первыя главы изображаютъ дѣйствительный процессъ развитія, а послѣдняя набрасываетъ перспективу будущаго. Напротивъ, различіе между ними состоитъ также въ томъ, что въ одномъ случаѣ діалектическій методъ играетъ роль лишь простого вспомогательнаго средства при изслѣдованіи фактическихъ данныхъ, причемъ факты, насколько дѣло касается дѣйствительнаго процесса развитія, нигдѣ не насилуются, а въ другомъ случаѣ — факты изображаются не вполнѣ вѣрно, подбираются односторонне для того, чтобы ихъ можно было втиснуть въ *заранѣе діалектически-построенную схему*. Тѣмъ, кто оспариваетъ это, мы укажемъ на то, что названная схема не содержитъ ни одной мысли, кото-

рая бы не была указана уже въ „Манифестѣ“,—даже въ „Heilige Familie“. Этимъ не исчерпывается еще генеалогія схемы, но для нашей цѣли достаточно установить, что „Капиталъ“, какъ я указалъ въ своей книгѣ, подгоняется къ одному тезису, который *былъ готовъ за долго до того*, какъ Марксъ приступилъ къ изслѣдованію“.

Затѣмъ слѣдуетъ цитированное мною выше положеніе, что ни одинъ методъ не представляетъ такихъ удобствъ для подобныхъ построеній, какъ діалектика, и что лишь весьма немногіе, пользующіеся діалектикой, соблюдаютъ при этомъ предписанныя самимъ Гегелемъ правила. Для иллюстраціи Бернштейнъ приводитъ въ примѣчаніи слѣдующую цитату изъ предисловія Лассаля къ его сочиненію: „Система пріобрѣтенныхъ правъ“.

„Такимъ образомъ, у гегеліанцевъ господствуетъ настоящій horror pleni (боязнь полноты), боязнь передъ положительнымъ матеріаломъ и его необъятной полнотой, тогда какъ истина можетъ быть познана *лишь изъ конкретныхъ деталей эмпирическаго*, истина можетъ найти *настоящее подтвержденіе только въ эмпирическомъ*“. Правда, говорится у Лассаля далѣе, эмпирическая наука есть „элементъ, которымъ гораздо труднѣе овладѣть и который гораздо *менѣе податливъ*, чѣмъ ковкій эфиръ общихъ фразъ“.

Бернштейнъ могъ бы обойтись и безъ этой цитаты, ибо въ такой связи она производитъ впечатлѣніе столь же неприличнаго, сколь и смѣшного заподазриванія. Чтобы Бернштейнъ умышленно хотѣлъ вызвать какое либо подозрѣніе этого я не допускаю, а въ такомъ случаѣ данная цитата является лишь совершенно пустой „общей фразой“.

Такая цитата имѣла бы здѣсь смыслъ лишь въ случаѣ, если бы она относилась къ Марксу, ибо во всемъ отрывкѣ идетъ рѣчь именно о „Капиталѣ“. Но мы считаемъ совершенно невозможнымъ, чтобы Бернштейнъ хотѣлъ сказать, что у Маркса господствуетъ horror pleni, боязнь предъ положительнымъ матеріаломъ, что онъ предпочиталъ эмпирической наукѣ „ковкій эфиръ общихъ фразъ“. Онъ не могъ умышленно сказать этого, не могъ уже по той причинѣ, что этимъ онъ сдѣлалъ бы себя смѣшнымъ въ глазахъ всякаго, кто читалъ *хоть одно* произведеніе Маркса.

Если же онъ имѣетъ въ виду не Маркса, тогда вся цитата лишена всякаго смысла. Если Лассаль въ своемъ предисловіи говоритъ о „гегеліанцахъ“, то онъ имѣетъ въ виду не всѣхъ учившихся по Гегелю, не Маркса или Энгельса, не Фейербаха или Бруно Бауэра и не себя самого, онъ говоритъ о представителяхъ философіи права среди гегеліанцевъ, которые ограничивались пережевываніемъ Ге-

гелевскихъ положеній вмѣсто того, чтобы изучать дѣйствительность. Очевидно, что къ спорному вопросу—совершили ли Марксъ и Энгельсъ свое великое дѣло вопреки Гегелевской діалектикѣ, или при ея помощи,—приведенная въ данной связи цитата изъ Лассаля приплетена, какъ говорится, ни къ селу, ни къ городу.

Подробнѣе придется намъ остановиться на другомъ утвержденіи Бернштейна: Марксъ лишь воображалъ, будто онъ примѣняетъ тотъ методъ, который онъ считалъ наилучшимъ, но самъ не всегда примѣнялъ его, ибо его произведеніе есть *тенденціозное сочиненіе*; оно подгоняется къ опредѣленному тезису, который имѣлся наготовѣ еще задолго до того, какъ Марксъ приступилъ къ своему изслѣдованію, и недостатокъ діалектическаго метода состоитъ именно въ томъ, что онъ гораздо болѣе пригоденъ, чѣмъ всякій другой, для кажущагося обоснованія подобныхъ тезисовъ.

Итакъ, передъ нашими глазами предательскія и коварныя свойства Гегелевской діалектики все болѣе улетучиваются; то, что недавно еще было сиреной, манящей и губящей сиреной,—то превращается постепенно въ неопытную невинность, которую растлѣваетъ, которой злоупотребляетъ—*тенденціозность* Маркса. Не въ *діалектикѣ*, а *тенденціи*, которая пользуется этой діалектикой, заключается въ сущности опасность; тенденція—вотъ предательское и зловредное качество книги Маркса...

Этотъ взглядъ ясно выраженъ въ заключительной главѣ книги Бернштейна. Онъ говоритъ такъ:

„По моему мнѣнію, данная глава (глава объ исторической тенденціи капиталистическаго накопленія, въ концѣ I тома „Капитала“) иллюстрируетъ тотъ дуализмъ, который проходитъ черезъ весь монументальный трудъ Маркса, обнаруживаясь въ менѣе рѣзкой формѣ и въ другихъ мѣстахъ. Дуализмъ этотъ состоитъ въ томъ, что Марксъ хочетъ дать въ своемъ сочиненіи научное изслѣдованіе и въ то же время доказать *тезисъ, который былъ готовъ задолго до того, какъ онъ задумалъ это сочиненіе*,—въ томъ, что въ основѣ этого сочиненія лежитъ схема, заранѣе устанавливающая тотъ результатъ, къ которому должно привести развитіе. Ссылка на „Манифестъ“ указываетъ здѣсь на фактическій остатокъ утопизма въ системѣ Маркса. Марксъ принялъ *рѣшеніе утопистовъ* въ его существенныхъ чертахъ, признавъ лишь недостаточными ихъ средства (рѣшенія) и ихъ доказательства. Онъ предпринялъ пересмотръ этихъ послѣднихъ и произвелъ его съ прилежаніемъ, критической глубиной и любовью къ истинѣ, характеризующими генія въ области науки. Онъ не умолчалъ ни объ одномъ важномъ фактѣ,

онъ не пытался насильственно сузить значеніе этихъ фактовъ, поскольку предметъ его изслѣдованія не имѣлъ непосредственнаго отношенія къ конечной цѣли, установленной той схемой, которую онъ хотѣлъ доказать. Въ этихъ предѣлахъ его сочиненіе свободно отъ всякой тенденціозности, неизбѣжно разрушающей научность. Ибо общее сочувствіе освободительнымъ стремленіямъ трудящагося класса само по себѣ не препятствуетъ научности. Но лишь только Марксъ приближается къ такимъ пунктамъ, которые серьезно затрагиваютъ эту конечную цѣль и ставятъ ее подъ сомнѣніе,—онъ становится неувѣреннымъ и ненадежнымъ;—онъ впадаетъ въ тѣ противорѣчія, которыя были указаны въ моемъ сочиненіи, между прочимъ, въ главѣ о движеніи доходовъ въ современномъ обществѣ;—и, такимъ образомъ, оказывается, что этотъ великій научный умъ былъ, въ концѣ концовъ, плѣнникомъ доктрины, Выражаясь метафорически, онъ возвелъ величественное зданіе внутри лѣсовъ, которые онъ нашелъ готовыми; при возведеніи этого зданія онъ строго держался законовъ научной архитектуры лишь настолько, насколько эти законы не приходили въ столкновеніе съ тѣми условіями, которыя предписывало ему расположеніе лѣсовъ, онъ пренебрегалъ этими законами или обходилъ ихъ тамъ, гдѣ лѣса были слишкомъ узки и не давали возможности соблюсти эти законы. Вмѣсто того, чтобы разрушать лѣса въ тѣхъ случаяхъ, когда они ставили предѣлы постройкѣ и не давали возвести зданіе такъ, чтобы оно держалось правильно и свободно,—вмѣсто этого онъ измѣнялъ само зданіе въ ущербъ его пропорціональности, вмѣсто этого онъ приспособлялъ зданіе къ лѣсамъ. Не сознаніе ли этого несоотвѣтствія заставляло его ограничиваться частичными поправками своего сочиненія вмѣсто того, чтобы довести его до конца? Какъ бы тамъ ни было,—я убѣжденъ въ томъ, что во всѣхъ случаяхъ, когда проявляется указанный дуализмъ, лѣса должны пасть, если только хотятъ, чтобы зданіе могло воздвигаться правильно. Именно въ этомъ зданіи, а не въ лѣсахъ заключается то, что достойно пережить Маркса".

Тутъ со всей ясностью обнаруживается, что не діалектика является той ловушкой, которая „препятствуетъ всякому правильному разсмотрѣнію вещей", а „рѣшеніе утопистовъ". Марксъ наученъ тамъ, гдѣ вопросъ не „затрагиваетъ серьезно конечной цѣли". „Ибо общее сочувствіе освободительнымъ стремленіямъ трудящагося класса", проявляемое любымъ катедеръ-соціалистомъ, „не препятствуетъ научности". Но разъ вопросъ касается конечной цѣли, Марксъ становится „неувѣреннымъ и нена-

дежнымъ". Дѣйствительно-цѣнная и прямая заслуга Маркса это—его отдѣльныя наблюденія о раздѣленіи труда, о машинахъ, о деньгахъ и т. п. Чтобы воспользоваться этимъ солиднымъ зданіемъ, надо разрушить лѣса,—„рѣшеніе утопистовъ", „тезисъ имѣвшійся наготовѣ" еще раньше, чѣмъ было задумано само сочиненіе.

То же самое, только нѣсколькими иными словами, говорятъ господа Юліусъ Вольфъ и К°, и я долженъ сознаться, что когда обвиненіе формулируется такимъ образомъ, то въ немъ все же больше смысла, чѣмъ въ обвиненіи, направленномъ противъ діалектики.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что „Капиталъ" былъ бы еще болѣе научнымъ и безпристрастнымъ трудомъ, если бы авторъ его соединялъ со своимъ геніемъ, со своей основательностью, со своей любовью къ истинѣ прекрасное свойство пребыванія выше всякихъ классовыхъ противоположностей, не теряя въ то же время глубокаго чутья экономической дѣйствительности. Можно, конечно, высказать пожеланіе, чтобы появился такой изслѣдователь, но только въ современномъ обществѣ оно неизбѣжно должно остаться лишь благимъ пожеланіемъ.

Сила научнаго изслѣдованія такъ велика, что она можетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, поднять изслѣдователя соціальныхъ отношеній выше традиціонной точки зрѣнія *его собственнаго класса*. Именно такъ и было съ Марксомъ и Энгельсомъ. Но результаты экономическаго изслѣдованія такъ глубоко затрагиваютъ самые жизненные интересы отдѣльныхъ противоположныхъ классовъ, что чѣмъ глубже изслѣдователь погружается въ изученіе дѣйствительности, чѣмъ шире онъ ее понимаетъ, чѣмъ сильнѣе становится его стремленіе къ истинѣ, тѣмъ менѣе онъ можетъ оставаться равнодушнымъ къ великимъ событіямъ нашего времени...

Если бы Бернштейнъ хотѣлъ сказать, что соединеніе соціальнаго изслѣдованія съ соціальной борьбой есть одна изъ невыгодныхъ сторонъ экономической науки по сравненію съ естествознаніемъ, то пришлось бы согласиться съ нимъ. Но тогда было бы странно, что онъ замѣчаетъ эту невыгодную сторону только у Маркса. Въ этомъ смыслѣ всякое экономическое сочиненіе есть „тенденціозное сочиненіе",—не исключая, напр., и сочиненій Адама Смита и Рикардо.

Но Бернштейнъ, очевидно, не это имѣетъ въ виду, когда онъ ставитъ въ упрекъ „Капиталу", что это—тенденціозное сочиненіе, предназначенное для доказательства тезиса, который „имѣлся на готовѣ задолго до того, какъ Марксъ

приступилъ къ изслѣдованію", что оно, слѣдовательно, въ очень важныхъ пунктахъ является не научнымъ изслѣдованіемъ, а рѣчью адвоката, который не разбираетъ, правъ ли его кліентъ, а хочетъ, во что бы то ни стало, доставить побѣду своему кліенту.

Бернштейнъ какъ будто не замѣчаетъ, что это самое тяжелое обвиненіе, какое только можно выставить противъ научнаго сочиненія. Объявивъ своихъ прежнихъ товарищей апологетами и крючкотворцами за то, что они продолжаютъ стоять за то же дѣло, за которое онъ боролся рука объ руку съ ними въ теченіе 20-ти лѣтъ, Бернштейнъ кончаетъ тѣмъ, что причисляетъ къ числу апологетовъ и крючкотворцевъ и своихъ учителей, благодарнымъ ученикомъ которыхъ онъ считаетъ себя.

Конечно, истина — выше всего, и если дѣйствительно таково убѣжденіе Бернштейна, то никто не вправѣ упрекать его за то, что онъ открыто высказываетъ его. Но мы еще въ достаточной степени крючкотворцы, чтобы требовать хоть одного доказательства подобнаго утвержденія и относиться къ этому доказательству критически.

Бернштейнъ заявляетъ, будто въ главѣ о тенденціи капиталистическаго накопленія насилуются факты, съ цѣлью подогнать ихъ подъ заранѣе діалектически построенную схему. „Тѣмъ, кто оспариваетъ это, мы укажемъ на то, что названная схема не содержитъ ни одной мысли, которая не была бы указана уже въ „Манифестѣ" и даже въ „Heillige Familie".—Таковъ тотъ тезисъ, который былъ готовъ „задолго до того, какъ Марксъ приступилъ къ изслѣдованію".

Къ *какому* изслѣдованію? Вотъ, въ чемъ вопросъ. Хочетъ ли Бернштейнъ сказать, что Марксъ пришелъ къ этому тезису безъ всякаго изслѣдованія, что онъ чисто діалектически вывелъ его изъ понятій, что ему для этого достаточно было выучить наизусть формулу отрицанія?

Или Бернштейнъ хочетъ сказать, что Марксъ нашелъ этотъ „тезисъ" уже формулированнымъ другими и принялъ его безъ критики? Мы не можемъ допустить, чтобы Бернштейнъ хотѣлъ выставить то или другое изъ этихъ утвержденій, ибо это было бы просто смѣшно. А если такъ, то намъ остается лишь то предположеніе, что Марксъ пришелъ къ своему тезису не иначе, какъ именно путемъ научнаго изслѣдованія.

Марксъ уже давно былъ гегельянцемъ, онъ игралъ уже извѣстную роль, какъ политикъ, не имѣя еще и подозрѣнія о томъ, что Бернштейнъ называетъ его діалектически построенной схемой. Какъ онъ пришелъ къ своимъ политико-экономическимъ воззрѣніямъ, это онъ самъ описалъ въ пре-

дисловіи къ „Zur Kritik der politischen Oekonomie“: „Моей спеціальностью была юриспруденція, но ея изученіе шло у меня, однако, лишь на второмъ мѣстѣ вслѣдъ за изученіемъ философіи и исторіи. Въ 1842—1843 г., когда я былъ редакторомъ „Rheinische Zeitung“, я впервые былъ поставленъ передъ трудной задачей высказаться о такъ-называемыхъ матеріальныхъ интересахъ... Съ другой стороны, въ то время, когда доброе намѣреніе „быть передовымъ“ нерѣдко замѣняло серьезное знакомство съ предметомъ,—въ „Rheinische Zeitung“, стало подавать о себѣ голосъ слабо-философски окрашенное эхо французскихъ соціальныхъ ученій. Я объявилъ себя противникомъ этого кропательства, но въ то же время прямо заявилъ въ спорѣ съ „Аугсбургской Всеобщей Газетой“, что характеръ моихъ прежнихъ занятій не позволяетъ мнѣ отважиться на какое либо самостоятельное сужденіе о содержаніи французскихъ направленій. „Я воспользовался удобнымъ случаемъ, когда редакторы „Рейнской Газеты“ задались иллюзорнымъ планомъ понизить ея тонъ, чтобы добиться отмѣны состоявшагося надъ нею смертнаго приговора, и удалился съ публичной арены въ кабинетъ“.

Не правда ли, какъ это похоже на тезисъ, готовый задолго до начала изслѣдованія!

Марксъ отправился сперва въ Парижъ, а затѣмъ въ Брюссель. По первоисточникамъ изучалъ онъ различныя направленія французскаго, а затѣмъ англійскаго соціализма и политическую экономію,—вмѣстѣ съ Энгельсомъ, который помогалъ ему ознакомиться съ англійскими условіями. Изъ всѣхъ этихъ изученій, а не изъ какого нибудь діалектическаго построенія и выработались постепенно у нихъ обоихъ тѣ воззрѣнія, которыя въ первый разъ были стройно изложены въ „Манифестѣ“.

Другіе люди удовольствовались бы такимъ обоснованіемъ, но Марксъ и Энгельсъ—не удовольствовались. Революція прервала ихъ занятія. Марксъ возобновилъ ихъ въ Лондонѣ въ 1850 г., какъ онъ сообщаетъ далѣе въ цитированномъ уже выше предисловіи. Кромѣ того, его журнальная работа въ „New Jork Tribune“ принуждала его изучать экономическое развитіе Англіи и континента.

„Этотъ набросокъ, излагающій ходъ моихъ занятій въ области политической экономіи, долженъ только показать, что мои взгляды, какъ бы о нихъ ни судили, какъ бы они ни противорѣчили своекорыстнымъ предразсудкамъ, *составляютъ результатъ добросовѣстныхъ и долголѣтнихъ изслѣдованій*“.

Теперь мы ясно видимъ, какъ обстоитъ дѣло съ тѣмъ „изслѣдованіемъ“, къ которому Марксъ приступилъ будто бы лишь

тогда, когда его тезисъ былъ давно готовъ. На самомъ дѣлѣ мы имѣемъ дѣло не съ *однимъ*, а съ *двумя* изслѣдованіями. Первое закончилось „Манифестомъ“. Но Марксъ настолько не считалъ своего тезиса готовымъ, что послѣ перерыва „началъ сначала“ работать надъ новымъ матеріаломъ. Онъ пришелъ при этомъ въ существенныхъ пунктахъ къ тому же самому результату, какъ и въ первый разъ. Это повтореніе изслѣдованія для каждаго безпристрастнаго человѣка должно свидѣтельствовать о рѣдкой, не превзойденной никѣмъ другимъ основательности и добросовѣстности. Бернштейнъ же *просто* совершенно *вычеркиваетъ первое изслѣдованіе изъ исторіи*; онъ говоритъ только о томъ изслѣдованіи, которое привело къ „Капиталу“, и такъ какъ этотъ послѣдній приходитъ къ тому же результату, что и „Манифестъ“, то Бернштейнъ видитъ въ этомъ доказательство того, что этотъ результатъ былъ тезисомъ, готовымъ еще до начала „изслѣдованія“, тезисомъ, для подтвержденія котораго подбирались факты дѣйствительности. Рѣдко можно встрѣтить такое легкомысленное доказательство столь тяжкаго обвиненія. Если счетчикъ два раза рѣшаетъ свою задачу и получаетъ каждый разъ одинъ и тотъ же результатъ, то, по логикѣ Бернштейна, его можно упрекнуть въ томъ, будто онъ придумалъ этотъ результатъ произвольно, раньше чѣмъ приступилъ къ своему вычисленію, и подстроилъ это вычисленіе такимъ образомъ, чтобы получился желательный результатъ. Стоитъ только назвать второе вычисленіе „вычисленіемъ вообще“,—какъ Бернштейнъ назвалъ второе изслѣдованіе „изслѣдованіемъ вообще“.

А чтобы очистить Маркса этимъ пресловутымъ способомъ и поднять его на какую-то высшую ступень, для этого Бернштейну пришлось не только „абстрагировать“ отъ изслѣдованій, которыя привели къ „Манифесту“, но и воздержаться также отъ точнаго опредѣленія того тезиса, который былъ готовъ задолго до изслѣдованія.

Подъ этимъ тезисомъ врядъ ли можно разумѣть что либо другое, кромѣ того положенія, что капиталистическій способъ производства самъ порождаетъ средства своего собственнаго уничтоженія,—порождаетъ путемъ концентраціи капитала и пр. Этотъ тезисъ дѣйствительно можно прослѣдить, начиная съ „Heilige Familе“, во всѣхъ принципіальныхъ сочиненіяхъ Маркса и Энгельса; этотъ тезисъ и составляетъ характеристическую черту марксизма. Но стоитъ лишь точно назвать этотъ тезисъ, чтобы сразу увидѣть, что было бы прямо безсмыслицей объявлять его схемой, выведенной изъ Гегелевскихъ понятій. Можно считать его невѣрнымъ,—мы не станемъ говорить объ этомъ здѣсь, гдѣ рѣчь

идетъ о *методѣ*, а не о *результатахъ*. Но никто не сочтетъ возможнымъ, чтобы къ подобному положенію можно было придти какимъ-либо инымъ путемъ, кромѣ изслѣдованія фактическихъ отношеній, кромѣ проникновенія въ „конкретныя детали эмпирическаго“. Бернштейну остается только еще заявить, что „Положеніе рабочаго класса въ Англіи“ Энгельса, вышедшее 1845 году, есть тоже продуктъ діалектическаго *построенія*. Это сочиненіе прекрасно показываетъ, какой ходъ мысли породилъ тотъ тезисъ, который Марксъ, по словамъ Бернштейна, построилъ въ воздухѣ для того, чтобы сдѣлать задачей своей жизни отыскиваніе аргументовъ для его обоснованія.

Ужъ не понимаетъ ли Бернштейнъ подъ „тезисомъ“ Маркса что-нибудь иное? Онъ говоритъ также, что Марксъ въ существенныхъ чертахъ принялъ *„рѣшеніе утопистовъ“*, но нашелъ недостаточнымъ ихъ обоснованіе, и потому озаботился раздобыть лучшіе аргументы для доказательства ихъ схемы. Эту заранѣе готовую схему Бернштейнъ смѣшиваетъ съ діалектически-построенной схемой; но первая отличается отъ второй хотя бы уже тѣмъ, что утописты не были гегеліанцами, а еще болѣе тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ ни у Маркса, ни у Энгельса не было никакого подобнаго „рѣшенія“. Бернштейнъ говоритъ объ *одномъ* „рѣшеніи утопистовъ“. Но у утопистовъ было не *одно* рѣшеніе, а у *каждаго изъ нихъ было свое рѣшеніе*. Марсизмъ же тѣмъ и отличается, что *не даетъ никакого готоваго рѣшенія*. И Марксъ, и Энгельсъ, лишь только прочно установилась ихъ точка зрѣнія, заявили это съ самаго начала...

Никогда не было у нихъ въ карманѣ готоваго „рѣшенія“; они всегда защищали воззрѣнія, безусловно исключавшія всякое готовое рѣшеніе.

То, что относится къ учителямъ, относится также и къ ученикамъ. Если есть какое-нибудь ученіе, исключающее слѣпое преклоненіе передъ словами учителя, такъ это именно ученіе Маркса. Его діалектическо-матеріалистическое пониманіе исторіи учитъ насъ смотрѣть на общество, не какъ на нѣчто готовое, а какъ на комплексъ процессовъ, неизбѣжно совершающихся по опредѣленнымъ законамъ. Оно учитъ насъ искать въ экономикѣ конечную причину нашихъ новыхъ общественныхъ идей, выводить изъ нея силы, направляющія современное движеніе, условія, а также и границы нашихъ успѣховъ. Съ этой точки зрѣнія не можетъ быть ничего нелѣпѣе, какъ выводить задачи современнаго движенія изъ идей. Ни одно ученіе не требуетъ такого „проникновенія въ конкретныя детали эмпирическаго“, какъ

именно ученіе Маркса, ни одно не отвергаетъ такъ рѣшительно абсолютныя истины, какъ оно.

Марксистовъ часто упрекаютъ въ томъ, что они образуютъ церковь, которая только и умѣетъ, что комментировать свое евангеліе. Еще недавно это обвиненіе бросилъ г-нъ докторъ Шитловскій въ статьѣ, въ которой онъ—*комментируетъ* философскія воззрѣнія Маркса и Энгельса. Вотъ по этому-то большая часть нашихъ силъ и поглощается комментированіемъ взглядовъ нашихъ учителей: мы могли бы дѣлать и кое-что получше, но въ виду безчисленныхъ нападокъ, неправильныхъ толкованій и искаженій, которыя преподносятъ наши противники, мы вынуждены хоть время отъ времени возстановлять истину...

До сихъ поръ Бернштейнъ помогалъ намъ въ этой дѣятельности. Теперь онъ присоединился къ огромной толпѣ, которая заставляетъ насъ тратить время на то, чтобы въ тысячный разъ разбирать, что собственно сказалъ Марксъ, и чего собственно онъ говорилъ. Къ сожалѣнію, Бернштейнъ успѣлъ даже перенять дурную манеру этихъ людей, которые, смиренно бія себя въ перси, благодарятъ Бога за то, что они не такіе апологеты и крючкотворцы, какъ тѣ марксисты, которые умѣютъ лишь повторять слова учителя, которые еще задолго до того, какъ они приступятъ къ научному изслѣдованію, имѣютъ уже въ карманѣ готовые тезисы.

Вотъ, къ чему сводится, при ближайшемъ разсмотрѣніи, вся суть Бернштейновской критики діалектики.

Стоимость.

За философіей идетъ политическая экономія. Ключемъ къ ней является теорія стоимости, на которой Бернштейнъ и останавливается. Здѣсь уже всего менѣе была умѣстна та „неувѣренная, тяжеловѣсная форма первой главы", въ которой онъ самъ себя обвиняетъ. Въ вопросѣ столь трудномъ и столь важномъ особенно необходимо высказаться ясно и рѣшительно, не оставляя мѣста ни малѣйшимъ сомнѣніямъ.

Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи Бернштейнъ и здѣсь оставляетъ желать многаго. Задача его книги изложить безъ всякихъ двусмысленностей *его* новѣйшія воззрѣнія, которыя вызываютъ столько недоразумѣній. А онъ даетъ намъ по вопросу о теоріи стоимости, *рефератъ* о *Марксовой* теоріи стоимости, выражаетъ кое-гдѣ свои сомнѣнія по поводу нея, но нигдѣ не высказываетъ своего собственнаго взгляда по этому вопросу. Неясность усиливается еще вслѣдствіе того, что столь же основательной, какъ и Марксову теорію, онъ объявляетъ теорію предѣльной полезности (Grenznutztheorie), однако и объ этой послѣдней не высказывается съ полной опредѣленностью. По его мнѣнію, стоимость у Маркса это— „чисто мысленный фактъ (gedankliche Thatsache) точно такъ же, какъ и стоимость, опредѣляемая предѣльной полезностью, у писателей школы Госсена-Джевонса-Бема". „Марксъ, конечно, имѣетъ такое же право игнорировать извѣстныя свойства товара и получать, въ концѣ концовъ, только овеществленіе извѣстныхъ количествъ простого человѣческаго труда, какъ школа Бема-Джевонса имѣетъ право игнорировать всѣ свойства товара, кромѣ его полезности". Затѣмъ онъ цитируетъ одно мѣсто изъ „Капитала", которое, де, „само по себѣ уже исключаетъ возможность отдѣлываться отъ теоріи Госсена-Бема посредствомъ нѣсколькихъ пренебрежительныхъ фразъ". Въ примѣчаніи же Бернштейнъ указываетъ еще на третью теорію стоимости, теорію г-на фонъ-Буха, съ которой онъ насъ не знакомитъ подробно, и объявляетъ эту теорію „плодомъ глубокаго анализа и замѣчательнымъ вкладомъ въ *проблему, далеко еще не вполнѣ разъясненную*".

Однако изъ всего этого вытекаетъ лишь то, что, Берн-

штейнова теорія стоимости, это—проблема, уже совершенно неразъяснимая. Мы такъ ничего и не узнаемъ о томъ, есть ли это теорія Маркса, Джевонса или Буха или оригинальная теорія, являющаяся синтезомъ всѣхъ трехъ названныхъ теорій. Эта проблема осталась въ книгѣ Бернштейна совершенно нерѣшенной.

На мою критику онъ отвѣтилъ статьей „Трудовая стоимость или стоимость, опредѣляемая полезностью“,—въ которой онъ упрекаетъ меня не больше, не меньше, какъ въ томъ, что *я* не понимаю его или *не хочу его понять*. Подобныя инсинуаціи—одно изъ милыхъ свойствъ Бернштейновской полемики. Онъ считаетъ невозможнымъ, чтобы вина непониманія могла быть на его сторонѣ. А дѣло, дескать, такъ просто и такъ ясно:

„Петръ и Павелъ стоятъ передъ ящикомъ съ минераломъ“.—„Это параллельно-сторонніе геміедрическіе кристалы“ говоритъ Петръ.—„Это сѣрный колчеданъ“ говоритъ Павелъ.

„Кто изъ нихъ правъ?

„Оба правы“, отвѣчаетъ минералогъ.—„Петръ говоритъ о формѣ, Павелъ—о веществѣ“.

„Правильность такого рѣшенія въ данномъ случаѣ сразу очевидна, ибо мы имѣемъ здѣсь дѣло съ конкретнымъ предметомъ, въ которомъ отличить форму и вещество—очень просто. Между нормальными людьми не можетъ быть спора о томъ, превращается ли данный матеріалъ въ шерстяное одѣяло, *или* въ плюшъ, а лишь о томъ, есть ли данный матеріалъ шерсть, или нѣтъ. Но вполнѣ разумные люди могутъ спорить о томъ, какое свойство *характеристично* для даннаго куска матеріи: матеріалъ ли, изъ котораго онъ состоитъ, или тотъ фабрикатъ, въ видѣ котораго онъ существуетъ. И если эти люди станутъ приводить доказательства, то они могутъ придти къ тому, что одинъ будетъ указывать на волокнистыя свойства шерстяной ткани, а другой—на то свойство фабриката-плюша, что онъ есть ткань; споръ будетъ вестись принципіально лишь о томъ, опредѣляется ли характеръ предмета волокнистымъ веществомъ или продуктомъ тканья.

„*Вотъ въ этомъ и состоитъ*, въ примѣненіи къ другой области, *тотъ споръ о стоимости, который уже въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній идетъ въ политической экономіи*. Противоположности: волокнистое вещество—продуктъ тканья, называются здѣсь: трудовая стоимость—полезность. Точно такъ же, какъ оба наши теоретизирующіе пріятели прекрасно знаютъ, что безъ волокнистаго вещества нельзя ткать, и что необработанныя и неразобранныя волокна не могутъ служить одѣяломъ, точно такъ же и экономисты обоихъ лагерей

отлично знаютъ, что *экономическая стоимость* (ökonomischer Werth) предмета, добываніе котораго не требуетъ никакого труда, равна нулю, какъ бы ни была велика его полезность, и что весь трудъ, вложенный въ извѣстный предметъ не можетъ придать ему никакой стоимости, если этотъ предметъ не удовлетворяетъ никакой человѣческой потребности или никакому желанію.

„*Экономическая стоимость* имѣетъ двойственный характеръ: она содержитъ моментъ *полезности* (*потребительная стоимость, полезность*) и элементъ *издержекъ производства* (*трудовая стоимость*)".

Оба эти момента,—говоритъ дальше Бернштейнъ,—опредѣляютъ величину стоимости. Марксъ же для того, чтобы получить категорію прибавочной стоимости, предположилъ, что товары продаются по ихъ трудовой стоимости, игнорировавъ другой факторъ, опредѣляющій стоимость, —полезность. Теоретики предѣльной полезности поступаютъ наоборотъ, имѣя въ виду другія цѣли.

Смотря по цѣли изслѣдованія, будетъ вѣренъ тотъ или иной способъ пониманія.

Другими словами: теорія Маркса вѣрна, но вѣрна также и теорія защитниковъ предѣльной полезности; обѣ онѣ представляютъ собою лишь двѣ стороны одного и того же предмета. Остается только удивляться, что такіе необыкновенно остроумные люди, какъ теоретики предѣльной полезности, не пришли къ тому-же выводу. Ну, а что Марксъ и его сторонники не замѣтили такого простого рѣшенія спора о стоимости, который ведется въ теченіе многихъ поколѣній, это уже менѣе удивительно. У этихъ извращенныхъ умовъ односторонность—вещь вполнѣ естественная. Но какъ бы тамъ ни было, теперь Бернштейнъ сдѣлалъ свое поразительное открытіе, и для теоріи стоимости должна начаться новая эпоха. Неяснымъ остается только слѣдующее маленькое обстоятельство: Бернштейнъ указываетъ, что теорія предѣльной полезности вѣрна *„для извѣстныхъ цѣлей* изслѣдованія", тогда какъ *для другихъ цѣлей* предпочтительна теорія Маркса. Къ сожалѣнію, онъ забылъ сказать намъ, *для какихъ именно цѣлей* годится одна и для какихъ—другая теорія. Вотъ это нѣсколько понижаетъ цѣнность его открытія, такъ какъ теоретики обоихъ направленій примѣняютъ свою теорію безъ различія ко всѣмъ тѣмъ случаямъ, когда является надобность въ теоріи стоимости. Во всей экономической литературѣ намъ не извѣстно ни одного случая, чтобы какой-нибудь изслѣдователь исходилъ одинъ разъ—изъ теоріи Маркса, а другой разъ, для другой цѣли,—изъ теоріи предѣльной полезности, или чтобы какой-либо теоретикъ счи-

талъ хотя бы только возможнымъ подобный пріемъ. Гдѣ и какимъ образомъ возможенъ этотъ пріемъ?—вотъ, что долженъ бы былъ показать намъ Бернштейнъ.

Онъ долженъ бы былъ также вывести мораль изъ своего примѣра о сѣрномъ колчеданѣ: кристаллы суть форма, сѣрный колчеданъ—вещество тѣлъ. Составляетъ ли полезность форму стоимости, а трудъ вещество ея, или на оборотъ?

Каково назначеніе теоріи стоимости? Она должна дать ключъ къ пониманію нашего способа производства.

Господствующій у насъ способъ производства—товарный, т. е. такой, въ которомъ производство совершается не для непосредственнаго *потребленія*, а для *продажи*. Купля и продажа суть основные процессы современнаго экономическаго строя. Кто хочетъ понять этотъ строй, тотъ долженъ прежде всего понять законы, по которымъ совершается купля и продажа.

Кто станетъ наблюдать то, что происходитъ на рынкѣ, тотъ легко замѣтитъ, что, несмотря на всѣ колебанія, вызываемыя измѣненіемъ въ предложеніи и спросѣ, цѣна каждаго отдѣльнаго рода товара не произвольна, а имѣетъ тенденцію достигать извѣстной высоты. Эта опредѣленная тенденція есть ея *стоимость*, которая проявляется при обмѣнѣ или продажѣ, какъ *мѣновая стоимость*. Такимъ образомъ, стоимость представляетъ собою не „чисто мысленный фактъ“, а фактъ дѣйствительности; нѣтъ особой стоимости Маркса или Джевонса, есть лишь стоимость товара, которая была предметомъ наблюденія и изслѣдованія еще задолго до Маркса и Джевонса.

Не *фактъ* стоимости „чисто мысленъ“ и созданъ Марксомъ или Джевонсомъ, а *теорія* стоимости, т. е. попытка изслѣдовать, въ какомъ отношеніи стоитъ этотъ кажущійся столь мистическимъ фактъ къ хорошо извѣстнымъ экономическимъ фактамъ жизни, и, такимъ образомъ, разъяснить фактъ.

Марксъ, „конечно“ имѣетъ такое же право игнорировать всѣ свойства товаровъ, кромѣ того, что они суть воплощеніе человѣческаго труда, какъ Джевонсъ—игнорировать всѣ ихъ свойства, кромѣ полезности; но тутъ дѣло идетъ не о томъ, что допустимо „конечно“, а о томъ, что допустимо для *опредѣленной цѣли*,—для изслѣдованія стоимости товаровъ, проявляющейся въ формѣ мѣновой стоимости.

Эта опредѣленная цѣль не имѣетъ никакого отношенія къ дальнѣйшимъ цѣлямъ, которыми можетъ задаться изслѣдователь при изученіи теоріи стоимости. Каковы бы ни были эти дальнѣйшія цѣли, цѣль теоріи стоимости остается той-

же: открыть основной законъ, регулирующій процессъ обмѣна, т. е. купли и продажи.

Но если цѣль теоріи стоимости одна, то нелѣпо думать, что въ виду различныхъ цѣлей изслѣдованія могутъ быть въ одинаковой мѣрѣ вѣрны различныя теоріи стоимости.

Для поясненія своей точки зрѣнія Бернштейнъ отсылаетъ насъ къ одной своей статьѣ, гдѣ онъ высказался подробнѣе о теоріи предѣльной полезности. Но то, что онъ тамъ говоритъ, не вполнѣ соотвѣтствуетъ его теперешней точкѣ зрѣнія. Тамъ онъ заявляетъ, что для теоріи предѣльной полезности „стоимость и цѣна одно и тоже", слѣдовательно, это— *„не теорія стоимости, а теорія цѣны"*. На понятіе предѣльной полезности „можно смотрѣть, какъ на плодотворное обогащеніе экономическихъ понятій", полезное для детальныхъ изслѣдованій законовъ рынка. Другими словами, Бернштейнъ признавалъ теорію предѣльной полезности непригодной въ качествѣ теоріи стоимости. Но и въ качествѣ теоріи цѣны она можетъ дать полезныя указанія лишь для детальныхъ изслѣдованій, такъ какъ полная теорія цѣны немыслима безъ теоріи стоимости, служащей основаніемъ ея. Лишь на основаніи теоріи стоимости, а никакъ не на основаніи теоріи цѣны, можетъ быть, напримѣръ, разъяснена сущность денегъ. Это, дѣйствительно, и составляетъ одинъ изъ наиболѣе слабыхъ пунктовъ теоріи предѣльной полезности. Она оказывается не въ состояніи объяснить функцію денегъ, какъ мѣрила стоимости.

Теперь же Бернштейнъ говоритъ о теоріи предѣльной полезности, какъ о теоріи стоимости, столь-же вѣрной, какъ и теорія стоимости Маркса. Для полученія такого вывода онъ незамѣтно вводитъ новую экономическую категорію *„экономической стоимости"*. „Экономическая стоимость", говоритъ онъ,—„имѣетъ двойственный характеръ: она содержитъ моментъ *полезности (потребительная стоимость, полезность)* и элементъ *издержекъ производства (трудовая стоимость)"*.

Экономическая стоимость? Что это за новый родъ стоимости?

Въ „Капиталѣ" Марксъ указываетъ на двойственный характеръ *товара*, представляющаго собой одновременно и *потребительную стоимость*, и *стоимость (мѣновую стоимость)*, и на двойственный характеръ труда, производящаго *товары*. При такомъ пониманіи не можетъ быть мѣста двойственному характеру „экономической стоимости". Если у Бернштейна нѣтъ своей собственной, еще не оповѣщенной имъ теоріи экономической стоимости, то намъ трудно куда-нибудь ее пристроить.

Въ своей книгѣ Бернштейнъ указываетъ также и на

двойственный характеръ *товара*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, приведенныхъ въ началѣ этой главы, онъ говоритъ о томъ, что Марксу столь-же позволительно игнорировать всѣ другія свойства *товара*, кромѣ его свойства быть овеществленіемъ труда, какъ теоретикамъ предѣльной полезности позволительно игнорировать все, за исключеніемъ полезности. Теперь онъ говоритъ объ „экономической стоимости“ то же самое, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ говорилъ о товарѣ. Его взглядъ на теорію стоимости оказывается замѣчательно плодотворнымъ.

Не смѣшиваетъ ли Бернштейнъ экономической стоимости съ мѣновой стоимостью? Есть люди, которые думаютъ, будто мѣновая стоимость товара зависитъ отъ количества содержащагося въ немъ труда *и* отъ степени его полезности. Можетъ быть, Бернштейнъ это и хочетъ сказать своей фразой о двойственномъ характерѣ экономической стоимости? Но что должно тогда означать выраженіе „трудовая стоимость“? Выраженіе „трудовая стоимость“ можетъ означать лишь то, что стоимость товара опредѣляется исключительно количествомъ содержащагося въ немъ труда. Кто думаетъ, что стоимость опредѣляется не исключительно трудомъ, а также и другими факторами, въ родѣ полезности, тотъ не можетъ говорить о „трудовой стоимости“. Ужъ не хочетъ ли Бернштейнъ сказать, что экономическая стоимость, какъ мѣновая стоимость, есть одновременно и потребительная стоимость, и опредѣляемая исключительно трудомъ, трудовая стоимость?

Насколько ясенъ и недвусмысленъ двойственный характеръ *товара*, настолько же неясенъ и запутанъ двойственный характеръ *„экономической стоимости“*. Я не стану отрицать, что подобное пониманіе стоимости одинаково совмѣстимо какъ съ теоріей предѣльной полезности, такъ и съ Марксовой, и еще съ полдюжиной другихъ теорій. Въ туманѣ этого понятія всѣ теоріи стоимости одинаково сѣры.

Оно даетъ Бернштейну возможность совмѣстить съ теоріями стоимости Маркса и Бемъ-Боверка, теорію стоимости г-на Леопольда фонъ-Буха.

Въ теоріи стоимости Маркса Бернштейнъ нашелъ пробѣлъ. По этой теоріи, величину стоимости товара опредѣляетъ необходимое для производства этого товара общественно-необходимое рабочее время. Но существуютъ различные роды труда. Каждый изъ нихъ долженъ быть сведенъ къ одному и тому же роду труда, къ простому труду, для того, чтобы ихъ количества можно было сравнивать. „Сложный трудъ разсматривается, лишь какъ *возведенный въ степень* (*потенцированный*), или, вѣрнѣе, *умноженный* простой трудъ, такъ что небольшое количество сложнаго труда рав-

няется большему количеству простого труда. Что такое сведеніе (сложнаго труда къ простому) постоянно происходитъ, это показываетъ опытъ... Различныя пропорціи, въ которыхъ различные виды труда сводятся къ простому труду, какъ къ единицѣ ихъ мѣры, опредѣляются общественнымъ процессомъ за спиною производителей и поэтому представляются для этихъ послѣднихъ, какъ нѣчто, издавна установившееся" (Das Kapital I, 4 изд., стр. 11).

Каковъ именно этотъ общественный процессъ,—Марксъ подробнѣе не объяснилъ. Въ „Критикѣ политической экономіи" (2-е изд., стр. 6) онъ замѣчаетъ: „законы, регулирующіе это сведеніе (редукцію), сюда еще не относятся". Къ сожалѣнію, ему не удалось изложить эти законы, которые онъ-то во всякомъ случаѣ открылъ, такъ какъ иначе онъ бы на нихъ не указывалъ. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи, теорія Маркса неполна. Въ этомъ мы должны согласиться съ Бернштейномъ. Но мы никакъ не можемъ признать правильность того способа, которымъ онъ хочетъ восполнить этотъ пробѣлъ.

„Бухъ пытается",—говоритъ Бернштейнъ,—„развязать Гордіевъ узелъ посредствомъ строгаго различенія двухъ видовъ стоимости, которые Марксъ смѣшиваетъ: просто стоимость и относительная стоимость. Первая есть трудовая стоимость, которая, по теоріи Буха, опредѣляется непосредственно заработной платой и рабочимъ временемъ; для того, чтобы вывести это опредѣленіе, Бухъ создаетъ, на психологическомъ основаніи, понятіе „предѣльной плотности (Grenzdichtigkeit) труда" (чѣмъ короче рабочій день и чѣмъ выше доля работника въ его продуктѣ, тѣмъ выше предѣльная плотность труда). Совершенно отлична отъ трудовой стоимости продукта—его оцѣночная стоимость (Schätzungswerth), которую онъ получаетъ или имѣетъ на рынкѣ. Оба эти вида стоимости надо логически строго различать другъ отъ друга. Степень эксплуатаціи рабочаго надо опредѣлять не на основаніи трудовой стоимости, а на основаніи отношенія этой послѣдней къ оцѣночной стоимости.

„Я не считаю теорію Буха безупречной, но вижу въ ней свидѣтельствующій объ остротѣ анализа шагъ впередъ по правильному пути для восполненія вышеуказаннаго пробѣла. Во всякомъ случаѣ цѣлесообразнѣе, по моему, оперировать съ двумя понятіями стоимости, чѣмъ давать одному и тому же понятію такое опредѣленіе, которое заключаетъ въ себѣ два взаимно нейтрализующіе другъ друга принципа, какъ это дѣлаетъ теорія „общественно-необходимаго рабочаго времени". Я знакомъ только съ первой частью труда Буха и потому не могу еще высказаться объ его теоріи окончательно".

Мнѣ неизвѣстна и первая часть книги Буха, но изложеніе ея Бернштейномъ отнюдь не даетъ мнѣ основанія видѣть въ ней „шагъ по правильному пути, свидѣтельствующій объ остротѣ анализа".

Что „просто" стоимость и „относительная стоимость" у Маркса смѣшиваются,—объ этомъ мнѣ ничего неизвѣстно. „Просто" стоимость, „трудовая стоимость",—„индивидуальная стоимость", какъ называетъ ее Марксъ въ 3-мъ томѣ, строго отдѣляется у него отъ рыночной стоимости и рыночной цѣны (ср., напр., „Kapital, III. 1, стр. 157—158). У г-на же Буха, напротивъ, очень странно смѣшиваются нѣкоторыя понятія, когда онъ опредѣляетъ стоимость *заработной платой*.

Стоимость есть экономическая категорія, существовавшая еще до появленія наемнаго труда. Надо не понимать разницы между простымъ и капиталистическимъ товарнымъ производствомъ, надо считать послѣднее единственной формой товарнаго производства, чтобы опредѣлять стоимость заработной платой. Что же станется тогда со стоимостью товаровъ, изготовленныхъ не наемными рабочими, а, напр., самостоятельными ремесленниками? Что же такое заработная плата, какъ не сумма товарныхъ стоимостей, обмѣниваемыхъ на равную имъ по стоимости рабочую силу? Итакъ, сперва стоимость опредѣляется заработной платой, а затѣмъ заработная плата—стоимостью.

Не опредѣляется ли ужъ и стоимость рабочей силы тоже заработной платой?

Очень похвально—отыскивать въ какой-либо теоріи пробѣлы, но подобная заслуга превращается въ свою противоположность, когда стараются восполнить эти пробѣлы совершенно превратно.

Какое употребленіе могли бы мы сдѣлать изъ „экономической стоимости", которая представляетъ собой въ одно и то же время и потребительную, и мѣновую стоимость, и „трудовую стоимость", опредѣляемую одновременно и затратой труда, и рабочей платой? Какъ и пониманіе исторіи, теорія стоимости испытывается на практикѣ, путемъ ея примѣненія. Какова бы ни была теорія стоимости Бернштейна, онъ характеризуетъ ее, какъ видоизмѣненіе и расширеніе теоріи Маркса. Съ теоріей стоимости Маркса тѣсно связано все выработанное имъ пониманіе современнаго способа производства. Ученіе о прибавочной стоимости и прибыли, пониманіе капитала и его отношенія къ труду—все должно кореннымъ образомъ измѣниться, если измѣнится лежащая въ основѣ всего этого теорія стоимости. Но Бернштейнъ и не оспариваетъ всего этого. Онъ дѣлаетъ еще нѣсколько замѣчаній о прибавочной стоимости и прибавочномъ продуктѣ, а за-

тѣмъ оставляетъ все по старому и продолжаетъ оперировать со старыми марксистскими взглядами на капиталъ, какъ будто бы онъ вовсе не высказывалъ своихъ сомнѣній относительно теоріи стоимости. Онъ признаетъ до извѣстной степени вѣрной и теорію стоимости Бемъ-Баверка. Считаетъ ли онъ также вѣрной Бемъ-Баверкову теорію капитала и процента на капиталъ, считаетъ ли онъ ее совмѣстимой съ теоріей Маркса?

Объ этомъ намъ не сообщается ничего. Дальнѣйшія замѣчанія Бернштейна, относящіяся къ политической экономіи, не стоятъ ни въ какой связи съ его критикой теоріи стоимости. Поэтому, мы могли бы спокойно пройти мимо этой критики, если бы вся свора антимарксистовъ не подняла радостнаго воя по поводу того, что даже одинъ изъ марксистовъ объявилъ банкротство Марксовой теоріи стоимости.

Этого-то, положимъ, Бернштейнъ не сдѣлалъ. Онъ обнаружилъ только, что онъ самъ хорошо не знаетъ, какъ ему теперь быть съ этой теоріей. Онъ считаетъ ее незаконченной и требующей дальнѣйшей разработки; но онъ не старается разработать ее дальше въ духѣ ея основателя, а хочетъ заполнить ея пробѣлы посредствомъ включенія такихъ взглядовъ, которые чужды самой сущности этой теоріи, которые даже враждебны ей, которые были придуманы именно для борьбы съ этой теоріей, и которыхъ невозможно привести въ органическую связь съ этой теоріей. Такія попытки Бернштейна не встрѣтятъ сочувствія ни у теоретиковъ предѣльной полезности, ни у марксистовъ. И если Бернштейна привѣтствуютъ, то въ его лицѣ привѣтствуютъ не теоретика, а человѣка усумнившагося.

Такимъ образомъ, въ качествѣ критика теоріи стоимости Бернштейнъ точно такъ же не далъ ничего положительнаго, какъ и въ качествѣ критика матеріалистическаго пониманія исторіи. Его шагъ впередъ по отношенію къ Марксу состоитъ въ томъ, что на мѣсто единства воззрѣній онъ ставитъ электицизмъ, восхваляемый имъ, какъ „мятежъ трезваго разсудка противъ присущаго всякой доктринѣ стремленія сжимать мысль въ тискахъ“.

Если Бернштейнъ вспомнитъ исторію развитія мысли, то онъ увидитъ, что всѣ великіе мятежники противъ сжиманія мысли въ тискахъ никогда не имѣли ничего общаго съ эклектиками, что стремленіе къ цѣльности мышленія было у нихъ такъ же велико, какъ и стремленіе къ самостоятельности. Эклектикъ же слишкомъ трусливъ, чтобы быть мятежникомъ. Онъ сердится иногда и можетъ даже придти въ совершенное бѣшенство изъ-за тѣхъ неудобствъ, которыя сопряжены со стремленіемъ къ цѣлостному міросозерцанію.

Но пусть назовутъ мнѣ хоть одного эклектика въ республикѣ мысли, который бы былъ достоинъ названія мятежника! Если я вѣжливо раскланиваюсь съ Марксомъ и тутъ-же вѣжливо раскланиваюсь съ Бемъ-Баверкомъ, то отсюда еще очень далеко до мятежа!

И при всемъ этомъ Бернштейнъ считаетъ задачей послѣдователей Маркса и Энгельса „возстановить единство теоріи!“

Да здравствуютъ эклектическое единство!

Я готовъ согласиться, что подобные „тиски“ для мысли совсѣмъ ужъ не обременительны.

Крупное и мелкое производство.

Противъ Марксовой теоріи капиталистическаго способа производства Бернштейнъ дѣлаетъ три возраженія: 1. Число имущихъ не уменьшается, а увеличивается. 2. Мелкое производство не падаетъ. 3. Вѣроятность громадныхъ и опустошительныхъ кризисовъ становится все меньше.

Очевидно, что изъ этихъ возраженій первое мѣсто должно занимать то, которое Бернштейнъ ставитъ на вторсе мѣсто. Если ученіе Маркса о концентраціи капитала невѣрно, тогда мы, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, должны признать увеличеніе числа имущихъ; если же это ученіе вѣрно, тогда необходимо сначала показать, какимъ образомъ число имущихъ можетъ, все таки, возрастать. Развитіе способа производства есть основное явленіе, тогда какъ извѣстная форма отношеній собственности есть фактъ, лежащій на поверхности, выростающій изъ этого основного явленія. Очень характерно для метода Бернштейна, что онъ берется судить о поверхностномъ явленіи раньше, чѣмъ изслѣдовалъ его основу.

Мы займемся сперва именно этой основой.

По ученію Маркса, экономическое развитіе современнаго общества ведетъ къ гибели самостоятельнаго хозяина-работника и къ превращенію его въ наемнаго рабочаго, эксплуатируемаго владѣльцемъ средствъ производства, капиталистомъ.

„Частная собственность, пріобрѣтенная собственнымъ трудомъ, основанная, такъ сказать, на сростаніи *изолированнаго, независимаго* трудящагося индивида съ условіями его труда, вытѣсняется капиталистической частной собственностью... Лишь только этотъ процессъ превращенія достаточно разложилъ старое общество и въ глубину, и въ ширину; лишь только работающіе превращены въ наемныхъ рабочихъ, а ихъ условія труда въ капиталъ; лишь только капиталистическій способъ производства сталъ на ноги,— дальнѣйшее обобществленіе труда и дальнѣйшее превращеніе земли и другихъ средствъ производства въ общественно-эксплуатируемыя, т. е. въ общія средства производства, а слѣдовательно, и дальнѣйшая экспропріація частныхъ собственниковъ получаетъ новую форму. Теперь надо экспропріировать уже не самостоятельнаго рабочаго, а капиталиста, эксплуатирую-

щаго многихъ рабочихъ. Эта экспропріація совершается въ силу законовъ, присущихъ самому капиталистическому производству, путемъ концентраціи капиталовъ. Одинъ капиталистъ побиваетъ многихъ другихъ. Рука объ руку съ этой концентраціей или съ экспропріаціей многихъ капиталистовъ немногими все въ болѣе и болѣе крупныхъ размѣрахъ, развивается кооперативная форма процесса труда, развивается сознательное технологическое примѣненіе науки, планомѣрно-кооперативная эксплуатація земли, превращеніе орудій труда въ такія, которыя могутъ употребляться только кооперативно, экономизированіе всѣхъ средствъ производства путемъ употребленія ихъ въ качествѣ общихъ средствъ производства, комбинированнаго, общественнаго труда. Съ безпрестаннымъ уменьшеніемъ числа магнатовъ капитала, узурпирующихъ всѣ выгоды этого процесса превращенія, возрастаетъ масса нищеты, гнета, порабощенія, приниженія, эксплуатаціи, но возрастаетъ также возмущеніе рабочаго класса, который все увеличивается по численности, воспитывается, объединяется и организуется самимъ механизмомъ капиталистическаго способа производства. Монополія капитала становится помѣхой тому способу производства, который развивался вмѣстѣ съ нею и подъ ея вліяніемъ. Концентрація средствъ производства и обобществленіе труда достигаютъ такой высоты, когда они становятся несовмѣстимыми съ ихъ капиталистической оболочкой. Она разрывается. Пробиваетъ часъ капиталистической частной собственности. Экспропріаторы экспропріируются". (Das Kapital, I, 2—te Aufl., S. 792—3).

Такова классическая форма той марксистской „легенды о пожираніи" („Fresslegende"), опровергнуть которую взялся Бернштейнъ. Само собою разумѣется, что подобное сжатое изображеніе процесса развитія, продолжающагося въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, надо понимать cum grano salis, въ особенности тамъ, гдѣ авторъ выражается метафорически. Капиталистическая оболочка разрывается, часъ капиталистической частной собственности пробиваетъ, экспропріаторы экспропріируются—все это надо понимать, какъ историческіе процессы, наступленіе которыхъ неизбѣжно, но форму и быстроту которыхъ нельзя заранѣе предусмотрѣть.

Установимъ сперва, что правильность теоріи Маркса зависитъ не отъ большей или меньшей вѣроятности катастрофъ, не отъ большей или меньшей быстроты развитія, а исключительно отъ *направленія* этого развитія...

Гораздо важнѣе вопросъ, происходитъ ли дѣйствительно концентрація капитала, или нѣтъ.

Какъ думаетъ объ этомъ Бернштейнъ,— остается неяснымъ. На вопросъ, вѣрно ли то утвержденіе, что концентрація

происходитъ, сопровождается всѣми своими спутниками и происходитъ именно въ той формѣ, которую описалъ Марксъ,—на этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ: „И да, и нѣтъ. Прежде всего, если говорить о тенденціи, то это вѣрно. Описанныя Марксомъ силы существуютъ и онѣ дѣйствуютъ именно въ указанномъ направленіи... Если, тѣмъ не менѣе, эта картина не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то происходитъ это не отъ того, что Марксъ выставилъ невѣрныя утвержденія, а оттого, что сказанное имъ неполно. Тѣ факторы, которые ограничиваютъ описанныя противорѣчія, Марксъ или совершенно упустилъ изъ виду, или же отмѣтилъ ихъ только мимоходомъ, чтобы впослѣдствіи, при сводкѣ установленныхъ фактовъ и сопоставленіи ихъ другъ съ другомъ, забыть о нихъ, вслѣдствіе чего дѣйствіе антагонизмовъ представляется гораздо болѣе сильнымъ, болѣе непосредственнымъ, чѣмъ оно оказывается въ дѣйствительности“ (стр. 47).

Это можетъ имѣть два значенія. Само-собой понятно, что теорія должна абстрагировать отъ всѣхъ, осложняющихъ дѣло явленій, чтобы быть въ состояніи изслѣдовать законы, лежащіе въ основѣ явленій. Кто забываетъ это и требуетъ отъ теоріи, чтобы она согласовалась при всѣхъ обстоятельствахъ съ явленіями, находящимися на поверхности, тотъ всегда будетъ утверждать, что она слишкомъ аподиктична, что она изображаетъ вещи болѣе рѣзко, чѣмъ онѣ есть въ дѣйствительности. Но тотъ, кто для устраненія этого пытается создать теорію, включающую всѣ элементы поверхностной дѣйствительности, тотъ окажется всегда подавленнымъ массой явленій, будетъ терять нить, путаться въ противорѣчивыхъ утвержденіяхъ и никогда не достигнетъ яснаго пониманія.

Я уже указывалъ, что изображеніе Маркса надо понимать cum grano salis; если Бернштейнъ только это и хотѣлъ сказать цитированными выше замѣчаніями, то ему ничего невозможно было бы возразить, кромѣ того, что это очевидно само по себѣ и относится одинаково ко всякой теоріи.

Но Бернштейнъ, вѣроятно, думаетъ не то. Онъ считаетъ, что теорія Маркса упускаетъ изъ виду не только второстепенныя теченія, но и основныя тенденціи, уничтожающія до извѣстной степени значеніе указываемыхъ ею тенденцій. Такимъ образомъ, изображенныя Марксомъ тенденціи не всегда пересиливаютъ въ общественномъ развитіи всѣ противоположныя вліянія. При этомъ остается еще неяснымъ, считаетъ ли Бернштейнъ эти противодѣйствующія вліянія лишь задерживающими развитіе, или измѣняющими его направленіе.

Бернштейнъ заявляетъ, что противорѣчія казались Марксу болѣе рѣзкими, чѣмъ они оказываются въ дѣйствительности. Но въ теоріи Маркса дѣло идетъ не о томъ, какъ велики противорѣчія въ *настоящее время*:—чтобы узнать это, не надо никакой теоріи. Теорія должна показать намъ, каково будетъ дальнѣйшее развитіе этихъ противорѣчій, будутъ ли они обостряться, или смягчаться. Но если ставить вопросъ такимъ образомъ, то указанія на преувеличенія и рѣзкости Маркса не имѣютъ никакого значенія. Если я спрашиваю, отправляется ли корабль на востокъ, или на западъ, то мнѣ принесетъ очень мало пользы отвѣтъ: утвержденіе, что корабль отправляется на востокъ—преувеличеніе; нѣкоторые признаки указываютъ на то, что онъ отправляется на западъ.

Подобнаго рода отвѣты даетъ намъ Бернштейнъ. На стр. 47 онъ признаетъ, что предпріятія при капиталистическомъ способѣ производства концентрируются, какъ указываетъ Марксъ. Но, имущества, говоритъ онъ, не концентрируются. „У марксистовъ преобладаетъ или постоянно всплываетъ представленіе, что *параллельно* съ концентраціей промышленныхъ предпріятій совершается и концентрація имуществъ. *Но въ дѣйствительности этого нѣтъ*“.

Концентрація предпріятій признается здѣсь существующимъ въ дѣйствительности процессомъ капиталистическаго производства. Такъ говоритъ Бернштейнъ въ началѣ своего изслѣдованія о концентраціи. Въ концѣ же этого изслѣдованія онъ говоритъ:

„Такимъ образомъ, если даже допустить, что таблицы доходовъ въ передовыхъ промышленныхъ странахъ регистрируютъ отчасти подвижный, а слѣдовательно, также и ненадежный, дутый капиталъ въ современномъ хозяйствѣ,—что среди входящихъ въ эти таблицы доходовъ и имуществъ все чаще встрѣчаются такія, которыя велики только на бумагѣ, которыя легко могла бы смести первая сильная буря,—если даже допустить это, то все-таки придется признать, что между распредѣленіемъ на группы доходовъ и хозяйственныхъ единицъ въ промышленности, торговлѣ и сельскомъ хозяйствѣ *нѣтъ никакого принципіальнаго противорѣчія. Между скалой доходовъ и скалой хозяйствъ наблюдается, по ихъ составу, довольно отчетливый параллелизмъ*, особенно *по отношенію къ среднимъ членамъ той и другой скалы*“ (стр. 65).

Онъ начинаетъ съ того, что отрицаетъ параллелизмъ въ развитіи скалы хозяйствъ и скалы доходовъ (которую онъ смѣшиваетъ со скалой имуществъ), а кончаетъ тѣмъ, что признаетъ этотъ параллелизмъ. Какое же изъ этихъ двухъ мнѣній—его настоящее мнѣніе? То ли, которое онъ выска-

зываетъ на стр. 47, или то, которое онъ высказываетъ на стр. 65? Происходитъ ли концентрація предпріятій, или нѣтъ? Очевидно, только марксисты, съ ихъ утрированною прямолинейностью, могутъ требовать на этотъ вопросъ иного отвѣта, кромѣ „да или нѣтъ“.

Не легко провѣрять правильность такого неопредѣленнаго воззрѣнія. Но у насъ нѣтъ выбора. Что бы ни думалъ Бернштейнъ, но его положенія истолковываются и эксплуатируются нашими противниками, какъ полное банкротство марксизма, а самъ онъ не проявляетъ желанія протестовать противъ этого. Поэтому провѣрка фактовъ, на которые опирается Бернштейнъ, необходима.

Свой главный аргументъ Бернштейнъ заимствуетъ изъ нѣмецкой статистики занятій. На ряду съ этимъ онъ приводитъ, правда, еще рядъ цифръ, касающихся Англіи, Франціи, Австріи, Швейцаріи, Соединенныхъ Штатовъ, но эти цифры ничего не говорятъ намъ о направленіи развитія, такъ какъ всѣ онѣ относятся только къ какому-нибудь одному моменту, а не охватываютъ извѣстнаго періода времени. Онѣ могли бы имѣть какое-либо доказательное значеніе лишь въ томъ случаѣ, если-бы матеріалистическое пониманіе исторіи дѣйствительно носило такой механическій характеръ, какой любятъ приписывать ему его противники.

Если-бы марксисты представляли себѣ дѣло такъ, что капиталистическое развитіе, благодаря одной лишь концентраціи капитала, приведетъ къ уничтоженію всего мелкаго производства и создастъ весь организмъ высшаго общества, тогда могли бы имѣть значеніе приводимыя Берштейномъ абсолютныя, изолированныя цифры. Ибо эти цифры доказываютъ лишь то, что мелкое производство далеко еще отъ полнаго исчезновенія, и что, слѣдовательно, царство соціализма еще очень далеко.

Мы уже много разъ заявляли, что марксизмъ состоитъ не въ этомъ. Но такъ какъ къ числу заслугъ брошюры Бернштейна относятъ и то, что она даетъ новую опору этому широко распространенному невѣрному пониманію марксизма, то намъ придется здѣсь еще разъ возможно яснѣе констатировать это.

Концентрація капитала ставитъ историческую задачу: введеніе соціалистическаго общественнаго строя. Она порождаетъ силы для рѣшенія этой задачи, пролетаріевъ,—и создаетъ также средства для ея рѣшенія: общественное производство; но она сама собою, безъ всякихъ дальнѣйшихъ условій, не даетъ еще *рѣшенія задачи*. Это рѣшеніе можетъ дать только *сознаніе, воля, дѣятельность* пролетаріата.

А если это такъ, то приведеніе отдѣльныхъ цифръ,

свидѣтельствующихъ о томъ, что существуетъ еще изрядное число мелкихъ хозяйствъ, не имѣетъ для нашего изслѣдованія ровно никакого значенія. Такія цифры ничего не говорятъ намъ о томъ *направленіи*, въ какомъ идетъ развитіе, онѣ не даютъ возможности опредѣлить *моментъ* зрѣлости нашего общества для соціализма. Этотъ моментъ зависитъ отъ безчисленныхъ тонкихъ условій (Imponderabilien), опредѣлить которыя никто не въ состояніи: заднимъ числомъ можно выяснить экономическія причины этихъ условій, но заранѣе, посредствомъ статистики, вычислить силы, приводящія ихъ въ движеніе, нѣтъ никакой возможности. Очень еще далеко намъ до того, чтобы мы могли замѣнить классовую борьбу статистическими выкладками....

Правда Бернштейнъ говоритъ:

„Поскольку централизованная форма хозяйства есть предварительное условіе для обобществленія производства, то слѣдуетъ замѣтить, что эта форма даже въ самыхъ передовыхъ странахъ Европы осуществлена лишь *отчасти*, такъ что если бы въ Германіи государство захотѣло въ близкомъ будущемъ выкупить всѣ предпріятія, скажемъ, съ 20 и болѣе рабочими,—для того ли, чтобы самому взять ихъ всецѣло въ свое завѣдываніе, или, можетъ быть, сдавать ихъ иногда въ аренду,—то въ торговлѣ и промышленности остались бы еще сотни тысячъ предпріятій съ числомъ рабочихъ свыше 4-хъ милліоновъ и эти предпріятія должны бы были вести частныя лица“. О сельскомъ же хозяйствѣ нечего и говорить! „Чтобы получить представленіе о громадности той задачи, которая предстояла бы государству или государствамъ при переходѣ въ ихъ руки всѣхъ вышеупомянутыхъ предпріятій, стоитъ только вспомнить, что *въ промышленности и торговлѣ* это составило бы *нѣсколько сотъ тысячъ предпріятій съ 5 — 6 милліонами занятыхъ въ нихъ лицъ*“. И онъ дѣлаетъ изъ этого такой выводъ: „Запомнимъ же тотъ фактъ, что необходимое для обобществленія производства и распредѣленія матеріальное условіе, именно, далеко подвинувшаяся централизація предпріятій, осуществлено лишь отчасти“ (стр. 87).

Въ первой главѣ своего сочиненія Бернштейнъ оспариваетъ то воззрѣніе, что общественное развитіе человѣчества *въ конечномъ счетѣ* сводится къ развитію производства; тамъ онъ объявляетъ, что доказывать „имманентную экономическую необходимость соціализма“ и ненужно, и невозможно,— а теперь онъ ставитъ соціализмъ въ самую непосредственную, въ самую рабскую зависимость отъ экономическихъ условій! Теперь онъ самъ вдругъ начинаетъ защищать тотъ взглядъ, что придать развитію собственности направленіе

въ сторону соціализма можно не раньше, чѣмъ примѣненіе средствъ производства станетъ общественнымъ *во всѣхъ областяхъ* хозяйства. Именно объ этомъ, объ измѣненіи направленія въ развитіи собственности идетъ здѣсь рѣчь, а вовсе не о томъ, чтобы „въ одно продолжительное ночное засѣданіе“ (какъ иронизировалъ очень мѣтко Викторъ Адлеръ) превратить въ государственную собственность всѣ предпріятія съ числомъ рабочихъ болѣе 20-ти,—какъ можно было бы думать на основаніи Бернштейновской оговорки. Мимоходомъ замѣтимъ, что тѣ *„нѣсколько сотъ тысячъ“* торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, съ числомъ рабочихъ менѣе 20-ти, которыми вздумалъ испугать насъ Бернштейнъ, сокращаются, при ближайшемъ разсмотрѣніи, ровно до 48.956 предпріятій. Очевидно, нашему статистику въ его увлеченіи предвидѣлся одинъ лишній, пессимистическій нуль.

Намъ нечего и думать о разрѣшеніи путемъ статистическаго изслѣдованія вопроса о томъ, насколько далекъ еще міръ отъ соціализма. А затѣмъ, изъ всего приводимаго Бернштейномъ цифроваго матеріала остаются только цифры германскихъ переписей занятій и предпріятій. Безспорно языкъ этихъ цифръ очень краснорѣчивъ, и хотя онѣ не даютъ намъ возможности судить о томъ, насколько далеки мы отъ соціализма, но за то онѣ позволяютъ опредѣлить идемъ ли мы въ томъ направленіи, которое, по прогнозу Маркса, ведетъ къ соціализму.

Если бы мы хотѣли только опровергнуть Бернштейна, то мы могли бы очень упростить свою работу. Намъ стоило бы только предоставить слово самому же Бернштейну. Въ ноябрѣ 1896 г. онъ напечаталъ статью о „современномъ состояніи промышленнаго развитія Германіи“.

Въ этой статьѣ говорится:

„Что въ современной германской промышленности преобладающую роль играетъ развитіе отъ мелкаго производства къ крупному, отъ ремесленнаго къ фабричному, отъ крупнаго къ колосально-фабричному производству,—этого не станетъ отрицать ни одинъ знакомый съ дѣломъ человѣкъ. Данныя, обнародованныя недавно имперской статистикой промысловъ и профессій, ставятъ этотъ фактъ внѣ всякихъ сомнѣній. Сравненіе данныхъ предъидущей переписи, 1882 г., съ переписью 1895-го года показываетъ, что, при увеличеніи населенія на $14,_{43}{}^0/_0$, въ группѣ *B* вошедшихъ въ перепись занятій (промышленность, горное, заводское и строительное дѣло), цифры, показывающія число занятыхъ въ промыслахъ лицъ, измѣнились слѣдующимъ образомъ:

	1882	1895	Увеличеніе или уменьш. абсолютно.	въ $^0/_0$.
Самостоятельные владѣльцы предпріятій	1.861.502	1.764.481	— 87.021	— 4,68
Самостоятельные кустари (Hausindustrielle)	339.644	263.747	— 52.255	— 15,39
Техники, надсмотрщики торговцы	99.076	263.747	+ 164.671	+ 166,21
Подмастерья, ученики и т. п.	4.096.243	5.955.613	— 1.859.570	+ 45,39
Всего . . .	6.396.465	8.281.230	+ 1.884.765	+ 29,47

„Эти цифры говорятъ сами за себя. Если въ 1882 году, на 1 лицо, самостоятельно участвующее въ промышленности, приходилось *два* служащихъ, то въ 1895 году это отношеніе стало 1 : 3. *Такая перемѣна уже съ перваго взгляда представляется значительной.*

„Но для людей, мало знакомыхъ съ предметомъ, непонятно еще все значеніе этихъ цифръ. Если въ среднемъ приходится во всей странѣ трое служащихъ на одного самостоятельнаго промышленника, то подобное отношеніе оставляетъ еще мѣсто тому взгляду, что и въ настоящее время крупная промышленность далеко отступаетъ на второй планъ по сравненію съ мелкой (ремесло и мелкая фабрика), что, хотя крупная промышленность и получила, можетъ быть, значительное распространеніе, но она все таки не можетъ быть признана господствующей. Если въ 13 лѣтъ, несмотря на гигантскій прогрессъ техники за этотъ періодъ, число самостоятельныхъ промышленниковъ уменьшилось всего на 140.276, т. е. менѣе, чѣмъ на $6^0/_0$, то можетъ показаться, что полное оттѣсненіе ремесла и мелкой промышленности крупной промышленностью есть еще дѣло далекаго будущаго, что мелкая промышленность прочно держится еще въ очень обширной области и за предѣлами области художественной работы“.

То, что Бернштейнъ считаетъ здѣсь обманчивой внѣшностью, приводящей людей, мало знакомыхъ съ предметомъ, къ ошибочнымъ выводамъ, стало для него черезъ два года дѣйствительностью, относительно которой могутъ обманывать себя лишь глупцы, слѣпо повторяющіе слова учителя.

Въ 1896 г. Бернштейнъ самъ еще принадлежалъ къ этимъ глупцамъ и очень проницательно вскрывалъ ту дѣй-

ствительность, которая сокрыта въ этихъ цифрахъ. Онъ продолжалъ:

„Но эти цифры далеко еще не выражаютъ дѣйствительнаго отношенія между мелкой и крупной промышленностью. Онѣ показываютъ только внѣшнюю группировку промышленной въ узкомъ смыслѣ части населенія, но не раскрываютъ внутреннихъ отношеній производства, его размѣровъ, характера и проч. Для выясненія этихъ вопросовъ необходимы не только не опубликованныя еще данныя промышленной статистики о распредѣленіи различныхъ отраслей промышленности по различнымъ группамъ предпріятій, но также и данныя о роли отдѣльныхъ предпріятій въ ихъ промышленной группѣ, о производительности труда въ различныхъ группахъ предпріятій и тому подобныя детальныя данныя, о которыхъ собственно статистика предпріятій вообще не даетъ никакихъ свѣдѣній".

Затѣмъ онъ дѣлаетъ попытку „опредѣлить посредствомъ приблизительнаго вычисленія" „дѣйствительное положеніе дѣла", опираясь на книгу Зинцгеймера (Sinzheimer, Ueber die Grenzen der Weiterbildung des fabrikmässigen Grossbetriebs in Deutschland), и приходитъ къ такому результату:

„Если принять во вниманіе тѣ крупныя измѣненія, которыя происходятъ, по даннымъ новѣйшей промышленной статистики, въ распредѣленіи промышленнаго населенія по различнымъ категоріямъ предпріятій; если прибавить къ этому тотъ неоспоримый и никѣмъ неоспариваемый фактъ, что производительность труда всего сильнѣе возрасла въ крупныхъ заведеніяхъ, тогда нельзя признать слишкомъ смѣлымъ слѣдующій выводъ: если въ 1882 году изъ всего производства промышленности и ремеслъ на долю фабричной крупной промышленности приходилось, по скромному разсчету, 47 и 54 процента, то въ настоящее время эта доля не можетъ быть меньше 60 и 70% всего производства. *Двѣ трети, если не три четверти всего промысловаго производства Германіи принадлежитъ фабричному крупному производству, коллективистической крупной промышленности.* Этотъ фактъ скрываютъ отъ глазъ наблюдателей тысячи обстоятельствъ, въ особенности же то обстоятельство, что значительную часть этихъ продуктовъ крупной промышленности составляютъ полуфабрикаты, а другая часть продуктовъ поступаетъ къ намъ изъ рукъ лицъ, которыя только повидимому принимаютъ участіе въ ихъ производствѣ, въ дѣйствительности же являются лишь торговцами. Но въ вѣрности этого факта невозможны никакія сомнѣнія. Другой, конечно, вопросъ, достаточно ли созрѣло большинство этихъ коллективистическихъ предпріятій, составляющихъ столь боль-

шую долю національнаго производства для того, чтобы ихъ можно было изъять изъ области частнаго хозяйства".

Этотъ послѣдній вопросъ можетъ рѣшить только успѣхъ, а не статистическое изслѣдованіе, поэтому мы можемъ оставить его въ сторонѣ. Отмѣтимъ пока тотъ фактъ, что самъ Бернштейнъ еще недавно пришелъ къ тому выводу, что крупная фабричная промышленность, доставлявшая въ 1882 году только *половину* всего количества національныхъ продуктовъ, производила *тринадцать лѣтъ* спустя уже *двѣ трети*, если не *три четверти* этого количества. Не признавать этого быстрой концентраціей капитала, не признавать этого подвигающимся гигантскими шагами развитіемъ къ коллективистическому производству—это значитъ прилагать очень странное мѣрило къ быстротѣ историческихъ процессовъ.

Менѣе ясно, чѣмъ при сравненіи количества продуктовъ, обнаруживается этотъ прогрессъ крупнаго производства при сравненіи числа предпріятій различныхъ категорій и числа занятыхъ въ нихъ рабочихъ. Но и при такомъ сравненіи прогрессъ крупнаго производства не подлежитъ сомнѣнію. Среди германскихъ промысловъ (промышленность, торговля, транспортъ, огородничество, рыболовство и проч.) считалось:

	1886.	1895.	Увеличеніе въ процент.
Предпріятій съ 1—5 лицами	2.882.768	2.934.723	1.8
6—10 „	68.763	113.547	65.1
11—50 „	43.952	77.752	76.9
51—200 „	8.095	15.624	93.0
201—1000 „	1.752	3.076	75.6
свыше—1000 „	127	225	100.8
Итого	3.005.457	3.144.947	46.

Въ то время, какъ общее число предпріятій возросло на 46%, число мелкихъ предпріятій увеличилось лишь на 1.8%, а число колоссальныхъ предпріятій—на 100%. Число первыхъ абсолютно нѣсколько возросло, но относительно уменьшилось. Изъ 100 предпріятій приходилось на отдѣльныя категоріи предпріятій:

	1882.	1895.
Предпріятій съ 1—5 лицами	95.9	93.3
6—10 „	2.3	3.6
11—50 „	1.5	2.5
51—200 „	0.3	0.5
201—1000 „	0.0	0.1
свыше—1000 „	0.0	0.1

Доля мелкихъ предпріятій въ общемъ числѣ предпріятій понизилась, такимъ образомъ, съ 96% почти до 93-хъ процентовъ съ небольшимъ.

Правда, процентная доля мелкихъ предпріятій представляется все еще громадной. Но картина мѣняется, если посмотрѣть на число занятыхъ лицъ. Считалось занятыхъ лицъ — въ

	1882	1895	Увеличеніе въ процент.
Предпріятіяхъ съ 1—5 лицами	4.335.822	4.770.669	10.0
6—10 „	500.097	833.409	66.6
11—50 „	891.623	1.620.848	81.8
50—200 „	742.688	1.439.776	93.9
201—1000 „	657.399	1.155.836	75.8
свыше—1000 „	213.160	448.731	110.5
Итого	7.340.789	10.269.269	39.9

Все число занятыхъ въ промышленности лицъ возросло на 40%, число же занятыхъ въ мелкой промышленности— только на 10%, а число занятыхъ въ колоссальныхъ предпріятіяхъ — на 100%. И здѣсь, слѣдовательно, мы видимъ очень значительное уменьшеніе относительной доли мелкихъ предпріятій.

Изъ каждыхъ 100 занятыхъ лицъ приходилось на

	1882.	1895.
Предпріятія съ 1—5 лицами	59.0	46.5
6—10 „	6.8	8.1
11—50 „	12.2	15.8
51—200 „	10.1	14.0
201—1000 „	9.0	11.2
свыше—1000 „	2.9	4.4

Мелкія предпріятія, занимавшія въ 1882 г. еще почти *двѣ трети* промышленнаго населенія, въ 1895 г. охватывали уже *менѣе половины* его.

Но эти цифры не даютъ еще полной картины соціальныхъ перемѣнъ, вызываемыхъ относительнымъ паденіемъ мелкаго производства. Женскій и дѣтскій трудъ—изобрѣтеніе крупнаго капитала, но въ настоящее время этотъ трудъ сильнѣе всего эксплуатируется падающими мелкими предпріятіями, которыя пытаются удержаться на поверхности при помощи эксплуатаціи незрѣлыхъ и неспособныхъ къ сопротивленію работниковъ.

Къ сожалѣнію, нельзя установить, повысилось ли и на-

сколько повысилось примѣненіе женскаго труда въ отдѣльныхъ категоріяхъ предпріятій, такъ какъ перепись 1895 г. въ этомъ отношеніи производилась на основаніи другихъ принциповъ, чѣмъ перепись 1882 г. Но и абсолютныя числа уже достаточно внушительны. Число наемныхъ рабочихъ въ промышленности въ 1895 г. равнялось 6.871.504; изъ нихъ было 5.247.897 мужчинъ и 1.628.607 женщинъ; въ 1882 г. все число рабочихъ равнялось 4.226.052; изъ нихъ мужчинъ было 3.433.689; женщинъ—762.363. Общее число рабочихъ возросло на 52.6%, при чемъ число мужчинъ возросло на 52.8%, а число женщинъ на 104.9%.

Внутри же отдѣльныхъ категорій такія различія проведены лишь по нижеслѣдующимъ группамъ. Въ 1895 г. насчитывалось рабочихъ:

	Мужчинъ.		Женщинъ.		Итого.
Одиночекъ	1.125.125	66%	589.226	34%	1.714.351
Предпріятій съ 1 — 5 рабочими	1.354.598	68 „	636.646	32 „	1.991.244
Предпріятій съ 6 — 20 рабочими	967.578	79 „	256.428	21 „	1.224.006
Предпріятій съ свыше 20 раб.	2.925.721	80 „	730.533	20 „	3.656.254.

Изъ этихъ цифръ видно, какъ велико преобладаніе женскаго труда въ мелкихъ предпріятіяхъ, видно также, что хотя число лицъ, занятыхъ въ мелкихъ предпріятіяхъ, и составляетъ 46.5% всѣхъ занятыхъ въ промышленности лицъ, но число лицъ мужескаго пола, занятыхъ въ этихъ предпріятіяхъ, составляетъ лишь 43.5% всѣхъ мужчинъ-рабочихъ, т. е. значительно меньше.

Число малолѣтнихъ рабочихъ въ мелкомъ производствѣ также гораздо больше, чѣмъ въ крупномъ. Къ сожалѣнію, и тутъ невозможно сравненіе данныхъ 1882 и 1895 годовъ.

Среди 6.871.504 промышленныхъ рабочихъ (1895) было малолѣтнихъ 603.150, т. е. 8.8%. Если изъ числа рабочихъ вычесть, какъ это дѣлаетъ въ своемъ отчетѣ имперское статистическое бюро, женъ предпринимателей, тогда остается 6.474.727 рабочихъ, изъ нихъ 9.1% малолѣтнихъ (jugendlichen). Въ отдѣльныхъ же категоріяхъ приходилось малолѣтнихъ на каждые 100 человѣкъ рабочихъ:

Въ предпріятіяхъ съ 1—5 лицами	15.2
6—20 „	10.2
свыше 20 „	5.9.

Такимъ образомъ, въ мелкомъ производствѣ взрослые рабочіе мужчины составляютъ гораздо меньшую часть общаго числа рабочихъ, чѣмъ въ крупномъ производствѣ. Слѣдовательно, отношеніе въ кругу наиболѣе важныхъ въ политическомъ и соціальномъ отношеніи элементовъ передвигается гораздо быстрѣе въ пользу рабочихъ крупной промышленности, чѣмъ это показываютъ цифры общаго числа рабочихъ въ отдѣльныхъ категоріяхъ.

Что и концентрація капитала подвигается быстрѣе, чѣмъ это можно заключить по первому взгляду на общія цифры статистики предпріятій, это станетъ очевиднымъ, когда мы разсмотримъ отдѣльно различныя отрасли промышленности.

Прежде всего надо помнить, что концентрація капитала происходитъ неравномѣрно во всѣхъ отрасляхъ производства. Крупное производство овладѣваетъ одной отраслью за другой; при этомъ оно часто вытѣсняетъ мелкое производство изъ какой-нибудь отрасли, не превращая всѣхъ мелкихъ предпринимателей этого производства въ наемныхъ рабочихъ. Вытѣсненные изъ одного рода дѣятельности, они стараются найти себѣ другое занятіе, превращаются, напримѣръ, изъ производителей какого-либо товара въ его продавцевъ, изъ промышленниковъ въ посредниковъ и т. д. Такимъ образомъ, область мелкаго производства все болѣе суживается, причемъ общее число мелкихъ предпріятій можетъ и не уменьшаться. Успѣхи крупной промышленности въ одной области—обнаруживаются въ ростѣ мелкаго производства, въ другой—въ переполненіи этой послѣдней; если въ одномъ мѣстѣ мелкія предпріятія погибаютъ отъ конкурренціи съ крупными, то въ другомъ они погибаютъ отъ чрезмѣрной конкурренціи между собой; въ силу этого они попадаютъ все въ большую зависимость отъ капитала, вынуждаются все къ большей спеціализаціи работъ и приготовляютъ, такимъ образомъ, почву для крупнаго производства, которое рано или поздно водворится и въ этой области.

Прежде всего мы встрѣчаемся съ тѣмъ важнымъ фактомъ, что если взять за мѣрило число занятыхъ рабочихъ, то концентрація предпріятій въ промышленности подвинулась впередъ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ торговлѣ и транспортѣ. Это мѣрило, конечно, не вполнѣ надежно, такъ какъ въ торговлѣ предпріятіе съ 10—20 лицами можетъ быть уже предпріятіемъ крупнымъ, тогда какъ въ промышленности предпріятіе подобнаго размѣра стоитъ обыкновенно еще на границѣ съ ремесломъ. Но у насъ нѣтъ въ распоряженіи другихъ цифръ. Изъ каждыхъ 100 лицъ въ 1895 г. было занято:

	Въ предпріятіяхъ—		
	съ 1—5 л.	съ 6—50 л.	свыше 50 л.
Въ промышленности, горномъ и строительномъ дѣлѣ . . .	39,9	23,8	36,3
Въ торговлѣ, транспортѣ, въ промыслѣ содержанія гостинницъ	69,7	24,3	6,0

Лишь для промышленности предпріятія въ 1—5 лицъ можно считать мелкими предпріятіями, а предпріятіе въ 6—50 лицъ средними; въ торговлѣ же предпріятіе съ 5 лицами можетъ уже быть значительнымъ предпріятіемъ средней величины, а предпріятіе съ 50 лицами всегда является очень крупнымъ.

Въ промышленности въ мелкихъ предпріятіяхъ занято лишь 40% всѣхъ занятыхъ лицъ. Въ 1882 же году въ нихъ было занято 55%. Паденіе мелкаго производства совершается въ промышленности быстрѣе, чѣмъ въ торговлѣ. Приростъ (+) или убыль (—) числа занятыхъ лицъ въ 1882—1895 г. равнялись:

	Въ предпріятіяхъ—		
	съ 1—5 лиц.	съ 6—50 лиц.	свыше 50 л.
Промышленность и пр.	— 2,4%	+71,5%	+ 87,6%
Торговля и пр. . . .	+48,9%	+94,1%	+137,8%

Такимъ образомъ, въ промышленности мы видимъ абсолютное уменьшеніе числа лицъ, занятыхъ въ мелкихъ предпріятіяхъ. Еще значительнѣе уменьшеніе числа самихъ предпріятій: оно составило 8,6 процентовъ. Въ то время, какъ число мелкихъ предпріятій во всѣхъ промыслахъ увеличилось на 51,955,—въ промышленности число ихъ уменьшилось на 186,297.

Перейдемъ къ еще болѣе детальнымъ даннымъ. Всего болѣе развито крупное производство и всего сильнѣе оттѣснено на задній планъ мелкое въ слѣдующихъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ на каждые 100 занятыхъ лицъ приходилось:

	На предпріятія съ		
Отрасли промышленности:	1—5 лиц.	6—50 л.	свыше 50 л.
Горная промышленность	0,7	4,0	95,3
Химическая „	15,7	22,8	61,7
Текстильная „	26,0	14,3	59,2
Машиностроительная промышленность	22,1	18,9	59,0
Писчебумажная „	17,7	31,5	50,8
Промышленность по обработкѣ камня, глины и пр.	12,8	42,5	44,7
Производство освѣтительн. матеріаловъ.	15,2	45,0	39,7

Областью же мелкаго производства являются слѣдующія отрасли промышленности, въ которыхъ на каждые 100 занятыхъ лицъ приходилось:

Отрасли промышленности:	На предпріятія съ 1—5 лиц.	6—50 л.	свыше 50 л.
Скотоводство и рыболовство . . .	88,8	7,9	3,1
Изготовленіе одежды, содержаніе въ чистотѣ тѣла	80,4	13,2	6,4
Содержаніе трактировъ и гостинницъ.	74,6	24,1	1,3
Торговое дѣло.	70,8	24,2	4,0
Оранжерейное и торговое огородничество.	60,2	31,5	8,3
Художественная промышленность. .	58,4	33,8	7,8
Обработка дерева.	57,8	29,6	12,6

Но и здѣсь уже начинаетъ проявляться концентрація капитала. Съ 1882 по 1895 увеличеніе или уменьшеніе числа занятыхъ лицъ составляло—

Отрасли промышленности:	Въ предпріятіяхъ съ 1—5 лиц.	6—50 л.	свыше 50 л.
Скотоводство и рыболовство . . .	+ 3,7%	+ 35,9%	+700,9%
Изготовленіе одежды и т. д. . . .	— 0,6 „	+ 81,5 „	+162,0 „
Трактирная торговля.	+70,3 „	+138,7 „	+429,7 „
Торговое дѣло.	+47,4 „	+ 89,5 „	+177,6 „
Оранжерейное и торговое огородничество	+65,0 „	+141,6 „	+ 40,8 „
Художественная промышленность. .	+ 4,6 „	+ 66,6 „	+576,1 „
Обработка дерева.	— 3,1 „	+118,6 „	+138,7 „
Промышленность (Gewerbe) вообще	+10,0 „	+ 76,3 „	+ 86,5 „

Такимъ образомъ, повсюду, за исключеніемъ оранжерейнаго огородничества, крупное производство прогрессируетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ мелкое. Если оставить въ сторонѣ огородничество, занимающее не много лицъ, то мы получимъ изъ числа тѣхъ промысловъ, въ которыхъ еще широко распространено мелкое производство, только два такихъ, въ которыхъ число занятыхъ лицъ возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ населеніе вообще. Это именно: промыселъ содержателей пивныхъ и мелочныхъ торговцевъ. „Въ торговомъ дѣлѣ“, говоритъ изданіе Имперскаго Статистическаго Бюро о главныхъ результатахъ переписи промысловыхъ предпріятій 1895 г., „важная роль мелкаго производства зависитъ отъ большого числа мелочныхъ торговцевъ, торговцевъ коло-

ніальными товарами, съѣстными припасами и напитками. Такъ, въ торговлѣ, обнимающей всѣ названные категоріи, было занято лицъ:

Всего	1.105.423
Изъ нихъ торговцевъ-одиночекъ	317.460
Въ предпріятіяхъ съ 2 лицами	215.730
„ „ „ 3—5 „	276.085
Всего въ мелкой торговлѣ.	809.275

„Большое число мелкихъ предпріятій въ области содержанія трактировъ и гостинницъ объясняется существованіемъ массы мелкихъ трактирщиковъ, лицъ, занимающихся сдачей комнатъ, сдачей угловъ и т. п. Въ этой группѣ промысловъ занято лицъ:

Всего.	579.958
Въ томъ числѣ одиноч., сдающ. углы и ком. .	99.407
Въ предпріятіяхъ съ 2 лицами	122.194
„ „ „ 3—5 „	211.175
Въ мелкихъ предпріятіяхъ вообще	432.776

Если мы прибавимъ къ этому, что тѣ промыслы, которые вызываютъ преобладаніе мелкихъ предпріятій въ промышленности по изготовленію одежды и по содержанію въ чистотѣ тѣла, суть промыслы: портняжный, бѣлошвейный, прачечный, парикмахерскій, то получимъ всѣ составные элементы тѣхъ чиселъ, которыя Бернштейнъ выдвигаетъ противъ теоріи Маркса.

Марксъ замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ „Капитала“: „Г. профессоръ Рошеръ утверждаетъ, что онъ сдѣлалъ такое открытіе: одна швея, работающая у госпожи профессорши два дня, исполняетъ больше работы, чѣмъ двѣ швеи, работающія у госпожи профессорши въ теченіе одного и того же дня. Г—ну профессору слѣдуетъ производить свои наблюденія надъ капиталистическимъ процессомъ производства не въ дѣтской и не при такихъ условіяхъ, когда нѣтъ на лицо главнаго дѣйствующаго лица,—капиталиста“.

Чтобы развить дальше марксизмъ и сдѣлать его болѣе научнымъ, Бернштейнъ присоединяетъ къ дѣтской—парикмахерскую и трактиръ. Въ этой области процессъ концентраціи капитала оставляетъ еще желать многаго. Вспомнимъ его указаніе, что въ Германіи еще нѣтъ предварительныхъ условій соціализма, такъ какъ въ торговлѣ и промышлен-

ности остаются еще сотни тысячъ „*предпріятій*“ съ числомъ рабочихъ свыше 4-хъ милліоновъ, каковыя предпріятія „должны были бы вести частныя лица“. Мы знаемъ теперь изъ кого состоитъ большинство этихъ „предпріятій“... Вотъ тѣ элементы, которые кажутся Бернштейну самой прочной опорой капиталистической собственности; вотъ, на какихъ промыслахъ мы должны изучать законы капиталистическаго развитія, а не на горныхъ или желѣзодѣлательныхъ заводахъ, не на ткацко-прядильныхъ фабрикахъ, машиностроительныхъ заводахъ и т. п.

Общее число мелкихъ предпріятій возросло съ 1882 по 1895 г. на 51.955. Въ нижеслѣдующихъ группахъ промысловъ число мелкихъ предпріятій было таково:

	1882 г.	1895 г.	Увеличеніе.
Торговля и промышленность. . . .	434.785	603.209	168.424
Содержаніе гостинницъ и трактировъ	163.991	220.655	56.664.
Итого . .	598.991	823.864	225.088.

Если мы отбросимъ обѣ эти группы промысловъ, то вмѣсто *увеличенія* числа мелкихъ предпріятій на 51.955 получимъ *уменьшеніе* ихъ на 175.133.

Персоналъ мелкихъ предпріятій въ двухъ названныхъ группахъ равнялся:

	1882	1895	Увеличеніе.
Въ торговлѣ.	641.696	943.545	301.849
Въ трактирномъ дѣлѣ	241.297	432.776	188.479.
Итого . .	885.993	1.376.326	490.328.

Персоналъ всѣхъ мелкихъ предпріятій за это время увеличился на 434.847. Если мы вычтемъ персоналъ обѣихъ вышеприведенныхъ группъ, то получимъ въ мелкомъ производствѣ, вмѣсто увеличенія, уменьшеніе на 55.481, при одновременномъ увеличеніи населенія и еще болѣе значительномъ увеличеніи всего промышленнаго персонала.

Но ростъ мелкихъ предпріятій въ посреднической торговлѣ и въ трактирномъ промыслѣ—не есть признакъ жизнеспособности мелкаго производства, а напротивъ является продуктомъ его разложенія. Содержаніе лавочекъ, небольшихъ трактировъ, сдача комнатъ и т. п. въ большинствѣ случаевъ представляютъ собою занятіе, за которое хватаются обанкротившіеся люди, или же являются средствомъ дать заработокъ женѣ въ подспорье къ заработной платѣ мужа. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ эти предпріятія носятъ проле-

тарскій характеръ. Кромѣ того, они становятся все болѣе и болѣе зависимыми отъ покупателей изъ среды наемныхъ рабочихъ, такъ какъ денежная буржуазія удовлетворяетъ свои потребности въ лучше обставленныхъ предпріятіяхъ. Поэтому мелкіе трактирщики и торговцы все болѣе и болѣе приближаются по своимъ чувствамъ и по своему образу мыслей къ наемнымъ рабочимъ. Если мелкобуржуазный образъ мыслей раньше преобладалъ и среди наемныхъ рабочихъ, то теперь все болѣе и болѣе начинаетъ замѣчаться обратное отношеніе.

Именно въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ преобладаетъ мелкое производство, этому способствуетъ еще другое обстоятельство, котораго статистика не можетъ обнаружить. Статистика показываетъ только *техническую*, а не *экономическую* концентрацію производства. Да и техническую она показываетъ не вполнѣ, потому что въ тѣхъ случаяхъ, когда различные промыслы соединяются въ одномъ предпріятіи, перепись промышленныхъ предпріятій считаетъ ихъ отдѣльными предпріятіями. Точно также филіальныя отдѣленія она относитъ къ самостоятельнымъ предпріятіямъ. Такимъ образомъ, въ дѣйствительности общее число предпріятій меньше, а число крупныхъ предпріятій — больше, чѣмъ показываетъ перепись.

Но техническая концентрація есть лишь *одна* изъ формъ экономической концентраціи, хотя и самая важная и совершенная форма ея. Концентрація капитала имѣетъ мѣсто также и въ томъ случаѣ, когда капиталистъ ставитъ въ экономическую зависимость отъ себя, подчиняетъ себѣ технически-самостоятельныя предпріятія. Напомнимъ, напр., о капиталистической работѣ на дому. И вотъ, взгляните на вышеприведенный рядъ тѣхъ отраслей промышленности, въ которыхъ преобладаетъ мелкое производство: это именно тѣ отрасли, въ которыхъ особенно высоко развита экономическая несамостоятельность мелкихъ предпріятій. Такъ, напр., капиталистическая работа на дому сильно распространена въ промышленности по обработкѣ дерева (столярный промыселъ, плетеніе корзинъ, плетеніе соломенныхъ шляпъ, токарное дѣло, игрушечный промыселъ и т. п.) и особенно въ промышленности по изготовленію одежды и содержанію въ чистотѣ тѣла и одежды (приготовленіе платья и бѣлья, ремесло модистокъ, перчаточный промыселъ, сапожный промыселъ, стирка и глаженіе бѣлья и проч.) Для статистики эти мелкія предпріятія суть самостоятельныя предпріятія, для экономиста же ихъ владѣльцы—не собственники средствъ производства, а самые приниженные, получающіе самую жалкую плату наемные рабочіе.

Но и въ посреднической торговлѣ, и въ трактирномъ промыслѣ происходитъ аналогичный процессъ, который все болѣе превращаетъ номинальныхъ владѣльцевъ предпріятій въ фактическихъ агентовъ и наемныхъ рабочихъ нѣсколькихъ крупныхъ капиталистовъ. Трактирныя заведенія становятся все въ большую и большую зависимость отъ крупныхъ пивоваренныхъ заводовъ, которые часто отпускаютъ имъ въ кредитъ не только пиво, но и весь инвентарь; кромѣ того, все большее число ресторановъ и пивныхъ лавокъ становятся прямой собственностью пивоваренъ. Трактирщики становятся арендаторами, служащими у пивоваровъ. Тоже самое происходитъ и въ торговлѣ товарами. У насъ нѣтъ сейчасъ подъ руками, для подтвержденія этого общеизвѣстнаго факта, цифръ, относящихся къ Германіи. Въ одной статьѣ „Contemporary Review“ Macrosty сообщаетъ изъ Лондона, „что дешевые лондонскіе рестораны находятся въ рукахъ 4—5 фирмъ. Въ такомъ же положеніи находится лондонская торговля молокомъ, ту же участь раздѣляетъ аптекарь, торговецъ табачными продуктами. Одна фирма владѣетъ сотней сигарныхъ лавокъ“. Объ этомъ развитіи Бернштейнъ ничего не говоритъ. Онъ указываетъ только на то, что въ Англіи число лавокъ поднялось съ 1875 по 1886 г. съ 295 до 366 тысячъ.

Бернштейнъ указываетъ на сотни тысячъ мелкихъ предпріятій, которыя и послѣ обобществленія крупныхъ должны остаться въ рукахъ частныхъ хозяевъ. Какая масса изъ 200.000 мелкихъ предпріятій въ группѣ гостинницъ, трактировъ и пр. стали бы фактически зависимыми отъ государственнаго производства, если-бы государство взяло въ свои руки хотя-бы только 300 крупнѣйшихъ пивоваренныхъ заводовъ, которые по германской переписи 1895 года занимали каждый болѣе 50 лицъ? А что превращеніе производства и торговли табакомъ въ государственное предпріятіе вполнѣ совмѣстимо съ сохраненіемъ тысячъ мелкихъ табачныхъ лавокъ, это извѣстно каждому ребенку въ странахъ, въ которыхъ введена табачная монополія. Обобществленіе производства отнюдь не предполагаетъ полнаго господства крупнаго производства во всѣхъ отрасляхъ.

Изъ тѣхъ промысловъ, въ которыхъ еще сколько нибудь сильно мелкое производство, намъ остается изслѣдовать обработку металловъ, кожевенную промышленность, производство предметовъ питанія, строительный и транспортный промыслы. Страховой промыселъ, занимаетъ лишь 22.000 лицъ, почему мы можемъ оставить его въ сторонѣ.

Во всѣхъ этихъ промыслахъ мы видимъ значительное

относительное уменьшеніе числа лицъ, занятыхъ въ мелкихъ предпріятіяхъ. Въ промышленности по обработкѣ металловъ это уменьшеніе даже абсолютное. Ему соотвѣтствуетъ въ этомъ случаѣ еще болѣе значительное уменьшеніе числа предпріятій. Въ то время, какъ число лицъ въ мелкихъ предпріятіяхъ уменьшилось на 1,2% (3.401), число мелкихъ предпріятій уменьшилось на 7,6% (11.889). Въ остальныхъ перечисленныхъ промыслахъ мелкое производство абсолютно увеличилось, но далеко не въ такой мѣрѣ, какъ среднее и крупное. Особенно поразительно относительное уменьшеніе числа лицъ въ мелкихъ предпріятіяхъ строительнаго промысла, который считается обыкновенно твердыней ремесла.

О названныхъ промыслахъ мы имѣемъ такія данныя:

Отрасль промышленности.		Изъ каждыхъ 100 лицъ приходилось на предпріятія съ числомъ лицъ:			Абсолютное увеличеніе и уменьшеніе числа лицъ въ % съ 1882 по 1895 г. въ предпріятіяхъ съ—		
		1—5	6—50	свыше 50	1—5	6—50	свыше 50
1. Обработка металловъ. . . .	1882	62,8	18,7	18,5			
	1895	44,6	24,6	30,8	— 1,2	+ 83,4	+1313
Относительное увеличеніе или уменьшеніе . .	—	— 18,2	+ 5,9	+ 1,23			
2. Производство предметовъ пищи и вкусовыхъ средствъ . . .	1882	60,3	19,6	20,1			
	1895	51,9	23,9	24,2	+ 18,0	+ 67,6	+ 66,0
Увеличеніе или уменьшеніе . .	—	— 8,4	+ 4,3	+ 4,1			
3. Кожевенная промышленность .	1882	62,9	21,3	15,8			
	1895	50,6	24,9	24,5	+ 6,2	+ 54,2	+1045
Увеличеніе или уменьшеніе . .	—	— 12,3	+ 3,6	+ 8,7			
4. Строительный промыселъ. . .	1882	46,0	36,1	17,9			
	1895	27,0	39,6	33,4	+ 15,3	+1146	+2649
Увеличеніе или уменьшеніе . .	—	— 19,0	+ 3,5	+ 15,5			
5. Транспортный промыселъ . .	1882	64,1	17,3	18.6			
	1895	54,0	18,0	28,0	+ 10,8	+ 36,7	+ 97,0
Увеличеніе или уменьшеніе . .	—	— 10,1	+ 0,7	+ 9,4			

Въ транспортномъ промыслѣ численность персонала въ мелкихъ предпріятіяхъ относительно такъ велика потому

что самыя крупныя предпріятія—желѣзныя дороги, телеграфы, почта—исключены изъ переписи промысловъ. Вообще, общественныя предпріятія, которыя ведутся не въ промышленныхъ цѣляхъ, какъ-то: коммунальныя учрежденія для снабженія водой, вывозки мусора, скотобойни и т. п., т. е. какъ разъ самыя крупныя предпріятія не принимались во вниманіе при переписи.

Но въ составъ транспортнаго промысла входятъ не только гигантскія предпріятія, не принятыя во вниманіе, но и масса очень мелкихъ предпріятій, не имѣющихъ никакого экономическаго значенія и едва заслуживающихъ названіе предпріятій. Изъ 3.945 предпріятій по устройству похоронъ и рытью могилъ 3.674—предпріятія одиночекъ, изъ 10.514 „предпріятій посыльныхъ и слугъ"—предпріятій одиночекъ было 10.200, изъ 18.737 предпріятій по извозному промыслу и содержанію почтъ такихъ предпріятій было 9.532. Должны ли мы, наряду съ торговками овощами, квартирными хозяйками и парикмахерами, причислить также и могильщиковъ, посыльныхъ и извощиковъ къ стотысячной арміи мелкой буржуазіи, грозно стоящей на пути наемныхъ рабочихъ?

Лишь промышленность по производству предметовъ пищи и вкусовыхъ средствъ, повидимому, благопріятна для мелкаго производства. Абсолютное увеличеніе мелкаго производства въ этой области самое значительное изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами выше отраслей промышленности и—что составляетъ исключительный случай, повторяющійся только въ огородничествѣ,—крупное производство растетъ въ ней медленнѣе, чѣмъ среднее.

Но изъ милліона лицъ, приходящихся на эту группу, 153.030 заняты въ *табачной промышленности*, въ которой мелкое производство представляетъ собою капиталистически-эксплуатируемую домашнюю промышленность. Съ другой стороны, сюда же относится *пивовареніе*, занимающее 97.682 лица, и *сахарное производство* почти съ такимъ же числомъ лицъ (95.162). Но эти отрасли представляютъ собою область крупнаго производства. Точно также это послѣднее быстро овладѣваетъ областью *мукомольной* промышленности (110.267). Такимъ образомъ, изъ числа наиболѣе крупныхъ отраслей промышленности этой группы лишь *хлѣбопекарный промыселъ* (занимающій вмѣстѣ съ кондитерскимъ дѣломъ 261.916 лицъ) и *мясной промыселъ* (178.873) представляютъ собою области, гдѣ господствуетъ самостоятельное мелкое производство. Но та-же самая причина, которая благопріятствуетъ мелкому производству въ обоихъ этихъ промыслахъ, а именно, ихъ монополія на очень ограниченномъ мѣстномъ рынкѣ, ведетъ къ столь многочисленнымъ злоупотребленіямъ,

настоятельно требующимъ устраненія путемъ обобществленія, что обобществленіе можетъ поглотить оба эти царства мелкаго производства скорѣе, чѣмъ нѣкоторыя другія отрасли промышленности съ болѣе развитымъ крупнымъ производствомъ. Развитіе потребительныхъ обществъ и коммунальной соціальной политики быстро очистило бы эту область.

Въ мясномъ дѣлѣ коммунальныя скотобойни уже сдѣлали свое дѣло и обобществили наиболѣе важныя функціи мясниковъ. Но даже если бы этого и не было, развитіе производства не остановилось бы передъ мяснымъ и хлѣбопекарными промыслами. И тутъ точно также начинаетъ происходить концентрація капитала. По переписи занятій считалось:

		Самостоят. лицъ.	Наемныхъ рабочихъ.	Изъ каждыхъ 100 лицъ самостоятельн.
Въ хлѣбопекарномъ промыслѣ. . .	1882 г.	74.283	109.047	40,5
	1895 „	84.605	163.982	34,1
Въ мясномъ промыслѣ.	1882 „	60.634	59.997	64,4
	1895 „	69.277	107.394	39,2

Примите во вниманіе всѣ эти цифры и рѣшите, правъ ли Бернштейнъ, утверждая, что нарисованная Марксомъ картина капиталистической концентраціи не соотвѣтствуетъ дѣйствительности (стр. 47) и одностороння, такъ какъ расширеніе и ростъ крупнаго производства составляютъ лишь одну сторону экономическаго развитія (стр. 60). Теорія Маркса нашла самое блестящее подтвержденіе въ данныхъ нѣмецкой переписи занятій и предпріятій. А Бернштейнъ, защищавшій эту теорію съ полнымъ убѣжденіемъ, пока она не была подтверждена этими данными, начинаетъ сомнѣваться въ ней именно въ тотъ моментъ, когда стало болѣе, чѣмъ когда-либо, очевиднымъ, что эта теорія есть самое вѣрное отраженіе дѣйствительности.

А *сельское хозяйство?* Развѣ оно не говоритъ о полномъ банкротствѣ теоріи Маркса?

Въ этой области дѣло, дѣйствительно, не такъ ясно, какъ въ промышленности. Еще въ 1864 г. Марксъ говорилъ: „Откройте оффиціальные регистры Англіи 1861 г. и вы увидите, что число землевладѣльцевъ въ Англіи и Уэльсѣ въ 1851 г. равнялось 16.934, а въ 1861 г. упало до 15.066, такъ что концентрація поземельной собственности увеличилась въ 10 лѣтъ на 11%. *Если бы процессъ сосредоточенія всей зе-*

мельной собственности въ рукахъ немногихъ лицъ шелъ и дальше въ такой пропорціи, это, несомнѣнно, значительно упростило бы аграрный вопросъ".

Но такому упрощенію не суждено было сбыться. Рядъ обстоятельствъ, возникшихъ съ того времени, какъ были написаны вышеприведенныя строки, въ особенности заатлантическая конкурренція въ торговлѣ пищевыми продуктами и повальное бѣгство сельскихъ рабочихъ изъ деревень, мѣшаютъ концентраціи земельной собственности, а равно и концентраціи сельскохозяйственныхъ предпріятій. Вмѣсто того, чтобы упрощаться, аграрный вопросъ все болѣе осложняется, становится самымъ запутаннымъ и труднымъ изъ всѣхъ тѣхъ вопросовъ, надъ разрѣшеніемъ которыхъ намъ приходится работать.

Но намъ кажется, что мы можемъ съ увѣренностью утверждать слѣдующее: какъ бы ни развивался дальше аграрный вопросъ, сельское населеніе будетъ имѣть все меньшее значеніе въ общемъ соціальномъ развитіи уже по одному тому, что численность его уменьшается относительно, а иногда и абсолютно. Этотъ процессъ неизбѣжно происходитъ не только въ промышленныхъ странахъ, производящихъ продукты промышленности для вывоза и обмѣнивающихъ ихъ, между прочимъ, и на пищевые продукты и сырье. Все экономическое развитіе стремится къ тому, чтобы отнимать у сельскаго хозяина одну функцію за другой и передавать ихъ производящей товары промышленности, особенно крупной промышленности. Оно разрушаетъ сперва домашнее производство крестьянина, служащее для собственнаго потребленія: онъ не прядетъ своего льна и своей шерсти, не приготовляетъ напитковъ изъ собственныхъ плодовъ и т. п. За производствомъ для собственнаго потребленія приходитъ чередъ производства на рынокъ: и оно становится предметомъ отдѣльныхъ промысловъ. Молоко коровъ крестьянина перерабатывается въ масло уже не у него во дворѣ, а въ маслобойняхъ; вино выдерживается уже не въ погребѣ винодѣла, а въ погребѣ торговца виномъ. Наконецъ, промышленность начинаетъ производить или замѣщать сырье, которое производилось раньше въ сельскомъ хозяйствѣ. Она замѣняетъ красильныя растенія продуктами каменноугольной смолы; при производствѣ вина и пива она позволяетъ обходиться меньшимъ количествомъ винограда и хмѣля; лошадей, которымъ нуженъ овесъ, она замѣняетъ велосипедами, автомобилями, электрическими дорогами и плугами и т. д., и т. д. Къ этому присоединяется еще и то, что въ самомъ земледѣліи входятъ въ употребленіе машины, искусственныя удобренія, дренажъ и другія приспособленія, произво-

димыя промышленностью. Все болѣе значительная часть инвентаря, примѣняемаго въ сельскомъ хозяйствѣ, и продуктовъ, производившихся до сихъ поръ въ сельскомъ хозяйствѣ, производится теперь промышленностью. Все это ведетъ къ тому, что въ современныхъ государствахъ сельское населеніе все болѣе сокращается.

Въ Германіи такое сокращеніе происходитъ въ столь значительной степени, что, съ точки зрѣнія всего общества, обстоятельства, противодѣйствующія концентраціи, совершенно стушевываются передъ нимъ.

Въ Германской имперіи на каждые 100 человѣкъ, занятыхъ въ производствѣ, приходилось.

	Самостоятельныхъ лицъ.		Подручныхъ (Gehilfe).	
	1882	1895	1882	1895
Въ сельскомъ хозяйствѣ. . .	27,78	30,98	72,22	69,02
Въ промышленности	34,41	24,90	65,59	75,10
Въ торговлѣ.	44,67	36,07	55,33	63,93
Въ общемъ. . .	32,03	28,94	67,97	71,06

Такимъ образомъ, хотя въ сельскомъ хозяйствѣ числс самостоятельныхъ лицъ значительно увеличилось, но по отношенію ко всему обществу оно стало гораздо меньше отчасти вслѣдствіе усилившейся концентраціи въ торговлѣ и промышленности, а отчасти вслѣдствіе абсолютнаго уменьшенія сельскаго населенія. Еще въ 1882 г. сельское населеніе равнялось 19.225.455 человѣкъ, въ томъ числѣ участвующихъ въ производствѣ было 8.236.496; въ 1894 г. сельское населеніе уже состояло изъ 18.501.307, въ томъ числѣ участвующихъ въ производствѣ было 8.292.692 чел. За это время все населеніе возросло съ 45.200.000 до 51.800.000, а число участвующихъ въ производствѣ—съ 19 милліоновъ до 23 милліоновъ. Въ 1882 г. сельское населеніе составляло 42,5% всего населенія, а въ 1895 году лишь 36,2%.

Къ тому же цифры, показывающія приростъ числа самостоятельныхъ лицъ въ сельскомъ хозяйствѣ, далеко не вполнѣ точны, какъ это оказывается при детальномъ разсмотрѣніи ихъ. Считалось:

Лицъ, главное занятіе которыхъ составляетъ сельское хозяйство въ тѣсномъ смыслѣ слова.	1882 г.	1895 г.	Увеличеніе или уменьшеніе.
Самостоятельныхъ	2.252.531	2.522.539	+ 270.008
Служащихъ.	47.465	76.978	+ 29.513
Всѣхъ рабочихъ	5.763.970	5.445.924	— 318.046

Лицъ, главное занятіе которыхъ составляетъ сельское хозяйство въ тѣсномъ смыслѣ слова.	1882 г.	1885 г.	Увеличеніе или уменьшеніе.
Въ томъ числѣ членовъ семьи, занятыхъ въ хозяйствѣ	1.934.615	1.898.867	— 35.748
Батраковъ и батрачекъ	1.589.088	1.718.885	+ 129.797
Поденщиковъ съ землей.	866.493	382.872	— 483.621
„ безъ земли	1.373.774	1.445.300	+ 71.534
Всего.	8.063.966	8.045.441	— 18.525

Въ этихъ цифрахъ поражаетъ громадное уменьшеніе числа поденщиковъ, которое въ періодъ времени около 13 лѣтъ уменьшилось гораздо болѣе, чѣмъ на половину! Въ дѣйствительности, имперская статистика признаетъ, что такое уменьшеніе, по крайней мѣрѣ, отчасти есть кажущееся, такъ какъ перепись 1895 г. производилась по иному методу, чѣмъ перепись 1882 г.

Въ 1882 г. подъ рубрику *a T* подходили поденщики, которые вели и самостоятельное сельское хозяйство. При этомъ „не выяснялось, было ли у этихъ людей, такъ называемыхъ Heuerleute, самостоятельное сельское хозяйство—главнымъ занятіемъ, а поденщина—побочнымъ, или же, наоборотъ, они были преимущественно поденщиками, а самостоятельное хозяйство служило имъ лишь подспорьемъ". (Die berufliche etc. Gliederung des deutschen Volkes. Statistik des Deutschen Reiches. N. F., т. 111, стр. 58). При переписи же 1895-го года обѣ эти категоріи строго различались, и поэтому къ самостоятельнымъ отнесено извѣстное число сельскихъ хозяевъ, которые въ 1882 г. отнесены къ поденщикамъ. Поэтому „число самостоятельныхъ въ 1882 г. оказывается слишкомъ низкимъ" (тамъ же, стр. 61), а слѣдовательно, число наемныхъ рабочихъ слишкомъ высокимъ. Этотъ фактъ очень наглядно свидѣтельствуетъ о томъ, до какой степени сливаются въ деревнѣ границы между наемнымъ трудомъ и самостоятельнымъ сельскимъ хозяйствомъ.

Въ настоящее время невозможно опредѣлить съ точностью, насколько именно уменьшено въ 1882 г. число самостоятельныхъ и увеличено число рабочихъ, но это отступленіе переписи отъ дѣйствительности было, вѣроятно, довольно значительнымъ: стоитъ только обратить вниманіе на то, что съ 1882 г. по 1895 г. число батраковъ и поденщиковъ безъ земли *увеличилось*, тогда какъ именно число поденщиковъ съ землей показываетъ такое громадное пониженіе. Если мы причислимъ этихъ послѣднихъ и за 1882 г. (какъ и за 1895) къ самостоятельнымъ, то получимъ для 1882 г. сумму 3.119.024,

а для 1895 г. только 2.905.411, т. е. вмѣсто *увеличенія* на 270.008—*уменьшеніе* на 213.613; сумма же батраковъ и батрачекъ, не входящихъ въ число членовъ семьи, и поденщиковъ безъ земли была въ 1882 г.—2.962.862, а въ 1895 г.—3.164.185, т. е. *увеличилась* на 201.323.

Слѣдовательно, число *настоящихъ* наемныхъ рабочихъ *увеличилось*; число же самостоятельныхъ хозяевъ вмѣстѣ съ промежуточными слоями, лежащими между ними и наемными рабочими, *уменьшилось*. При этомъ невозможно съ точностью опредѣлить, произошло ли это уменьшеніе больше на счетъ первыхъ, чѣмъ на счетъ послѣднихъ. Во всякомъ случаѣ эти числа указываютъ на то, что *обостреніе соціальныхъ противоположностей* происходитъ и въ сельскомъ хозяйствѣ.

Но въ этой области процессъ происходитъ болѣе медленно, измѣненіе менѣе значительно, чѣмъ въ торговлѣ и промышленности.

Точно также, если мы перейдемъ къ статистикѣ хозяйствъ, то замѣтимъ лишь весьма незначительныя измѣненія въ отдѣльныхъ категоріяхъ хозяйствъ по ихъ размѣрамъ, причемъ эти измѣненія различны въ различныхъ странахъ и даже въ различныхъ частяхъ страны. Такъ, площадь эксплуатируемой сельскимъ хозяйствомъ земли измѣнялась слѣдующимъ образомъ:

Въ Германіи съ 1882 по 1895 г.

Категоріи хозяйствъ:

Менѣе 2 гектаровъ	— 19.494	гект.
отъ 2—5 „	— 95.781	„
„ 5—20 „	+563.477	„
„ 20—100 „	— 38.333	„
свыше 100 „	+ 45.533	„

Во Франціи съ 1882 по 1892 г.

Категоріи хозяйствъ:

Менѣе 1 гектара	+243.420	гект.
отъ 1—5 „	—108.434	„
„ 5—10 „	— 13.140	„
„ 10—40 „	—532.243	„
свыше 40 „	+197.288	„

Въ Англіи съ 1885 по 1895 г.

Категоріи хозяйствъ:		Акровъ:
1— 5 акровъ	(0.4— 2 гект.)	— 22.885
5— 20 „	(2— 8 „)	+ 10.880
20— 50 „	(8— 20 „)	+ 40.449

Въ Англіи съ 1885 г. по 1895 г.
Категорія хозяйствъ:

50—100 акровъ	(20— 40 гект).	. . .	+138.683
100—300 „	(40—120 „).	. . .	+217.429
300—500 „	(120—200 „).	. . .	—176.223
свыше 500 „	(свыше 200 „).	. . .	—226.807

Такимъ образомъ, во Франціи развитіе идетъ совсѣмъ въ другомъ направленіи, чѣмъ въ Германіи и Англіи. Въ двухъ послѣднихъ странахъ увеличивается площадь среднихъ хозяйствъ, во Франціи же—площадь самыхъ мелкихъ, пролетарскихъ, и крупныхъ, капиталистическихъ.

Въ Германіи мы видимъ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ преобладаетъ крупное производство, тенденцію къ упадку, а тамъ, гдѣ оно незначительно,—тенденцію къ развитію, т. е. въ земляхъ къ востоку отъ Эльбы первую, а въ южной и западной Германіи послѣднюю тенденцію.

Изъ каждыхъ 100 гектаровъ эксплуатируемой сельскимъ хозяйствомъ площади въ нижеслѣдующихъ государствахъ и провинціяхъ приходилось на хозяйства съ площадью больше 100 гектаровъ:

	1882 г.	1895 г.	
Восточная Пруссія	38.60	39.47	+0.87
Западная Пруссія	47.11	43.66	—3.45
Бранденбургъ.	36.32	35.24	—1.08
Померанія	57.42	55.13	—2.29
Познань	55.37	52.19	3.19
Силезія	34.41	33.86	—0.06
Мекленбургъ-Шверинъ	59.89	59.95	+0.06
Мекленбургъ-Стрелицъ	60.89	60.68	—0.21

Такимъ образомъ, за исключеніемъ Восточной Пруссіи и Мекленбургъ-Шверина, вездѣ уменьшеніе. Напротивъ, въ слѣдующихъ странахъ и провинціяхъ было:

	1882 г.	1895 г.	
Ганноверъ	6.92	7.14	+0.22
Вестфалія	4.77	5.30	+0.53
Гессенъ-Нассау	6.69	7.34	+0.65
Рейнскія провинціи	2.67	3.51	+0.84
Бавaрія	2.26	2.57	+0.31
Вюртембергъ	2.00	2.14	+0.14
Баденъ	1.80	3.06	+1.26
Эльзасъ-Лотарингія	7.31	7.38	+1.07

Въ остальныхъ государствахъ или не замѣтно никакихъ измѣненій (Гессенъ, Саксонія), или эти измѣненія слишкомъ

ничтожны, чтобы на нихъ можно было основывать какіе либо выводы. Характерно, что на югѣ и западѣ мы видимъ вездѣ плюсъ. Тамъ, гдѣ господствуетъ крестьянское хозяйство, мы встрѣчаемъ извѣстную, хотя и слабую, тенденцію къ развитію крупнаго производства. Тамъ же, гдѣ господствуетъ крупное производство, преобладаетъ тенденція къ уменьшенію *площади хозяйства.* Это отнюдь не равносильно съ уменьшеніемъ размѣровъ производства. Мы видимъ, что въ земляхъ къ востоку отъ Эльбы проявляются въ настоящее время двѣ тенденціи: одна къ интенсификаціи производства, т. е. къ усиленію его капиталистическаго характера. Но для интенсивнаго хозяйства многія восточно-эльбскія имѣнія слишкомъ велики; кромѣ того, у ихъ владѣльцевъ недостаетъ капитала. И вотъ, для пріобрѣтенія необходимой суммы денегъ и для приспособленія площади имѣнія къ новому типу хозяйства тѣ части имѣній, которыя лежатъ слишкомъ далеко отъ ихъ центра, продаются мелкимъ землевладѣльцамъ.

Но то самое развитіе средствъ и путей сообщенія, которое несетъ съ собой для восточно-эльбскаго сельскаго хозяйства конкурренцію болѣе развитаго хозяйства, принуждая его переходить къ интенсификаціи производства,—отнимаетъ у него необходимое условіе такого перехода, т. е. рабочихъ. Отсюда—попытки привязать рабочихъ къ землѣ посредствомъ надѣленія ихъ землей за извѣстныя повинности и тому подобныхъ мѣръ. Отсюда—банкротство крупнаго производства тамъ, гдѣ эти мѣры не удаются. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы видимъ опять таки раздробленіе (парцеллированіе) крупнаго землевладѣнія. Слѣдовательно, именно развитіе въ направленіи къ современному капиталистическому производству вызываетъ въ земляхъ къ востоку отъ Эльбы увеличеніе числа мелкихъ хозяйствъ и сокращаетъ площадь крупныхъ хозяйствъ.

Ничто не указываетъ на то, что мы идемъ къ гибели крупнаго производства, но ничто не указываетъ также и на то, что мы идемъ къ поглощенію мелкихъ хозяйствъ крупными. Ни одна категорія хозяйствъ по ихъ величинѣ не обнаруживаетъ повсемѣстнаго и рѣшительнаго возрастанія. Шагъ назадъ въ одномъ мѣстѣ парализуется шагомъ впередъ въ другомъ мѣстѣ.

Если разсматривать только статистику площадей хозяйствъ, то дѣло получаетъ такой видъ, будто сельское хозяйство вовсе не развивается, будто оно находится въ застоѣ. Въ дѣйствительности и оно развивается, и развитіе его идетъ именно въ направленіи все большей зависимости отъ промышленности.

Идеалъ самостоятельнаго мелкаго производства — хозяйство крестьянской семьи, производящей почти все необходимое для нея безъ помощи наемнаго труда, — канулъ въ вѣчность. Еще въ началѣ прошлаго столѣтія такая форма хозяйства преобладала въ Европѣ, въ настоящее же время она почти совершенно исчезла.

Мѣсто крестьянина, который соединялъ въ своемъ лицѣ и сельскаго хозяина, и ремесленника, занялъ крестьянинъ, который является только сельскимъ хозяиномъ, и въ самомъ сельскомъ хозяйствѣ мы наблюдаемъ все большую и большую спеціализацію тѣхъ товаровъ, которые производитъ для рынка каждое отдѣльное хозяйство. Крестьянинъ становится все болѣе и болѣе зависимымъ отъ рынка, т. е. отъ общества; его трудъ все болѣе и болѣе превращается въ частичку крупнаго общественнаго процесса труда, каковымъ является товарное производство, — процесса, въ которомъ господствуетъ промышленность.

Мѣсто крестьянина, который работаетъ только силами своей семьи и только для удовлетворенія своихъ потребностей, занялъ, съ одной стороны, крестьянинъ, работающій съ нанятыми рабочими, а съ другой стороны, карликовый крестьянинъ, у котораго земледѣліе является лишь придаткомъ къ домашнему хозяйству, который извлекаетъ денежный доходъ изъ продажи своей рабочей силы, превращаясь въ наемнаго рабочаго сельскохозяйственной или лѣсной промышленности, въ отхожаго рабочаго, въ кустаря или, наконецъ, въ рабочаго тѣхъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій, которыя возникаютъ по селамъ все въ большемъ и большемъ количествѣ. Такимъ образомъ, и карликовые крестьяне, и крупные крестьяне становятся все въ большую и большую зависимость отъ промышленности. Для иллюстраціи этого мы приводимъ таблицу, которая даетъ среднія цифры для всей Германской имперіи для болѣе крупныхъ союзныхъ государствъ и для нѣкоторыхъ округовъ. Начнемъ съ первыхъ. Процентное распредѣленіе владѣльцевъ сельскохозяйственныхъ предпріятій по ихъ главнымъ промысламъ было таково:

	Самостоят. сельское хозяйство.	Наемная работа.			
		Въ сельскомъ хозяйствѣ.	Въ промышленномъ.	Остальные.	Всего.
Германская имперія. .	44.96	12.90	14.23	3.96	31.09
Пруссія	40.62	16.39	15.82	4.19	36.40

	Самостоят. сельское хозяйство.	Наемная работа.			
		Въ сельскомъ хозяйствѣ.	Въ промышленномъ.	Остальные.	Всего.
Баварія	64.79	5.18	6.02	2.20	13.41
Саксонія	38.51	4.63	19.34	4.56	28.03
Вюртембергъ	59.53	3.53	7.80	2.32	13.65
Баденъ.	59.80	3.69	10.38	3.21	17.28
Гессенъ	44.89	8.79	13.34	4.21	26.34
Эльзасъ и Лотарингія .	52.35	6.51	14.59	3.46	24.56
Въ отдѣльныхъ округахъ:					
Округъ Магдебургъ . .	25.85	22.88	20.73	5.30	48.91
„ Мерзебургъ . .	29.13	17.73	24.79	4.07	46.59
„ Эрфуртъ. . .	32.87	11.59	17.32	4.30	32.21
„ Гильдесгеймъ .	26.08	14.38	22.41	7.65	44.44
„ Мюнстеръ . .	44.40	5.67	20.51	3.70	29.88
„ Арнсбергъ . .	16.19	3.89	45.43	6.15	55.47
„ Дюссельдорфъ .	21.11	5.74	31.95	5.14	42.83

Кромѣ Пруссіи, больше всего промышленныхъ рабочихъ, владѣющихъ сельскохозяйственными предпріятіями, мы встрѣчаемъ въ *Баваріи* — въ Пфальцѣ (14.11% всѣхъ владѣльцевъ предпріятій при 47.58% самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ и 6.06% сельскихъ рабочихъ), въ *Саксоніи*—округъ Дрезденъ (Kreishauptmannschaft—22.15% всѣхъ сельскохозяйственныхъ предпріятій находятся во владѣніи промышленныхъ рабочихъ при 34.51% самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ и 9.16% сельскихъ рабочихъ), въ *Вюртембергѣ* въ округѣ Неккаръ (8.75% при 58.73% и 3.14%), въ *Баденѣ* въ округѣ Карлсруэ (14.28% при 60.43% и 2.15%), въ *Гессенѣ* въ провинціи Штаркенбуръ 19.20% при 37.60% и 8.41%). Преобладаніе промышленныхъ рабочихъ, какъ владѣльцевъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій, надъ самостоятельными сельскими хозяевами наблюдается въ слѣдующихъ болѣе мелкихъ государствахъ:

	Самостоятел. сельскіе хозяева.	Промышленные рабочіе.
Брауншвейгъ	21.77%	25.82%
Ангальтъ.	20.07 „	28.06 „
Рейсъ, ст. л.	29.34 „	31.18 „
Шаумбургъ-Липпе	23.54 „	30.08 „
Липпе.	31.96 „	36.36 „

Изъ этого видно, какъ ошибочно причислять каждаго владѣльца сельско-хозяйственнаго предпріятія къ крестьянамъ. Крестьяне не только составляютъ меньшинство сельскохозяйственнаго населенія, — въ которомъ участвующія въ производствѣ лица распадаются на самостоятельныхъ—31% и наемныхъ рабочихъ—69%,—но, сверхъ того, они не составляютъ даже и большинства среди владѣльцевъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій во всей имперіи (самостоятельные сельскіе хозяева изъ числа этихъ владѣльцевъ составляютъ только 45%). Въ промышленныхъ областяхъ число крестьянъ даже меньше, чѣмъ число промышленныхъ рабочихъ, владѣющихъ сельско-хозяйственными предпріятіями.

Въ 1895 году изъ 5.558.317 сельско-хозяйственныхъ предпріятій только 2.492.130 принадлежали самостоятельнымъ хозяевамъ. Число самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ, занимающихся побочными промыслами, составляло 504.164. Слѣдовательно, это колоссальное преувеличеніе, когда Бернштейнъ говоритъ, что если обобществить всѣ хозяйства съ площадью болѣе, чѣмъ въ 20 гектаровъ, то останется „*свыше пяти милліоновъ*“ предпріятій „частно-хозяйственнаго характера“. Около *трехъ милліоновъ* сельско-хозяйственныхъ предпріятій представляютъ собою простые придатки домашняго хозяйства; они не играютъ значительной или даже никакой роли въ товарномъ производствѣ, а слѣдовательно, и въ частно-хозяйственномъ производствѣ. Соціализмъ означаетъ организацію *общественнаго* труда, т. е. товарнаго производства. Организація работъ, входящихъ въ кругъ частнаго домашняго хозяйства, не составляетъ одной изъ его ближайшихъ проблемъ. Ни „предпріятія“ торговокъ овощами, парихмахеровъ и продавцевъ каштановъ, ни огороды или картофельныя гряды промышленныхъ и сельскихъ рабочихъ не вызовутъ крушенія соціализма.

Но развѣ не остается все-же свыше 2-хъ милліоновъ хозяйствъ, которые можно назвать крестьянскими? Да,—но и они становятся все въ большую и большую зависимость отъ крупнаго производства, хотя происходитъ это иначе, чѣмъ съ карликовыми крестьянами.

Одно изъ наиболѣе бросающихся въ глаза явленій современнаго экономическаго развитія это — паденіе земельной ренты, а часто и сельско-хозяйственной прибыли, паденіе прибыльности сельскаго хозяйства. Тѣмъ болѣе необходимымъ становится для сельско-хозяйственнаго предпринимателя пополнять дефицитъ въ своемъ производствѣ посредствомъ болѣе прибыльнаго промысла;—такой промыселъ онъ находитъ въ *промышленности,* въ сельско-хозяйственной

промышленности, для которой его сельское хозяйство даетъ сырой матеріалъ.

Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и дальнѣйшій факторъ: возрастающій недостатокъ въ людяхъ. Сельское хозяйство устрачиваетъ возможность привязывать рабочихъ къ землѣ, а промышленность привлекаетъ ихъ болѣе культурнымъ уровнемъ жизни. Только развитіе въ извѣстномъ мѣстѣ какой либо промышленности можетъ удерживать наемныхъ рабочихъ въ деревнѣ.

Поэтому соединеніе сельскаго хозяйства съ промышленностью становится для него все болѣе и болѣе жизненнымъ вопросомъ. Крупное землевладѣніе вступило уже на этотъ путь, а теперь и болѣе мелкіе хозяева стремятся, посредствомъ товариществъ, принять участіе въ новой выгодной формѣ хозяйства.

При такомъ соединеніи промышленность, какъ болѣе современный способъ производства, оказывается болѣе сильнымъ факторомъ; сельское хозяйство становится все болѣе и болѣе зависимымъ отъ него, а такъ какъ въ сельско-хозяйственной промышленности господствуетъ та же тенденція къ концентраціи, что и во всѣхъ другихъ отрасляхъ промышленности, то и сельское хозяйство попадаетъ, такимъ образомъ, въ кругъ дѣйствія той же самой тенденціи.

Правда, изъ статистики площадей хозяйствъ этого нельзя усмотрѣть. Не различая капиталистически эксплуатируемаго домашняго рабочаго отъ самостоятельнаго ремесленника, работающаго на потребителя статистика не даетъ возможности опредѣлить, является ли крестьянское хозяйство вполнѣ самостоятельнымъ, или оно представляетъ собою лишь частичку крупнаго общественнаго хозяйства. Но тѣмъ не менѣе тенденція къ усиленію зависимости сельско-хозяйственныхъ предпріятій отъ промышленныхъ такъ сильна и такъ очевидна, что она даже не требуетъ доказательствъ.

Если по выдѣленіи несамостоятельныхъ сельскихъ хозяйствъ число сельско-хозяйственныхъ предпріятій, которыя остались бы „частно-хозяйственными въ соціалистическомъ обществѣ“, сокращается съ 5 до 2-хъ милліоновъ, то и это послѣднее число значительно сократилось бы, если-бы выдѣлить всѣ тѣ хозяйства, которыя зависятъ отъ какого-либо промышленнаго предпріятія. Обобществленіе 500 сахарныхъ заводовъ поставитъ въ полнѣйшую экономическую зависимость отъ государственнаго хозяйства всѣ тѣ 113.294 хозяйства, которыя воздѣлываютъ свекловицу. Въ кооперативныхъ и сборныхъ молочныхъ участвуютъ 148.082 хозяйства. Какая масса производителей молока, овощей, плодовъ и пр. являются въ настоящее время лишь домашними работни-

ками крупныхъ консервныхъ фабрикъ и т. п.! А сверхъ того, надо принять во вниманіе и тѣ сельско-хозяйственныя предпріятія, которыя не состоятъ въ прямой экономической зависимости отъ какого-либо опредѣленнаго *промышленнаго предпріятія,* но все существованіе которыхъ зависитъ отъ опредѣленной *отрасли промышленности.* Лишь только эти отрасли созрѣютъ для обобществленія,—то и всѣ зависящія отъ нихъ предпріятія вынуждены будутъ, если не юридически, то фактически послѣдовать за ними. Въ странахъ табачной монополіи крупными предпріятіями являются только табачныя фабрики, мелкіе же табаководы не представляютъ уже собою „полныхъ хозяевъ въ своемъ домѣ", а всецѣло подчиняются государственнымъ чиновникамъ— и въ воздѣлываніи табаку, и въ дальнѣйшемъ употребленіи своего продукта. Въ Германіи табачная монополія отняла бы „частнохозяйственный" характеръ у хозяйствъ 150.000 табаководовъ въ очень важныхъ отношеніяхъ.

Ко всему этому присоединяется еще одинъ моментъ. Капиталистическій способъ производства имѣетъ тенденцію отдѣлять поземельную собственность отъ сельско-хозяйственнаго производства, такъ что землевладѣлецъ и сельскій хозяинъ становятся двумя разными лицами. Это совершенно ясно при арендной системѣ, но и при системѣ ипотекъ дѣло фактически сводится къ тому же. Функціи ипотечнаго кредитора (кредитора по закладнымъ) соотвѣтствуютъ функціямъ землевладѣльца при арендной системѣ; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ эти функціи очень просты: полученіе поземельной ренты безъ всякаго вмѣшательства въ процессъ производства. Чѣмъ больше развита арендная система, чѣмъ больше распространена ипотечная задолженность, тѣмъ больше число тѣхъ сельскихъ хозяевъ, которые уже не заинтересованы въ частной собственности на землю, а заинтересованы, по меньшей мѣрѣ, въ установленіи такого государственнаго строя, при которомъ на ихъ желанія обращалось бы вниманіе,—въ обобществленіи землевладѣнія или ипотечныхъ долговъ, что, конечно, не означаетъ еще соціализма въ сельскомъ хозяйствѣ, но при демократическомъ государственномъ строѣ означаетъ уже значительный шагъ въ направленіи къ соціализму.

Поэтому очень большого вниманія заслуживаетъ тотъ фактъ, что арендная система все распространяется. Въ 1895 г. въ Германской имперіи считалось сельско-хозяйственныхъ предпріятій:

	Исключительно на арендованной землѣ.	Цѣликомъ или частью на арендованной землѣ.	Исключительно на своей землѣ.
1882 г.	829.137	2.322.899	2.953.445
1895 г.	912.959	2.607.210	2.951.107
Увеличеніе или уменьшеніе	+83.822	+284.311	—2.338.

На каждые 100 предпріятій этихъ категорій приходилось:

1882 г.	15.7	44.02	55.98
1895 г.	16.4	46.91	53.09
Увеличеніе или уменьшеніе	+0.7	+2.89	—2.89.

Извѣстно, что гипотечная задолженность имѣній возрастаетъ. Во избѣжаніе недоразумѣній замѣтимъ, что задолженность не непремѣнно означаетъ паденіе сельскаго хозяйства. Она можетъ являться результатомъ прогресса въ сельскомъ хозяйствѣ, подобно тому, какъ увеличеніе арендной платы можетъ быть результатомъ роста земельной ренты. Но ростъ гипотечныхъ долговъ доказываетъ во всякомъ случаѣ, что совершается процессъ отдѣленія сельскаго хозяйства отъ владѣнія землей, процессъ обособленія земельной ренты, и что сельскій хозяинъ становится менѣе заинтересованнымъ въ существованіи частной собственности на землю. Если въ Пруссіи за 10 лѣтъ (съ 1886 по 1895 г.) земельные участки оказались обремеными еще новыми $1^1/_2$ милліардами марокъ, то это означаетъ, что именно за этотъ періодъ времени земельная собственность на такую же сумму фактически перешла изъ рукъ сельскихъ хозяевъ въ руки владѣльцевъ гипотекъ.

Но одновременно съ этимъ происходитъ—гораздо быстрѣе, чѣмъ концентрація земли въ рукахъ отдѣльныхъ хозяевъ,—концентрація гипотечныхъ долговъ въ рукахъ банковъ, сберегательныхъ кассъ и т. п.

Этотъ процессъ концентраціи стоитъ внѣ сомнѣній. Указывали на то, что гипотечные банки являются не дѣйствительными кредиторами сельскихъ хозяевъ, а лишь посредниками между ними и отдѣльными капиталистами, покупающими закладныя. Это различіе имѣетъ большое значеніе для капиталистовъ, но не для сельскихъ хозяевъ. Имъ приходится имѣть дѣло съ банкомъ, а не съ владѣльцами закладныхъ. Банкъ отнимаетъ у нихъ прибавочную стоимость, онъ продаетъ съ аукціона ихъ имѣнія, если они не могутъ уплачивать проценты. Вмѣсто сложныхъ и безконечно разнообразныхъ личныхъ отношеній сотенъ тысячъ крестьянъ къ сотнямъ тысячъ сельскихъ кулаковъ, передъ нами одно-

родныя отношенія этихъ крестьянъ къ немногимъ бюрократическимъ центральнымъ учрежденіямъ, уже и теперь находящимся подъ вліяніемъ и контролемъ государства. Націонализація этихъ учрежденій съ технической стороны была бы дѣломъ легкимъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что процессъ концентраціи капитала совершается и въ деревнѣ. Правда, ожиданіе, высказанное нѣкогда Марксомъ при учрежденіи „Интернаціонала", не оправдалось; упрощеніе аграрнаго вопроса—путемъ концентраціи всего пространства земли въ немногихъ рукахъ—не осуществилось. Но концентрація капитала вовлекаетъ и сельское хозяйство въ общественный процессъ производства—путемъ превращенія мелкихъ крестьянъ въ наемныхъ рабочихъ, путемъ сліянія сельскаго хозяйства и промышленности, путемъ роста арендной системы и ипотечныхъ долговъ, которые все больше и больше централизуются въ крупныхъ общественныхъ учрежденіяхъ.

Въ сельскомъ хозяйствѣ, вѣроятно, никогда не будетъ той *простоты* и ясности отношеній, какія существуютъ въ промышленности. Здѣсь переплетаются безчисленныя тенденціи и вліяютъ другъ на друга въ противоположныхъ направленіяхъ, классовыя отношенія носятъ двойственный характеръ, особенно тамъ, гдѣ арендная система мало развита, гдѣ масса предпринимателей, а зачастую и наемныхъ рабочихъ, еще имѣетъ земельную собственность. Смѣна временъ года не рѣдко несетъ съ собою измѣненіе классовыхъ отношеній. Одинъ и тотъ же поселянинъ въ теченіе одного мѣсяца можетъ быть предпринимателемъ, а въ теченіе другого—наемнымъ рабочимъ; если принять еще во вниманіе мѣстную обособленность деревенскихъ жителей и сопутствующее ей разнообразіе мѣстныхъ отношеній, то станетъ понятнымъ, какъ трудно сельскому пролетаріату достичь отчетливаго классового самосознанія.

Несомнѣнно, что концентрація капитала не останавливается передъ земледѣліемъ, и что эта концентрація, хотя и косвеннымъ путемъ, все же дѣйствуетъ на сельское хозяйство въ томъ же направленіи, какъ и на промышленность.

Если ожиданія, какія возлагалъ Марксъ на концентрацію земельной собственности, и не оправдались вполнѣ, за то блестяще оправдались тѣ его ожиданія, какія онъ высказалъ относительно процесса современнаго производства въ его цѣломъ. „Магнаты капитала, узурпирующіе и монополизирующіе всѣ выгоды капиталистическаго процесса превращенія", успѣли стать дѣйствительностью за короткій промежутокъ времени, прошедшій съ тѣхъ поръ, какъ Марксъ высказалъ это положеніе, и все болѣе и болѣе становятся

дѣйствительностью, благодаря завершенію концентраціи капитала въ формѣ *картелей* и *трёстовъ*.

Это—совершенно новыя явленія. Попытки монополизировать торговлю и устранить изъ нея конкурентовъ, скупка товаровъ—существовали уже на раннихъ ступеняхъ товарной торговли. Въ періодъ реформаціи жалобы на это раздаются повсюду. Но устраненія конкуренціи изъ *производства,* монополизація цѣлыхъ отраслей промышленности путемъ организаціи всѣхъ предпріятій въ одно цѣлое и притомъ не въ какомъ-нибудь маленькомъ городишкѣ, а въ большомъ государствѣ, даже во всемъ мірѣ, монополизація отраслей промышленности, производящихъ не какіе-либо рѣдкіе предметы роскоши, а продукты повседневнаго потребленія широкихъ народныхъ массъ, — такая монополизація представляетъ собою явленіе, получившее экономическое значеніе лишь послѣ смерти Маркса (1883); но съ тѣхъ поръ оно такъ быстро развивается, что получаетъ все большее значеніе во всей экономической, а также и политической жизни капиталистическихъ націй.

Намъ придется еще говорить о картеляхъ и трёстахъ по поводу теоріи кризисовъ. Поэтому здѣсь достаточно лишь указать на нихъ.

Крупные финансисты еще со времени своего появленія держали правительства въ зависимости отъ себя, благодаря государственнымъ долгамъ. Современные же финансовые короли при помощи картелей и трёстовъ властвуютъ надъ націями непосредственно; они подчиняютъ себѣ все производство. Въ особенности союзы угле- и желѣзопромышленниковъ пріобрѣтаютъ все большее вліяніе на внѣшнюю и внутреннюю политику и на все производство, такъ какъ уголь и желѣзо—основныя условія всякой промышленности.

Борьба противъ картелей въ одной отрасли промышленности вызываетъ образованіе новыхъ картелей въ другихъ отрасляхъ, зависящихъ отъ первой. Иногда эта борьба ведетъ къ сліянію различнаго рода предпріятій въ одно гигантское предпріятіе. Такъ, напримѣръ, въ настоящее время въ Германіи идетъ борьба между угольнымъ синдикатомъ, который поднимаетъ цѣны, и желѣзопромышленниками, которые не желаютъ допустить такого поднятія цѣнъ. Въ то время, какъ я пишу эти строки, крупные желѣзо- и сталедѣлательные заводы пытаются освободиться отъ господства угольныхъ картелей путемъ устройства собственныхъ рудниковъ. Но и картели желѣзопромышленниковъ поступаютъ точно такъ же, какъ и угольный синдикатъ, и все выше поднимаютъ цѣны на свои продукты. Въ Австріи картель желѣзопромышленниковъ вызываетъ угнетенное состояніе

всѣхъ тѣхъ промышленностей, которыя потребляютъ желѣзо въ значительномъ количествѣ. Въ концѣ концовъ, дѣло, можетъ быть, дойдетъ до объединенія потребителей желѣза, которые сообща заведутъ свои рудники и сами станутъ производить желѣзо. Извѣстно, что гигантскія предпріятія, въ родѣ желѣзныхъ дорогъ, давно уже имѣютъ свои рудники и мастерскія локомотивовъ.

Объединеніе посредствомъ картелей или трёстовъ различныхъ однородныхъ предпріятій, съ одной стороны, и сосредоточеніе различныхъ предпріятій всякаго рода въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, съ другой,—представляютъ собою наиболѣе характерныя явленія нашей современной экономической жизни. Подобнаго рода сосредоточеніе совершается все быстрѣе и чаще, и въ періоды экономическаго процвѣтанія чуть не каждый день приноситъ съ собой новый картель. Сельское хозяйство не отстаетъ отъ другихъ производствъ; за картелемъ спиртопромышленниковъ слѣдуетъ картель сахарозаводчиковъ, поговариваютъ также о картелѣ, который собираются устроить крупные маслодѣлы.

Все это развитіе, едва насчитывающее два десятилѣтія, стало возможнымъ лишь благодаря концентраціи капитала, которой оно, въ свою очередь, даетъ дальнѣйшій толчекъ. Картели и трёсты доказываютъ какъ нельзя лучше, что теорія концентраціи Маркса вполнѣ вѣрна, что она не односторонняя, что она даетъ вполнѣ вѣрную картину капиталистической дѣйствительности. А Бернштейнъ, который въ своей критикѣ теоріи концентраціи не оставляетъ безъ вниманія ни жалкаго надѣла батрака, ни какой-нибудь бѣлошвейки, совершенно умалчиваетъ о союзахъ предпринимателей,—этомъ наиболѣе важномъ явленіи, которое, на-ряду съ аграрнымъ кризисомъ, создала экономическая жизнь со времени смерти Маркса, и изученіе котораго необходимо для всякаго, кто ставитъ себѣ задачей дальнѣйшее развитіе ученія Маркса.

Тамъ, гдѣ картели говорятъ *за* Маркса, Бернштейнъ о нихъ умалчиваетъ. Онъ вспоминаетъ о нихъ лишь тамъ, гдѣ онѣ, по его мнѣнію, говорятъ *противъ* Маркса, именно при обсужденіи теоріи кризисовъ.

Увеличеніе числа имущихъ.

Бернштейнъ не далъ ничего такого, что могло бы заставить насъ отступить отъ теоріи Маркса о возрастающей концентраціи капитала. Переписи промысловыхъ занятій и развитіе картелей и трёстовъ подтверждаютъ ее самымъ блестящимъ образомъ, а развитіе сельскаго хозяйства нисколько не противорѣчитъ ей.

Но развивающаяся концентрація капитала означаетъ уменьшеніе (по-крайней мѣрѣ, относительное) числа болѣе мелкихъ предпріятій, увеличеніе числа крупныхъ предпріятій, слѣдовательно, и увеличеніе числа наемныхъ рабочихъ, а также — пока развитіе не достигло извѣстной стадіи — и числа капиталистовъ, но еще болѣе сильное уменьшеніе числа мелкихъ предпринимателей, слѣдовательно, увеличеніе числа неимущихъ, уменьшеніе числа имущихъ.

Это положеніе Бернштейнъ объявляетъ невѣрнымъ. Въ своемъ заявленіи Штуттгартскому съѣзду партіи онъ писалъ:

„Обостреніе общественныхъ отношеній не произошло въ такой степени, какъ предполагалъ „Манифестъ“. *Замалчивать это не только безполезно, но и въ высшей степени нельпо.* Число имущихъ не только не уменьшилось, но еще возросло. Громадное увеличеніе общественнаго богатства сопровождается не уменьшеніемъ числа магнатовъ капитала, а возрастаніемъ числа капиталистовъ всѣхъ степеней. Средніе слои мѣняютъ свой характеръ, но не исчезаютъ изъ общественной лѣстницы“.

Это утвержденіе онъ повторяетъ въ своемъ полемическомъ сочиненіи съ особенной рѣзкостью:

„Такимъ образомъ, безусловно ошибочно полагать, будто современное развитіе ведетъ къ относительному или даже абсолютному уменьшенію числа имущихъ. Не „болѣе или менѣе“, а безусловно *болѣе,* т. е. число имущихъ возрастаетъ *и абсолютно, и относительно.* Если бы дѣятельность и будущее соціалъ-демократіи зависѣли отъ того, что уменьшается число имущихъ, то она дѣйствительно могла бы „лечь спать“. Но дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ. *Не отъ уменьшенія, а отъ увеличенія общественнаго богатства зависятъ шансы* соціализма. Соціализмъ пережилъ уже много предразсудковъ, онъ переживетъ и тотъ предразсудокъ, будто его бу-

дущее зависитъ отъ концентраціи собственности или, если угодно, отъ пожиранія прибавочной стоимости постоянно уменьшающейся группой капиталистическихъ мамонтовъ" (стр. 50—51).

А на стр. 178 стоитъ:

„Что число имущихъ увеличивается, а не уменьшается,— это не выдумка буржуазныхъ апологетовъ, а фактъ, установленный податными учрежденіями часто къ немалой досадѣ заинтересованныхъ лицъ, фактъ, *въ правильности котораго невозможны никакія сомнѣнія*. Но какое значеніе имѣетъ этотъ фактъ для побѣды соціализма? Почему должна зависѣть отъ этого факта или отъ его опроверженія будущность соціализма? Да просто потому, что это, повидимому, предписываетъ діалектическая схема".

Съ перваго взгляда, это утвержденіе по ясности не оставляетъ желать ничего лучшаго. Но какъ только начнешь его провѣрять, сейчасъ же наталкиваешься на неясность. Бернштейнъ говоритъ объ имущихъ. Кто же эти имущіе? Въ своемъ „Капиталѣ" Марксъ не даетъ какой либо теоріи увеличенія или уменьшенія числа „имущихъ". Имущіе вообще не составляютъ никакого особаго класса. Если всякій, кто что-либо имѣетъ, есть „имущій", то и наемные рабочіе тоже имущіе. Они имѣютъ платье и бѣлье, въ большинствѣ случаевъ мебель, иногда домикъ и огородъ.

Ни въ „Капиталѣ", ни въ „Манифестѣ" мы не найдемъ утвержденія, что число имущихъ падаетъ. За то тамъ отмѣчается ростъ числа „современныхъ рабочихъ, живущихъ лишь до тѣхъ поръ, пока они находятъ работу, и находящихъ работу лишь до тѣхъ поръ, пока ихъ работа увеличиваетъ капиталъ".

Полемика съ Бернштейномъ не разъяснила намъ обстоятельнѣе того, что онъ понимаетъ подъ „имущими". Я обратилъ его вниманіе на данныя переписи занятій. По этимъ даннымъ, въ Германской имперіи число самостоятельныхъ хозяевъ въ сельскомъ хозяйствѣ, промышленности и торговлѣ понизилось съ 32 до 29 процентовъ всѣхъ участвующихъ въ производствѣ лицъ; число же наемныхъ рабочихъ и служащихъ, наоборотъ, повысилось съ 68 проц. до 71 проц. Не очевидно ли, что это означаетъ увеличеніе численности наемныхъ рабочихъ?

Бернштейнъ отвѣтилъ на это:

„Что въ передовыхъ странахъ число наемныхъ рабочихъ возрастаетъ въ настоящее время быстрѣе, чѣмъ все населеніе,—это вѣрно. Но я никогда и не думалъ отрицать это.

„Каутскій придатъ моимъ словамъ такой смыслъ, какого они вовсе не имѣютъ".

Конечно, это съ моей стороны очень дурная привычка, но я боюсь, что мнѣ не такъ-то легко будетъ отдѣлаться отъ нея, пока Бернштейнъ будетъ оставлять насъ по прежнему въ недоумѣніи по вопросу о настоящемъ значеніи его терминовъ.

Въ своемъ Штуттгартскомъ заявленіи онъ говоритъ то объ „имущихъ“, то о „капиталистахъ“. Въ газетѣ „Vorwärts“ (21 Апрѣля) онъ заявляетъ, что слово „имущій“ онъ употребляетъ всегда въ такомъ смыслѣ: люди, „получающіе, благодаря ихъ собственности, болѣе высокій доходъ“. Если такъ, значитъ, это—капиталисты и крупные землевладѣльцы. Что число послѣднихъ увеличивается, этого не утверждаетъ и Бернштейнъ. А что число *капиталистовъ* увеличивается, этого не отрицали и Марксъ съ Энгельсомъ. Напротивъ, увеличеніе ихъ числа есть такой результатъ расширенія капиталистическаго способа производства, который разумѣется самъ собой. Число промышленныхъ крупныхъ предпріятій (съ числомъ занятыхъ лицъ свыше 50) возросло въ Германской имперіи съ 1882 по 1895 годъ съ 9.974 до 18.995, т. е. на 90 проц. Если капиталистическое населеніе возросло въ такихъ же размѣрахъ—съ точностью этого нельзя, конечно, опредѣлить,—то оно почти *удвоилось* въ 13 лѣтъ.

Если бы Бернштейнъ утверждалъ только то,—что число капиталистовъ, число лицъ, которыя „благодаря ихъ собственности, получаютъ *болѣе высокій доходъ*“, возрастаетъ,—онъ былъ бы совершенно правъ. Но одновременно съ этимъ сильно возрасло также и наемное рабочее населеніе, возросло сильнѣе, чѣмъ все населеніе вообще. Уже изъ одного этого можно заключить (дальше мы увидимъ еще болѣе ясное подтвержденіе), что увеличеніе числа капиталистовъ должно совершаться не на счетъ наемныхъ рабочихъ, а на счетъ остальныхъ слоевъ населенія, т. е. на счетъ мелкой буржуазіи и крестьянъ.

Ничего другого „Манифестъ“ и не утверждаетъ. Но это и есть, вѣдь, то самое обостреніе общественныхъ отношеній, которое отрицаетъ Бернштейнъ. Слѣдовательно, онъ не могъ подразумѣвать подъ „имущими“ просто капиталистовъ.

Вѣдь и самъ Бернштейнъ говоритъ на стр. 50 своей книги:

„Разумѣется, не всѣ получающіе болѣе высокій доходъ, являются „имущими“, но что въ большинствѣ случаевъ именно такъ и бываетъ, это видно изъ того, что за 1895/6 годъ въ Пруссіи къ уплатѣ дополнительнаго налога было привлечено 1.152.332 плательщика съ подлежащимъ обложенію имуществомъ свыше 6.000 марокъ. Больше половины этого числа, именно 598.063, платили налогъ съ чистаго имуще-

ства свыше 20.000 марокъ, 385.000 съ имущества свыше 32.000 марокъ".

Въ „Vorwärts" Бернштейнъ указываетъ, какъ мы упоминали уже выше, на то, что въ своей книгѣ подъ имущими онъ „всегда" подразумѣваетъ людей, которые „благодаря ихъ собственности, получаютъ *болѣе высокій* доходъ". Но никто, вѣдь, не станетъ утверждать, что, „благодаря" собственности въ 6.000 марокъ, даже въ 32.000 марокъ получается „болѣе высокій" доходъ. Тутъ подъ „имущими" Бернштейнъ подразумѣваетъ не людей, получающихъ, благодаря ихъ собственности, болѣе высокій доходъ: онъ подразумѣваетъ тутъ наряду съ капиталистами и средніе слои, мелкую буржуазію. Соотвѣтственно этому онъ говоритъ на стр. 52:

„Если бы рабочій классъ захотѣлъ ждать до тѣхъ поръ, пока „капиталъ" не сотретъ съ лица земли средніе классы, то онъ бы дѣйствительно могъ бы заснуть на долго. Капиталъ экспропріировалъ бы эти классы въ одной формѣ и постоянно снова создавалъ бы ихъ въ другой формѣ".

И на стр. 65:

„Скала доходовъ и скала предпріятій обнаруживаютъ въ своемъ групповомъ составѣ довольно отчетливый параллелизмъ, особенно по отношенію къ *среднимъ членамъ. Мы видимъ, что эти послѣдніе нигдѣ не уменьшаются, а напротивъ, почти повсюду значительно увеличиваются.* То, что отнимается у нихъ сверху, покрывается притокомъ къ нимъ снизу, а то, что отпадаетъ изъ ихъ рядовъ въ нижніе ряды, возмѣщается имъ сверху"...

Г-нъ Оппенгеймъ пытается въ „ Sozialistische Monatshefteп" придти на помощь Бернштейну и заявляетъ, что надо рѣзко разграничивать область производства и область распредѣленія. Число несамостоятельныхъ наемныхъ рабочихъ возрастетъ, но они все болѣе и болѣе перестаютъ быть совершенно неимущими. Въ этомъ то смыслѣ, дескать, и надо понимать положеніе Берштейна объ увеличеніи числа имущихъ. „Полный параллелизмъ развитія обѣихъ областей сталъ *догмой*; и вотъ, когда Бернштейнъ на основаніи колоссальнаго цифрового матеріала отрицаетъ этотъ параллелизмъ —это отрицаніе составляетъ краеугольный камень его теоретическихъ разсужденій въ области политической экономіи,--его хотятъ опровергнуть ссылкой на ту же оспариваемую имъ догму".

Это уже третье толкованіе положенія объ увеличеніи числа имущихъ. Самъ Бернштейнъ мѣстами отожествляетъ имущихъ съ капиталистами; другія мѣста его сочиненія указываютъ на то, что онъ подразумѣваетъ подъ ними сред-

ніе слои; наконецъ, Оппенгеймъ утверждаетъ, что тутъ подразумѣвается ростъ *благосостоянія наемныхъ рабочихъ*. Во всякомъ случаѣ, довольно оригинально называть повышеніе заработной платы увеличеніемъ числа имущихъ. Бернштейнъ также говоритъ въ одномъ мѣстѣ опредѣленно, что не всѣ получатели *болѣе высокаго* дохода—имущіе, но мы не можемъ сказать, чтобы другія мѣста книги Бернштайна исключали толкованіе его словъ въ смыслѣ Оппенгейма.

Мы не рѣшаемся высказаться опредѣленно ни за то, ни за другое толкованіе, такъ какъ мы увѣрены, что за какое бы толкованіе мы ни высказались, Берштейнъ все равно будетъ упрекать насъ въ грубомъ непониманіи и искаженіи его взглядовъ. Намъ кажется именно, что подъ увеличеніемъ числа имущихъ Бернштейнъ понимаетъ въ разныхъ мѣстахъ книги различныя вещи. Это обстоятельство дѣлаетъ критику его положеній и нелегкимъ, и непріятнымъ дѣломъ. Но тѣмъ не менѣе, мы должны заняться этой критикой. Оппенгеймъ вполнѣ правильно настаиваетъ на томъ, что это положеніе,—какой бы смыслъ оно ни имѣло,—„составляетъ краеугольный камень его теоретическихъ разсужденій въ области политической экономіи“. Именно этимъ положеніемъ, несмотря на его неясность, всего болѣе пользуются противъ насъ наши противники, и мы поэтому должны выяснитъ свое отношеніе къ этому вопросу.

По мнѣнію Оппенгейма, это положеніе Бернштейна установлено имъ „на основаніи *колоссальнаго цифрового матеріала*“; слѣдовательно, этимъ матеріаломъ мы и должны заняться для критики разсматриваемаго положенія.

Истинное счастье, что Бернштейнъ сумѣлъ помѣстить этотъ „колоссальный матеріалъ“ меньше, чѣмъ на двухъ печатныхъ страницахъ. Прежде всего мы видимъ тутъ вышеприведенныя данныя о прусскомъ дополнительномъ налогѣ за 1895—6 годъ. Бернштейнъ самъ говоритъ, что это — *единственныя* данныя, представляющія собою перепись имущихъ. Объ увеличеніи или уменьшеніи ихъ числа эти данныя не могутъ говорить уже потому, что они относятся только къ одному году. Дополнительный налогъ введенъ слишкомъ недавно, и нѣтъ возможности сдѣлать какіе-либо опредѣленные выводы на основаніи сравненія данныхъ за разные годы.

Но для Бернштейна и абсолютныя числа представляются очень цѣнными. Первоначальныя смѣтныя предположенія о прусскомъ дополнительномъ налогѣ на 1895 г. доставляютъ ему чувство удовлетворенія, ибо они указываютъ, по его мнѣнію, на высокое число имущихъ. Другіе люди, стоящіе

на самой благонамѣренной буржуазной точкѣ зрѣнія, меньше его восторгаются этими числами.

„Смѣтныя предположенія относительно прусскаго дополнительнаго налога (1895)“,—пишетъ Геркнеръ („Arbeiterfrage“ 2 изд., стр. 9 Рус. пер. „Рабочій трудъ“ и пр стр. 10),—„даютъ *неутѣшительную картину распредѣленія* имущества, какъ показываетъ нижеслѣдующая таблица:

„Размѣръ имущества, за исключеніемъ движимаго, въ маркахъ.	Число плательщиковъ: абсолютно	въ o/o	Вся сумма имущества по смѣтному предполож. абсолютно	въ o/o
6.000—20.000	563.370	48.89	2,978.304	9.5
20.000—32.000	203.834	17.69	2.214.248	7.13
32.000—52.000	162.262	14.08	3.286.804	10.59
52.000—100.000	122.683	10.65	3.279.289	13.78
100.000—200.000	57.179	4.96	3.993.809	12.86
200.000—500.000	23.373	2.55	4.500.373	14.50
500.000—1.000.000	8.375	0.73	2.279.304	9.60
1,000.000—2.000.000	3.429	0.30	2.453.064	7.90
свыше 2.000.000	1.827	0.16	4.360.638	14.05

„Невозможно назвать хорошимъ такое распредѣленіе имущества, при которомъ двѣ высшія группы, охватывающія милліонеровъ и состоящія лишь изъ 5.626 человѣкъ, владѣютъ состояніемъ на 1.621 милліонъ марокъ большимъ, чѣмъ два низшіе класса, хотя они заключаютъ въ себѣ 767. 204 плательщика налога. *И всетаки эти числа выражаютъ лишь противоположности распредѣленія богатства среди имущихъ классовъ.* Это распредѣленіе доходовъ наводитъ, не только съ соціальной точки зрѣнія, но и съ точки зрѣнія экономическаго прогресса, на *печальныя мысли*“,—Бернштейна, однако, не наводитъ. Не даромъ же онъ и не принадлежитъ къ буржуазнымъ экономистамъ, а называетъ себя марксистомъ.

Другой „колоссальный цифровой матеріалъ“, которымъ будто бы доказывается увеличеніе числа имущихъ, не содержитъ никакой статистики имуществъ и собственности, а только статистику подоходнаго налога.

Доходъ вообще и доходъ отъ собственности не всегда одно и тоже. Если въ настоящее время три четверти доходовъ выше 3000 марокъ получаются отъ собственности, а тридцатѣ лѣтъ спустя три четверти ихъ станутъ доходами отъ труда, то статистика подоходнаго налога, при неизмѣнной высотѣ этихъ доходовъ, не дастъ намъ никакого представленія о происшедшемъ переворотѣ въ общественныхъ отношеніяхъ. Такая статистика оставляетъ насъ въ неиз-

вѣрности именно по вопросу объ уменьшеніи и увеличеніи числа имущихъ.

Такая статистика можетъ даже показывать увеличеніе доходовъ, хотя бы на дѣлѣ и не было такого увеличенія. Возьмемъ тотъ же самый примѣръ. Высота доходовъ въ теченіе 30 лѣтъ не измѣнилась, но, допустимъ, измѣнился ихъ характеръ. Раньше три четверти этихъ доходовъ получались отъ собственности, одна четверть — отъ заработной платы и жалованья. Черезъ 30 лѣтъ отношеніе стало обратнымъ. Но доходы отъ жалованья можно опредѣлить съ гораздо большей точностью, чѣмъ доходы отъ торгово-промышленныхъ предпріятій. Если раньше четвертая часть доходовъ показывались правильно, а остальныя три четверти —показывались, въ среднемъ, на 30 проц. ниже дѣйствительности, то черезъ 30 лѣтъ и это отношеніе, ceteris paribus, будетъ обратнымъ. Подоходный налогъ покажетъ *увеличеніе* доходовъ, которое отнюдь не будетъ соотвѣтствовать дѣйствительности, а будетъ зависѣть только отъ *уменьшенія* капиталистическихъ доходовъ.

Дѣло въ томъ, что мы имѣемъ не научную статистику доходовъ, а лишь статистику, ведущуюся для *цѣлей обложенія*. Она ведется не на научныхъ, а на фискальныхъ основаніяхъ, и ея данныя извращаются подъ вліяніемъ матеріальныхъ интересовъ. Поэтому даже для изученія движенія доходовъ цифрами статистики подоходнаго налога надо пользоваться съ величайшей осторожностью. Эти цифры могутъ претендовать лишь на весьма условное значеніе. Какого-либо ключа къ уясненію *распредѣленія собственности* онѣ не даютъ. Мы не помнимъ также, чтобы кто-либо, кромѣ Бернштейна, пользовался статистикой подоходнаго налога для этой цѣли. Ею пользовались для того, чтобы выяснить по ея даннымъ вопросъ о возрастаніи благосостоянія, а не для того, чтобы установить измѣненіе въ числѣ имущихъ.

Поэтому во всемъ колоссальномъ цифровомъ матеріалѣ Бернштейна нѣтъ ни одной, *ни одной единственной* цифры, которая была бы пригодна для подтвержденія его положенія объ увеличеніи числа имущихъ. Но мы всетаки разсмотримъ этотъ матеріалъ.

Данныя о доходахъ, относящіяся къ Франціи, мы можемъ игнорировать. Это лишь абсолютныя, а не относительныя числа, которыя, поэтому, совершенно не могутъ указывать на увеличеніе или уменьшеніе. Не указанъ годъ, къ которому они относятся. Не указаны источники, на которыхъ они основываются. Во Франціи нѣтъ подоходнаго налога. Поэтому Леруа-Болье не могъ вычислить французскихъ доходовъ; онъ пытался дать представленіе о распредѣленіи

національнаго дохода по даннымъ о землевладѣніи, о квартирной платѣ въ городахъ и по даннымъ похоронныхъ кассъ („Essai Sur la répartition des richesses“, стр. 499). Поэтому, если Бернштейнъ съ такой увѣренностью сообщаетъ намъ, что во Франціи средній доходъ 1.700.000 семей составляетъ 5,200 франковъ, то мы должны потребовать болѣе точнаго указанія источника, чѣмъ его простая ссылка: „по Мюльхалю“, дескать. Очевидно, дѣло идетъ здѣсь лишь о приблизительномъ опредѣленіи.

Затѣмъ слѣдуетъ Саксонія. Здѣсь колоссальный цифровой матеріалъ использованъ очень скудно.

„Въ Саксоніи съ 1879 г. по 1890 г. число доходовъ отъ 1.600 до 3.300 марокъ возросло съ 62.140 до 91.124, число доходовъ отъ 3.300 до 9.600 марокъ—съ 24.414 до 38.841“. Вотъ и все, да еще указаніе въ одномъ примѣчаніи, „что между 1879 и 1892 г. число доходовъ отъ 800 до 3300 марокъ (наилучше оплачиваемые рабочіе и мелкая буржуазія) возросло въ Саксоніи съ 227.839 до 439.948, т. е. съ 20.94 проц. до 30.48 проц. плательщиковъ“. О движеніи *другихъ* разрядовъ доходовъ мы не узнаемъ ничего. Поэтому и саксонскія цифры не пригодны для какого либо сравненія.

Исполнимъ же мы то, чего не сдѣлалъ Бернштейнъ. Мы замѣняемъ цифры 1890 г. цифрами 1894 г., которыя имѣются у насъ въ данную минуту подъ руками (въ таблицѣ вышеупомянутой книги Геркнера); это не составляетъ, конечно, существенной разницы.

По этой таблицѣ число зарегистрированныхъ статистикой доходности физическихъ лицъ въ Саксонскомъ королевствѣ равнялось:

Съ доходомъ				1879 г.	1894 г.	Увеличеніе абсолютное	Увеличеніе %
	до	800	мар.	828.686	972.557	143.571	17.3
отъ	800 „	1.600	„	165.362	357.974	192.612	111.4
„	1600 „	3.300	„	61.819	106.136	44.326	71.6
„	3300 „	9.600	„	24.072	41.890	17.818	74.0
„	9600 „	54.000	„	4.683	10.518	5.835	154.4
	свыше	54.000	„	238	886	648	272.0

Если мы возьмемъ абсолютный приростъ, то найдемъ, что количество лицъ съ доходомъ ниже 800 марокъ возросло на 143,571, а съ доходомъ выше 3.300 марокъ только на 24.291. Но такъ какъ количество лицъ съ доходомъ ниже 800 марокъ обладаетъ сомнительнымъ преимуществомъ составлять *три четверти* всѣхъ лицъ, имѣющихъ какой либо доходъ, а число лицъ съ доходомъ выше 3.300 марокъ составляетъ лишь *одну двадцатую часть* его, то первый при-

ростъ, выраженный въ процентахъ, гораздо ниже второго. Если же мы возьмемъ относительныя числа, то увидимъ, что медленнѣе всего возрастаетъ число лицъ съ доходомъ ниже 800 марокъ, *но къ нимъ примыкаютъ именно тѣ группы доходовъ, увеличеніе которыхъ только и указалъ Бернштейнъ.* На ряду съ группами съ наименьшимъ доходомъ эти группы возрастаютъ всего медленнѣе:—съ доходомъ, 1.600—3.300 марокъ на 71.7 проц., съ доходомъ 3.300—9.600 мар. на 74 проц. Наиболѣе быстро возрастаетъ число лицъ съ среднимъ *пролетарскимъ* доходомъ, отъ 800 до 1.600 марокъ,—оно увеличилось на 1164 проц. Среди нихъ всего быстрѣе возрастаетъ число лицъ съ болѣе низкимъ доходомъ въ 800—950 мар.: оно увеличилось на 133.5 проц. Число лицъ съ доходомъ отъ 1.400 до 1.600 мар. увеличилось лишь на 79.5 проц. Еще быстрѣе возрастаетъ число лицъ съ доходомъ выше 54.000 марокъ:—оно увеличилось на 272 проц. „Слѣдовательно, можно сказать, что современное распредѣленіе доходовъ усиливаетъ относительно больше всего средніе слои *рабочихъ* и группу *милліонеровъ*“ (Геркнеръ).

Если бы Бернштейнъ хотѣлъ сказать лишь то, что увеличеніе числа наемныхъ рабочихъ не однозначуще съ увеличеніемъ числа бѣдныхъ, что пролетаризація народныхъ массъ не непремѣнно означаетъ ихъ пауперизацію, то онъ дѣйствительно могъ бы опираться на эти цифры, но въ такомъ случаѣ онѣ очень мало говорили бы противъ теоріи Маркса. При обсужденіи теоріи обнищанія мы еще вернемся къ этому.

Теорія Маркса утверждаетъ только, что быстрѣе всего увеличивается число рабочихъ и крупной буржуазіи, а лежащіе между ними слои относительно уменьшаются. Саксонская статистика подоходнаго налога и подтверждаетъ это, насколько вообще можно выводить заключенія изъ статистики подоходнаго налога.

Если утвержденіе Бернштейна объ увеличеніи числа имущихъ представляетъ собою не выраженное въ странной формѣ утвержденіе, что заработная плата возрастаетъ,—если онъ хочетъ сказать, что число среднихъ собственниковъ растетъ быстрѣе, чѣмъ число наемныхъ рабочихъ и крупныхъ капиталистовъ, и что, слѣдовательно, соціальныя противоположности не обостряются, а смягчаются, то подобное утвержденіе не находитъ ни малѣйшей опоры въ саксонскихъ данныхъ.

Но у Бернштейна остаются еще два доказательства, прусская и англійская статистика. Имъ онъ придаетъ главное значеніе. Надо думать, они то ужъ будутъ рѣшительными.

„Въ 1854 году въ Пруссіи было, какъ это знаютъ чи-

тавшіе Лассаля, при населеніи въ 16,3 милліона лишь 44.407 лицъ съ доходомъ выше 1.000 талеровъ. Въ 1894/5 г., при общей суммѣ населенія около 33 мил., 321.296 лицъ платило налогъ съ дохода выше 300 марокъ. Въ 1897/8 г. это число возросло до 307.828 лицъ. Въ то время, какъ населеніе только удвоилось, слой наилучше обезпеченныхъ классовъ увеличился болѣе, чѣмъ въ семь разъ. Если даже принять въ разсчетъ, что присоединенныя въ 1866 году области даютъ болѣе высокія цифры благосостоянія, чѣмъ старая Пруссія, и что въ этотъ промежутокъ времени цѣны на многіе жизненные припасы значительно возросли, то все-же отношеніе прироста числа наиболѣе обезпеченныхъ лицъ къ приросту всего населенія, по меньшей мѣрѣ, далеко превышаетъ отношеніе 2 : 1. Если мы возьмемъ, напримѣръ, болѣе поздній періодъ времени, то увидимъ, что въ теченіе 14 лѣтъ съ 1876 по 1890 г., при общемъ приростѣ всѣхъ уплачивающихъ налогъ на 20,56 %, число плательщиковъ налога съ дохода отъ 2.000 до 20.000 марокъ (состоятельная и мелкая буржуазія) возросло съ 442.534 до 582.024 человѣкъ, т. е. на 31.52%. Собственно классъ имущихъ (6.000 марокъ дохода и больше) возросъ за то же время съ 66.319 до 109.095 чел., т. е. на 58,47 %. Пять шестыхъ этого прироста, именно 33.226 изъ 38.776, падаютъ на средній слой съ доходомъ отъ 6.000 до 20.000 марокъ".

На первый взглядъ эти цифры кажутся неотразимыми. Но только на первый взглядъ. Поражаетъ прежде всего сравненіе старой Пруссіи 1854-го года и новой 1894-го года. Съ тѣхъ поръ Пруссія не только присоединила къ своимъ владѣніямъ,—какъ замѣчаетъ самъ Бернштейнъ,—очень богатыя области, но она стала, кромѣ того, господствующимъ государствомъ Германской имперіи. Столица Пруссіи, имѣвшей въ 1854 г. населеніе въ 17 милл. жителей, стала столицею великой державы, имѣвшей въ 1894 г. населеніе въ 51 милл. человѣкъ, т. е. въ 3 раза больше, чѣмъ Пруссія 1854-го года. Населеніе Берлина, въ которомъ въ 1854 г. было не много болѣе 400.000 жителей, увеличилось чуть не въ 4 раза, и онъ сталъ притягивать къ себѣ наиболѣе высокіе доходы не только Пруссіи, но и всей Имперіи. Такимъ образомъ, увеличенію доходовъ въ Пруссіи способствовалъ рядъ факторовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ относительнымъ увеличеніемъ числа имущихъ, вызываемымъ капиталистическимъ развитіемъ. Уже одно это не позволяетъ придавать какое-либо значеніе сравненію данныхъ 1854 и 1894 гг.

Къ этому присоединяется еще другое обстоятельство, которое имѣетъ рѣшающее значеніе. Статистика подоходнаго налога 1894-го года производилась на основаніи *совершенно*

иного закона, чѣмъ статистика 1854-го г. Укажемъ лишь два различія: законъ 1851 г. облагалъ подоходнымъ налогомъ лишь *физическія лица.* Законъ же 1891 г. распространилъ обязанность платить налогъ также и на *промысловыя общества* (акціонерныя, потребительныя общества). По первому закону, доходъ опредѣлялся комиссіями, члены которыхъ избирались окружными и городскими представительными учрежденіями, причемъ этимъ комиссіямъ предписано было воздерживаться отъ всякаго „слишкомъ обременительнаго для плательщиковъ разслѣдованія". Новый законъ обязалъ самаго плательщика показывать величину своего дохода и установилъ значительное наказаніе за ложныя показанія, а также облегчилъ контроль надъ этими показаніями. Въ виду этихъ и другихъ измѣненій, I. Pierstoff и говоритъ (въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften", I Supplementband, стр. 280): „Основательное изученіе существующаго распредѣленія доходовъ въ Пруссіи стало возможнымъ лишь съ введеніемъ новаго закона о подоходномъ налогѣ отъ 24 іюня 1891 года. Данныя о предъидущихъ классныхъ и подоходныхъ налогахъ представляютъ весьма *сомнительную цѣнность* для изученія распредѣленія доходовъ, *такъ какъ они основывались исключительно на оцѣнкѣ третьихъ лицъ*".

Поэтому сравненіе данныхъ 1854 и 1894 гг., съ научной точки зрѣнія, не имѣетъ никакой цѣны. Но Бернштейнъ приводитъ еще другія цифры, относящіяся къ 1876 г. и 1890 годамъ. Эти цифры не только такъ же ненадежны, какъ и цифры 1854-го года, но и, сверхъ того, Бернштейнъ приводитъ ихъ въ неполномъ видѣ. Онъ взялъ ихъ изъ таблицы, вычисленной Soetbeer'омъ и напечатанной въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften". Согласно этой таблицѣ насчитывалось:

Въ 1876 году:

Разряды доходовъ.	Число плательщиковъ.				Доходы.	
	Самихъ плательщиковъ.		Вмѣстѣ съ семьей.		Вся сумма въ милліон. марокъ.	%
	лицъ.	%	лицъ.	%		
До 525 мар.	3.311.752	39,11	6.369.856	25,65	1.324,7	16,86
отъ 524 „ 2.000 „	4.704.575	55,57	16,840.444	67,82	4.354,4	55,42
„ 2.000 „ 20.000 „	442.534	5,22	1.593,244	6,41	1.879.1	22,64
свыше 20.000 „	8.033	0,10	29.240	0,12	798,8	5,08

Въ 1890 году:

До 525 мар.	4.094.428	40,11	8.383.359	28,62	1.647,4	16,58
отъ 525 „ 2.000 „	5.517.829	54,05	18.562.145	63,81	5.119,7	51,53
„ 2.000 „ 20.000 „	582.053	5,71	2.095.348	7,21	2.475,2	24,96
свыше 20.000 „	13.583	0,13	47.081	0,16	593,8	6,98

Въ этомъ полномъ видѣ прусскія данныя представляютъ нѣсколько иную картину, чѣмъ въ тѣхъ выдержкахъ, которыя дѣлаетъ изъ нихъ Бернштейнъ. Если бы мы причислили даже всѣхъ плательщиковъ съ доходомъ выше 2.000 марокъ къ имущимъ,—то оказалось бы, что число этихъ послѣднихъ увеличилось лишь на 145.000, тогда какъ число лицъ съ доходомъ ниже 2.000 марокъ увеличилось въ десять разъ больше, именно, на 1.600.000. Правда, число лицъ съ доходами отъ 2.000 до 20.000 марокъ увеличилось на 31,52%, тогда какъ общее число всѣхъ плательщиковъ увеличилось лишь на 20,56%. Но какъ разъ число самыхъ бѣднѣйшихъ изъ бѣдныхъ, именно, лицъ съ доходомъ менѣе 525 марокъ, возросло также больше, чѣмъ все число плательщиковъ, а именно, на 22.6%. Еще рельефнѣе выступитъ этотъ приростъ, если принимать во вниманіе не число однихъ плательщиковъ, а также и ихъ семьи. Въ то время, какъ все населеніе Пруссіи съ 1876 по 1890 г. возросло съ 24.832.784 чел. до 29.087.933 чел., т. е. на *17,1*%, число плательщиковъ съ доходомъ ниже 525 мар. вмѣстѣ съ ихъ семьями возросло съ 6.396.856 до 8.383.359 чел., т. е. на *31.6*%. И при этомъ средній размѣръ дохода *понизился* въ этомъ разрядѣ съ 208 до 197 марокъ. И это Бернштейнъ называетъ увеличеніемъ числа имущихъ, сглаживаніемъ соціальныхъ противоположностей, которое, дескать, такъ очевидно, что было бы нелѣпостью замалчивать его!

Источникъ, изъ котораго Бернштейнъ заимствуетъ свои цифры, отнюдь не находитъ ихъ столь благопріятными, какъ онъ. „Зетберъ (Soetbeer) вынужденъ самъ признать“, говорится тамъ: „что указанные имъ результаты подтверждаютъ тотъ взглядъ, что *доходы распредѣляются все болѣе неравномѣрно*, такъ какъ низшіе и высшіе разряды доходовъ увеличиваются въ числѣ, средній размѣръ низшихъ доходовъ падаетъ, а высшихъ возрастаетъ“. Дальше говорится: однако „самъ Зетберъ считаетъ этотъ выводъ неосновательнымъ,

такъ какъ оцѣнка дохода у разрядовъ, освобождаемыхъ отъ платежа, производится менѣе строго, чѣмъ у высшихъ разрядовъ, и притомъ прогрессъ народнаго хозяйства не могъ иначе и выразиться, какъ въ томъ, что все большее число плательщиковъ постепенно передвигается въ высшіе разряды". Другими словами, Зетберъ заявляетъ, что данныя прусской статистики подоходнаго налога доказываютъ *какъ разъ обратное* тому, что утверждаетъ теперь Бернштейнъ, но онъ думаетъ, что либеральное ученіе о постепенномъ сглаживаніи соціальныхъ противоположностей, *несмотря* на эти цифры, вѣрно, во-первыхъ, по нѣкоторымъ теоретическимъ соображеніямъ, до которыхъ намъ здѣсь нѣтъ дѣла, а затѣмъ и потому, что *оцѣнка дохода не вполнѣ надежна.* Въ лучшемъ случаѣ, это показываетъ лишь, что цифры Зетбера не *опровергаютъ* утвержденія Бернштейна. Бернштейну оказалось нужнымъ искусственно выбрать отдѣльныя цифры изъ таблицы Зетбера, чтобы представить ее блестящимъ доказательствомъ своего положенія.

Мы также полагаемъ, что таблица Зетбера ничего не доказываетъ. Она охватываетъ приблизительно тотъ-же періодъ времени, что и вышеприведенная саксонская таблица, но показываетъ совершенно иную тенденцію развитія. Въ Саксоніи мы видимъ сокращеніе пауперизма и увеличеніе числа лучше оплачиваемыхъ наемныхъ рабочихъ, съ одной стороны,—на счетъ пауперовъ, а съ другой, — на счетъ мелкихъ собственниковъ. Въ Пруссіи мы видимъ за то же время относительное уменьшеніе числа лучше оплачиваемыхъ наемныхъ рабочихъ (абсолютно оно увеличилось на 1.722.000 чел.), а наряду съ этимъ увеличеніе имущаго населенія и *такое же увеличеніе низшихъ слоевъ наемныхъ рабочихъ.*

Невозможно допустить, чтобы Саксонія и Пруссія развивались одновременно въ столь противоположныхъ направленіяхъ. Скорѣе надо признать, что прусскія, по крайней мѣрѣ, данныя ничего не доказываютъ; это уже и само по себѣ правдоподобно въ виду способа опредѣленія дохода, практиковавшагося до 1891 года.

Итакъ, изъ всего колоссальнаго цифрового матеріала Бернштейна остаются лишь данныя, относящіяся къ Англіи.

Если-бы даже англійскія цифры и доказывали увеличеніе числа имущихъ, — что въ дѣйствительности невѣрно,— то этимъ онѣ не доказывали бы еще, что таковъ всеобщій законъ капиталистическаго способа производства, такъ какъ Англія, повидимому, уже не можетъ считаться типомъ капиталистическаго индустріализма.

Ясно одно: было бы смѣшно выводить законъ капитали-
р азвитія изъ увеличенія числа имущихъ един-

ственно лишь на основаніи данныхъ о движеніи собственности или доходовъ въ *мѣстѣ жительства* имущихъ. Если бы, напримѣръ, число имущихъ въ Монте-Карло или въ Берлинѣ въ Тиргартенскомъ кварталѣ [1]), возрастало быстрѣе, чѣмъ остальное населеніе, то это ровно ничего не доказывало бы. Для выясненія законовъ капиталистическаго способа производства, мы должны охватить *всю его* область, а не какую-нибудь часть этой области.

Но Англія становится все болѣе своего рода Тиргартенскимъ кварталомъ міра. Съ одной стороны, все болѣе расширяются ея колоніальныя владѣнія, все болѣе растетъ число англійскихъ чиновниковъ и искателей счастья, эксплуатирующихъ эти колоніи и проживающихъ свою добычу въ Англіи. Но еще болѣе растетъ число всякихъ предпріятій, основанныхъ заграницей на англійскіе капиталы, —банковъ, торговыхъ домовъ, фабрикъ, желѣзныхъ дорогъ, —директора и акціонеры которыхъ живутъ въ Англіи и въ Англіи же проживаютъ прибавочную стоимость, производимую за предѣлами Англіи. Столь же быстро возрастаетъ и доходъ съ тѣхъ суммъ, которыя англійскіе капиталисты даютъ въ долгъ другимъ государствамъ.

„Одной Индіи", писалъ Марксъ еще около полувѣка назадъ: „приходится платить 5 милліоновъ (фунт. стерл.) дани „за хорошее управленіе", процентовъ и дивидендовъ на англійскій капиталъ и т. п., не считая тѣхъ суммъ, которыя ежегодно высылаются на родину отчасти чиновниками, въ видѣ сбереженій изъ ихъ содержанія, а отчасти англійскими купцами, въ видѣ части ихъ прибыли, для помѣщенія ея въ Англіи. По тѣмъ же причинамъ изъ каждой колоніи постоянно переводятся большія суммы. Большинство банковъ въ Австраліи, Вестъ-Индіи, Канадѣ учреждены на англійскій капиталъ и дивиденды должны выплачиваться въ Англіи. Точно также Англія владѣетъ множествомъ иностранныхъ государственныхъ бумагъ, европейскихъ, сѣверо- и южно-американскихъ, на которыя она получаетъ проценты. Къ этому еще присоединяется участіе въ иностранныхъ желѣзныхъ дорогахъ, каналахъ, горнозаводскихъ предпріятіяхъ и т. п., съ соотвѣтственными дивидендами... Суммы же, идущія изъ Англіи за-границу для выдачи владѣльцамъ англійскихъ цѣнныхъ бумагъ и на расходы англичанъ за-границей, сравнительно ничтожны (Das Kapital, III, 2, стр. 130).

Съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти строки, развитіе далеко ушло впередъ въ томъ же направленіи. Въ то время

[1]) Одинъ изъ богатѣйшихъ кварталовъ Берлина. *Прим. перев.*

какъ населеніе Великобританіи и Ирландіи въ 1871 г. равнялось 31.800.000 чел., а въ 1891 г.— 37.700.000 чел., слѣдовательно, увеличилось менѣе, чѣмъ на 20%, населеніе британскихъ колоній возросло съ 200 до 300 милліоновъ, слѣдовательно, болѣе, чѣмъ на 50%. Но еще быстрѣе расширялась область экономической эксплуатаціи, въ которой находилъ приложеніе англійскій капиталъ. Мюльхаль (Mulhall) считаетъ, что въ 1882 г. доходъ съ англійскаго капитала, вложеннаго въ заграничныя предпріятія, равнялся 22 милліардамъ марокъ, а Бернштейнъ утверждаетъ, что въ настоящее время этотъ доходъ оцѣнивается въ 43 милліарда марокъ. Доходъ же съ капитала, числящагося за англійскими акціонерными компаніями, онъ опредѣляетъ въ 22 милліарда. Если эти цифры вѣрны, то онѣ означаютъ *удвоеніе* капитала, вложеннаго заграницей, въ какія-нибудь полтора десятка лѣтъ! Во всякомъ случаѣ область эксплуатаціи англійскаго капитала растетъ (по количеству населенія этой области) гораздо быстрѣе, чѣмъ населеніе Британіи. Если бы Бернштейнъ хотѣлъ вывести на основаніи статистическихъ данныхъ объ Англіи законъ возрастанія числа имущихъ при капиталистическомъ способѣ производства, то онъ долженъ былъ бы сравнивать этотъ приростъ съ приростомъ числа наемныхъ рабочихъ не только въ Англіи, но и во всей области приложенія англійскаго капитала.

Но эта задача неразрѣшима при помощи существующаго статистическаго матеріала.

Однако и сравненіе прироста числа имущихъ съ приростомъ всего населенія Англіи имѣло бы нѣкоторое значеніе. Если бы подобное сравненіе обнаружило болѣе быстрый приростъ числа имущихъ, это не означало бы, конечно, что законы капиталистическаго способа производства, установленные Марксомъ, невѣрны, но это указывало бы на возрастаніе препятствій распространенію въ Англіи соціализма. Съ марксисткой точки зрѣнія революціонной силой въ современномъ обществѣ является не капиталъ вообще, а лишь *промышленный капиталъ*; лишь онъ оказывается силой, создающей необходимыя предварительныя условія соціалистическаго производства и порождающей пролетаріевъ, исторической задачей которыхъ является введеніе этого производства.

Торговый капиталъ и ссудный капиталъ сами по себѣ не представляютъ еще революціонныхъ силъ. Если въ Англіи торговый капиталъ и капиталъ ссудный, прилагаемый къ англійской промышленности, растутъ быстрѣе, чѣмъ капиталъ промышленный, то нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что въ Англіи число имущихъ возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ ко-

личество народонаселенія. Въ такомъ случаѣ возможно также, что соціальный антагонизмъ тамъ ослабѣваетъ, потому что соціальное развитіе замедляется по сравненію со соціальнымъ развитіемъ странъ, по преимуществу капиталистическихъ, какъ, напр., Германія и Америка.

Сами англичане не разъ высказывали опасеніе, что Англію постигнетъ участь Голландіи. Въ 17-мъ столѣтіи Голландія была самой развитой во всѣхъ отношеніяхъ капиталистической страной, но развитіе торговаго и ссуднаго капитала шло въ ней быстрѣе развитія капитала промышленнаго, такъ что, въ концѣ концовъ, Голландія, хотя и превратилась въ богатую капиталомъ страну, и число имущихъ въ ней въ настоящее время больше, чѣмъ гдѣ либо, но въ экономическомъ отношеніи она стала однимъ изъ самыхъ отсталыхъ государствъ, не играющимъ никакой роли въ соціальномъ развитіи.

Такова-ли будетъ судьба Англіи, суждено ли ей превратиться изъ мастерской всего міра въ денежную кассу міра,—этого еще нельзя сказать. Несомнѣнно лишь то, что соціализмъ возникаетъ только изъ мастерской, а отнюдь не изъ денежной кассы.

Но Бернштейнъ не признаетъ этого различія. Марксъ отдѣлялъ промышленный капиталъ отъ торговаго и ссуднаго и изслѣдовалъ законы развитія каждаго изъ нихъ особо. Бернштейнъ, поставившій себѣ задачей углубить и усовершенствовать марксизмъ, смѣшиваетъ всѣ эти роды капитала въ одну кучу,—на мѣсто точнаго понятія: „капиталисты“ ставитъ расплывчатое понятіе: „имущіе“ и еще употребляетъ это понятіе до того различно, что, въ концѣ концовъ, ни онъ самъ, ни читатель не знаютъ хорошенько, что подъ нимъ подразумѣвается. Вотъ, какъ очищаютъ марксизмъ отъ противорѣчій и поднимаютъ его на высшую ступень развитія.

Между тѣмъ, и здѣсь, какъ и раньше, Бернштейнъ не даетъ намъ статистики собственности, а лишь статистику доходовъ. Сперва онъ приводитъ нѣсколько абсолютныхъ чиселъ, относящихся къ 1893/4 году, которыя сами по себѣ, очевидно, ничего не доказываютъ. Затѣмъ идетъ его главный козырь, напечатанный мѣстами даже жирнымъ шрифтомъ, чтобы читатели его не прозѣвали.

Въ „British Review“ отъ 22 мая 1897 года мы находимъ нѣкоторыя числа о ростѣ доходовъ въ Англіи съ 1851 по 1881 годъ. По этимъ даннымъ, въ Англіи считалось семей съ доходомъ отъ 150 до 1.000 фунтовъ стерл. (средняя и мелкая буржуазія и высшая рабочая аристократія) въ 1851 г. круглымъ счетомъ 300.000, а въ 1881 г.—круглымъ счетомъ

990.000. Въ то время, какъ населеніе за эти же 30 лѣтъ увеличилось *въ пропорціи 27 къ 35*, т. е. приблизительно на 30%, число лицъ съ указанными доходами возросло въ пропорціи 27 къ 90, т. е. приблизительно на $233^1/_3$%. Въ настоящее время это число *опредѣляется* Джиффеномъ *въ* **полтора милліона плательщиковъ**" (стр. 49).

Да, *приблизительно опредѣляется!* Итакъ, главный напечатанный жирнымъ шрифтомъ козырь основанъ на *приблизительномъ опредѣленіи*, а не на подсчетѣ. Это, однако, нисколько не мѣшаетъ тому, что ниже *гипотеза*, построенная на этомъ приблизительномъ опредѣленіи, выдается за *установленный* податными чиновниками фактъ, *„относительно котораго въ настоящее время не можетъ быть сомнѣній"* (стр. 178).

Почему же число зарегистрированныхъ лишь *опредѣляется приблизительно*, а не *подсчитывается?* По той простой причинѣ, что подсчетъ *невозможенъ*.

Англійскій законъ о подоходномъ налогѣ распредѣляетъ доходы на пять большихъ разрядовъ, соотвѣтственно источникамъ, изъ которыхъ они получаются: 1) земельная собственность, 2) пользованіе землей, 3) государственная рента, 4) жалованье служащихъ и, наконецъ, 5) разрядъ, въ который входятъ всѣ остальные доходы—отъ промышленности, торговли и т. п. Каждый изъ этихъ разрядовъ распадается, въ свою очередь, на подраздѣленія, и съ каждаго такого подразряда подать взимается особо. Такимъ образомъ, мы получаемъ число плательщиковъ и ихъ распредѣленіе по величинѣ дохода лишь *для отдѣльныхъ группъ*, общее же число плательщиковъ и общая сумма доходовъ каждаго изъ нихъ остаются неизвѣстными и могутъ быть лишь „вычислены", т. е. болѣе или менѣе *приблизительно опредѣлены*.

Это область—какъ нельзя болѣе пригодная для статистическихъ фантазій.

Какъ мало можетъ доказать что либо англійская статистика подоходнаго налога, это показываетъ слѣдующій примѣръ. Въ статистикѣ Кольба сравниваются доходы *Schedula D.* (промышленность и торговля) за 1812 и 1847 гг. Тамъ мы находимъ:

Доходъ	отъ	159	до	500	фунтовъ	стерлинговъ.	Приростъ	196%
„	„	500	„	1000	„	„	„	148 „
„	„	1000	„	2000	„	„	„	148 „
„	„	2000	„	3000	„	„	„	118 „
			5000		„	„	выше	189 „

При этомъ Кольбъ замѣчаетъ: „населеніе въ общемъ возрасло на 60%, *слѣдовательно, благосостояніе увеличилось за три раза больше, чѣмъ населеніе*“. (ср. „Statistik“ 1875, стр. 431). Это почти то же, что говоритъ намъ Бернштейнъ о періодѣ времени отъ 1851 до 1881 г. Время съ 1812 по 1847 г. было самымъ худшимъ для рабочаго населенія Англіи. Это тотъ періодъ, который далъ матеріалъ для „Положенія рабочихъ классовъ“ Энгельса, тотъ періодъ, когда наемные рабочіе, казалось, погрязли въ нищетѣ и преступности, когда не было ни законодательной охраны труда, ни сильнаго трэдъ-юніонистскаго движенія, которое задерживало бы физическое и нравственное вырожденіе наемныхъ рабочихъ,—а, между тѣмъ, развитіе подоходнаго налога даетъ ту же картину, что и въ настоящее время.

Прекрасную критику англійской статистики подоходнаго налога далъ *Максъ Шиппель* въ своей книгѣ „Das moderne Elend“ и т. д., въ 1888 г. Эпиграфомъ ей служатъ слова: „Изъ двухъ міровъ ты долженъ выбрать одинъ. Разъ выборъ сдѣланъ, возврата нѣтъ“.

Даже г—нъ Леруа-Больe, буржуазный оптимистъ in optima forma, предшественникъ Бернштейна въ той области, о которой идетъ рѣчь, вынужденъ былъ признать: „Къ несчастью, для Англіи у насъ нѣтъ такихъ положительныхъ данныхъ относительно величины доходовъ, какія мы нашли для Германіи. Поэтому мы вынуждены ограничиться приблизительными опредѣленіями“ („Essai sur la répartition des richesses“ стр. 526). Но тамъ, гдѣ буржуазный апологетъ подвигается впередъ лишь съ величайшей осмотрительностью, осторожно ощупывая дорогу, — марксистъ Бернштейнъ съ легкимъ сердцемъ беретъ всякую цифру, каково бы ни было ея происхожденіе, разъ она говоритъ противъ марксистскаго ученія. British Review („Британское Обозрѣніе“) представляло собою (теперь оно перестало выходить) не какой либо статистическій или политико-экономическій спеціальный журналъ, а полу-политическій, полу-литературный консервативный еженедѣльникъ. Насколько я могу судить по одному номеру, который мнѣ удалось достать, главной задачей этого органа было— разнести не только соціализмъ, но и демократію. Очеркъ, на который ссылается Бернштейнъ, представляетъ собою анонимную статью, написанную по случаю юбилея королевы. Здѣсь ведется полемика противъ утопистовъ и радикаловъ, комично расписывается въ розовыхъ краскахъ соціальный прогрессъ Англіи, и авторъ приходитъ къ такому выводу: „Просто поразительна быстрота, съ какой все больше богатѣли наемные рабочіе, съ какой непрерывно возрастала численность мелкой буржуазіи (middle classes)“.

Въ доказательство приподносятся вышеприведенныя цифры, безъ всякаго указанія на методъ, при помощи котораго онѣ получены, или на источникъ, откуда онѣ взяты. Бернштейнъ беретъ эти цифры съ закрытыми глазами и приподноситъ ихъ намъ съ большою увѣренностью. Наряду съ этими цифрами въ статьѣ фигурируетъ указаніе на многочисленныя виллы, окружающія Лондонъ, — „виллы съ красивыми садами, въ которыхъ веселятся изящныя дамы, и милые молодые люди элегантно играютъ въ лоунъ-тенисъ“ и т. д. До какой степени легкомысленно обращается этотъ юбилейный фельетонъ со статистикой,—показываетъ слѣдующій примѣръ. Въ Англіи до сихъ поръ нѣтъ статистики наемныхъ рабочихъ, а есть только статистика всѣхъ участвующихъ въ промышленности лицъ безъ различія ихъ положенія въ производствѣ; затѣмъ, отдѣльно считаются члены семей. Не смотря на это, составитель юбилейнаго гимна съ полнѣйшей категоричностью утверждаетъ, что рабочее населеніе Соединеннаго Королевства составляло въ 1851 г. 26 милліоновъ, а въ 1881 г.—30 милліоновъ, Все же населеніе въ 1851 г. равнялось 27.746,000, а въ 1881 г. — 34.885.000. Такимъ образомъ, непролетарское населеніе (арендаторы, ремесленники, мелкіе торговцы, интеллигенція, капиталисты, землевладѣльцы и пр.) составляло будто бы въ 1851 г. лишь не много болѣе $^1/_2$ милл. лицъ, т. е. лишь 6% всего населенія! Это просто абсурдъ. Бэкстеръ считалъ, что въ 1877 г. число наемныхъ рабочихъ составляло около 80% всего числа лицъ, получающихъ доходы въ Соед. Королевствѣ. А такъ какъ, благодаря труду женщинъ, число членовъ семей у рабочихъ сравнительно меньше, чѣмъ у высшихъ классовъ, то, слѣдовательно, эти послѣднія составляли даже нѣсколько больше 20% всего населенія.

Это поверхностное, вульгарное восхваленіе гармоніи и является тѣмъ научнымъ источникомъ, изъ котораго Бернштейнъ заимствуетъ свое лучшее оружіе противъ марксистскаго ученія! Остается только, чтобы онъ сталъ опровергать „Капиталъ“, на основаніи какого-нибудь анонимнаго фельетона изъ „Woche“ г—на Шерля!

Чѣмъ внимательнѣе разсматриваемъ мы статистическій матеріалъ Бернштейна, тѣмъ загадочнѣе представляется для насъ перемѣна его убѣжденій. Напрасно стали бы мы искать фактовъ, которые могли побудить его выступить противникомъ того ученія, въ истинѣ котораго онъ былъ такъ глубоко убѣжденъ,—среди распространителей котораго онъ стоялъ въ первомъ ряду,—которое онъ умѣлъ такъ побѣдоносно защищать отъ всѣхъ нападеній.

Акціонерныя общества.

Бернштейнъ указалъ въ полемической статьѣ, написанной имъ по поводу его книги, на *увеличеніе числа биржевыхъ* газетъ, какъ на доказательство увеличенія числа имущихъ.

Но вѣдь это доказываетъ только то, чего никто не отрицалъ, и что подтверждается, какъ мы видѣли, многочисленными статистическими данными, а именно, что число капиталистическихъ предпріятій возрастаетъ, что капитализмъ распространяется все больше и больше, вовлекая въ свою сферу все новыя и новыя отрасли хозяйственной жизни, все новыя и новыя страны, что міровой рынокъ быстро развивается, и что отдѣльный промышленникъ имѣетъ все меньше возможности ознакомиться съ состояніемъ рынка при помощи своихъ личныхъ связей, что только отдѣльныя большія газеты обладаютъ такими средствами, которыя позволяютъ имъ давать обзоръ мірового рынка. Наконецъ, это быстрое увеличеніе числа биржевыхъ газетъ доказываетъ, кромѣ того, быстрый ростъ акціонернаго дѣла, быстрое увеличеніе числа тѣхъ капиталистическихъ предпріятій, которыя подчинены извѣстному общественному контролю, которыя нуждаются въ гласности, въ той „publicité“, которая превратилась,—какъ показало панамское дѣло,—въ столь ходкій и дорогой товаръ.

Но число биржевыхъ газетъ безусловно ничего не говоритъ намъ о числѣ имущихъ. Въ настоящее время всякій, занятый въ торговомъ или транспортномъ дѣлѣ, долженъ читать эти газеты, — все равно, капиталистъ ли онъ, или только служащій у капиталиста.

Для такого крупнаго факта, какъ увеличеніе числа имущихъ, надо было подъискать болѣе убѣдительныя доказательства.

Бернштейнъ думаетъ, что такія доказательства даетъ акціонерное дѣло.

Акціонерныя общества, заявляетъ онъ, въ весьма значительной степени противодѣйствуютъ централизаціи имуществъ путемъ централизаціи предпріятій.

„Къ сожалѣнію, еще не имѣется совершенно никакихъ

статистическихъ данныхъ о дѣйствительномъ распредѣленіи различнаго рода паевъ акціонерныхъ обществъ, получившихъ столь громадное распространеніе въ наше время, —не имѣется потому, что въ большинствѣ странъ эти паи анонимны (т. е. могутъ передаваться безъ всякихъ формальностей другимъ владѣльцамъ, какъ и иныя бумажныя деньги), тогда какъ въ Англіи, гдѣ преобладаютъ акціи именныя, и списки акціонеровъ могутъ быть обозрѣваемы каждымъ въ государственной регистратурѣ (Registriramt), составленіе точной статистики акціонеровъ является гигантской работой, за которую еще никто не рѣшался взяться. Число акціонеровъ можно опредѣлить лишь приблизительно на основаніи нѣкоторыхъ свѣдѣній объ отдѣльныхъ обществахъ. Но чтобы показать, что господствующія по этому предмету представленія ошибочны,—что самая современная и самая яркая форма капиталистической централизаціи, „трестъ“, вліяетъ въ дѣйствительности на распредѣленіе имуществъ совершенно иначе, чѣмъ это представляется лицамъ, мало знакомымъ съ дѣломъ,— чтобы показать это, мы приведемъ здѣсь слѣдующія цифры, которыя легко можно провѣрить.

„Основанный съ годъ тому назадъ англійскій трéстъ фабрикантовъ ниточнаго производства имѣетъ не менѣе 12.300 акціонеровъ. Изъ нихъ:

6.000 владѣльцевъ учредительскихъ акцій (Stammactien) съ среднимъ капиталомъ въ 1200 марокъ.

4.500 владѣльцевъ акцій съ правомъ на полученіе дивиденда Prioritätsactien съ средн. капиталомъ въ 3000 мар.

2.800 владѣльцевъ облигацій съ средн. капиталомъ въ 6.300 марокъ.

„Трёстъ производителей тонкой пряжи имѣетъ тоже значительное число акціонеровъ, именно,—5454:

2.904 владѣльцевъ учредительскихъ акцій (Stammactien) съ среднимъ капиталомъ въ 6.000 марокъ.

1.870 владѣльцевъ акцій (Prioritätsactien) съ среднимъ капиталомъ въ 20.000 марокъ.

680 влад. облигацій съ ср. кап. въ 26.000 марокъ.

„Приблизительно тоже самое надо сказать и о хлопчатобумажномъ трёстѣ P. u T. Coats. Таковы отдѣльные примѣры раздробленія частей имущества централизованныхъ предпріятій. Само собою разумѣется, что не всѣ акціонеры являются сколько нибудъ значительными капиталистами; притомъ часто одинъ и тотъ же крупный капиталистъ участвуетъ во всевозможныхъ обществахъ. Но, не смотря на все это, число акціонеровъ и средняя сумма принадлежащаго имъ въ акціяхъ капитала быстро возрастаютъ. Общее число

всѣхъ владѣльцевъ акцій въ Англіи опредѣляется приблизительно числомъ гораздо больше одного милліона“ (стр. 48—49).

Итакъ, у насъ нѣтъ никакой статистики акціонеровъ; не каждый акціонеръ есть капиталистъ; одинъ и тотъ же *крупный* капиталистъ выступаетъ мелкимъ акціонеромъ во всевозможныхъ акціонерныхъ обществахъ. Все это Бернштейнъ самъ признаетъ. А это, другими словами, означаетъ, что всѣ данныя, которыя онъ приводитъ намъ въ качествѣ признаковъ увеличенія числа имущихъ, *не имѣютъ рѣшительно никакого значенія*. Они еще меньше, доказываютъ что-либо, чѣмъ данныя статистики подоходнаго налога. Приведеніе этихъ данныхъ доказываетъ лишь одно: полнѣйшую безпомощность Бернштейна, который не знаетъ, откуда бы достать хоть сколько нибудь благовидное доказательство своего утвержденія.

Точно такъ же, какъ и приводимыя имъ цифры, ничего не доказываютъ и тѣ теоретическія разсужденія, которымъ онъ сопровождаетъ ихъ. „Форма акціонернаго общества“, и говоритъ онъ,—*въ весьма значительной степени* противодѣйствуетъ тенденціи къ централизаціи имуществъ путямъ централизаціи предпріятій“. Почему же? „Она *позволяетъ* въ значительной степени раздроблять концентрированные уже капиталы, она дѣлаетъ *излишнимъ* присвоеніе капиталовъ отдѣльными магнатами въ цѣляхъ концентраціи промышленныхъ предпріятій. Если буржуазные экономисты пользовались этимъ *фактомъ* для прикрашиванія соціальныхъ порядковъ, то это еще не можетъ служить основаніемъ для марксистовъ закрывать глаза на этотъ фактъ или отдѣлываться отъ него словами“ (стр. 47).

Итакъ, опять—*фактъ*, который намъ, марксистамъ, неудобенъ, который мы хотимъ замолчать или скрыть. Однако, въ чемъ же состоитъ этотъ *фактъ*? *Фактъ*-ли это, что форма акціонернаго общества противодѣйствуетъ централизаціи имуществъ? Отнюдь нѣтъ:—это именно то, что еще требуется доказать. *Фактъ* состоитъ лишь въ томъ, что форма акціонернаго общества *позволяетъ* раздроблять уже имѣющіеся на лицо капиталы, что она дѣлаетъ *излишнимъ* присвоеніе капиталовъ отдѣльными магнатами. Но было бы слишкомъ поспѣшно объявлять вслѣдствіе этого „фактомъ“, что *дѣйствительность* съ успѣхомъ пользуется этимъ позволеніемъ, что магнаты капитала не присваиваютъ уже себѣ капиталовъ, такъ какъ это стало излишнимъ.

Въ этомъ скверномъ мірѣ акціи не даются даромъ, а продаются, онѣ не приносятъ съ собою обладанія деньгами, предполагаютъ это обладаніе. Основаніе акціонернаго об-

щества ровно ничего не измѣняетъ въ существующемъ распредѣленіи имущества. Форма акціонернаго общества (подобно сберегательнымъ кассамъ и банкамъ) даетъ лишь возможность мелкимъ денежнымъ суммамъ, которыя недостаточны для веденія капиталистическаго предпріятія, превращаться въ капиталъ. Такимъ образомъ, форма акціонернаго общества увеличиваетъ количество капитала, находящееся въ распоряженіи капиталистическаго производства; она позволяетъ превращать въ капиталъ такое имущество, которое при другихъ условіяхъ не было бы капиталомъ, а оставалось бы сокровищемъ, не приносящимъ процентовъ; но эта форма сама по себѣ ровно ничего не измѣняетъ въ существующемъ распредѣленіи наличнаго имущества.

Увеличеніе числа акціонеровъ вовсе не доказываетъ увеличенія числа имущихъ; оно доказываетъ лишь, что въ капиталистическомъ обществѣ форма акціи все болѣе и болѣе становится господствующей формой имущества.

Такимъ образомъ, указаніе на форму акціонернаго общества отнюдь не разрѣшаетъ проблеммы: откуда же происходитъ это кажущееся увеличеніе числа имущихъ? Эта форма можетъ выражать такое увеличеніе, если оно происходитъ, но она не можетъ вызвать этого увеличенія.

Но какъ можетъ происходить это увеличеніе, когда увеличивается и число наемныхъ рабочихъ? Бернштейнъ не говоритъ объ этомъ болѣе подробно. Можетъ-ли все болѣе значительное число наемныхъ рабочихъ дѣлать такія сбереженія изъ своей заработной платы, чтобы эти наемные рабочіе превращались въ капиталистовъ? Правда, Бернштейнъ проявляетъ къ Шульце-Деличу столь же большое уваженіе, какъ и къ г-ну Юліусу Вольфу. Однако, пока онъ прямо не заявилъ этого, я не рѣшаюсь предполагать, что онъ думаетъ, будто увеличеніе числа имущихъ можетъ происходить, благодаря сбереженіямъ рабочихъ. Остается, слѣдовательно, предположить другую причину, на которую онъ самъ указываетъ: *раздробленіе уже сконцентрированныхъ капиталовъ.*

Такое раздробленіе происходитъ безпрерывно. Его вызываетъ *право наслѣдованія.* Тогда какъ феодальное право наслѣдованія устанавливаетъ лишеніе наслѣдства для всѣхъ дѣтей, кромѣ одного, гражданское право предписываетъ раздѣленіе наслѣдства между всѣми дѣтьми. Конечно, это установленіе въ очень значительной степени мѣшаетъ концентраціи капиталовъ,—которая въ противномъ случаѣ развивалась бы еще гораздо быстрѣе. Но если раздѣлъ капиталовъ по наслѣдству приводитъ къ тому, что число капиталистовъ возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ народонаселеніе, то и

ихъ естественное размноженіе должно бы было быть болѣе быстрымъ, чѣмъ увеличеніе народонаселенія. Но какъ извѣстно, въ дѣйствительности происходитъ совершенно наоборотъ. Пролетаріи недаромъ носятъ это названіе: они производятъ многочисленныхъ proles (потомство). Вся же семейная политика капиталистовъ приноровлена къ тому, чтобы противодѣйствовать децентрализаціи, вызываемой раздѣленіемъ наслѣдства. Браки заключаются по возможности такъ, чтобы при этомъ происходило соединеніе двухъ пламенно стремящихся другъ къ другу капиталовъ, а „система двухъ дѣтей“ все болѣе и болѣе распространяется среди капиталистовъ. Поэтому предположеніе, что капиталисты производятъ относительно болѣе многочисленное потомство, чѣмъ наемные рабочіе, падаетъ само собой. Но откуда же взяться въ такомъ случаѣ „широкому раздробленію уже сконцентрированныхъ капиталовъ“? Вѣдь не раздаютъ же капиталисты своихъ капиталовъ въ подарокъ? Въ чемъ же состоитъ тотъ фактъ, который настолько неудобенъ для марксистовъ, что они стараются его скрыть или отдѣлываются отъ него словами? Мы не можемъ, конечно, заставить Бернштейна вѣрить въ честность его прежнихъ товарищей, но мы хотѣли бы знать, по крайней мѣрѣ, въ чемъ заключается наша нечестность.

Можетъ быть, Бернштейнъ думаетъ, что „форма акціонернаго общества“, хотя непосредственно и не производитъ никакихъ перемѣнъ въ распредѣленіи собственности, но развиваетъ тенденціи, ведущія къ децентрализаціи капиталовъ? Онъ этого не высказываетъ, и нѣтъ ни малѣйшаго основанія это предполагать. Все говоритъ противъ такого предположенія.

Надежныя акціи, дающія хорошій доходъ, захватываются крупными капиталистами. Для мелкоты остаются изъ бумагъ, дающихъ болѣе значительный доходъ, лишь *ненадежныя,* которыя служатъ не средствомъ превращать неимущихъ въ имущихъ, а средствомъ для спекулянтовъ выманивать трудовые гроши у мелкой буржуазіи и лучше оплачиваемаго слоя наемныхъ рабочихъ.

Даже Леруа-Болье, который видитъ вещи далеко не въ мрачныхъ краскахъ, вынужденъ замѣтить въ своей уже много разъ цитированной нами книгѣ: „хотя акціонерныя товарищества до сихъ поръ и давали могучій толчекъ духу предпринимательства и содѣйствовали развитію производства, но, несомнѣнно, они способствовали также и развитію *значительнаго неравенства собственности.* Они дали возможность финансистамъ столицы завладѣть значительной частью сбереженій публики; они въ гораздо большей сте-

пени, чѣмъ промышленность и торговля, были источникомъ колоссальныхъ состояній... Они, несомнѣнно, повели къ безмѣрному обогащенію нѣсколькихъ ловкачей и къ обѣдненію массы наивныхъ людей" (стр. 335, 338).

Возможность „широкаго раздробленія уже сконцентрированныхъ капиталовъ" принимаетъ здѣсь нѣсколько иную форму, чѣмъ у нашего марксиста.

Конечно, Леруа-Болье утѣшаетъ себя—здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ,—надеждой, что темныя стороны акціонернаго дѣла, вѣроятно, преходящи. Онъ писалъ это какъ разъ во время основанія Панамской компаніи.

Если форма акціонернаго общества служитъ, съ одной стороны, наилучшимъ средствомъ для улавливанія и обиранія простаковъ, то она въ то же время передаетъ въ распоряженіе капиталистовъ новыя средства, такъ какъ по существу она является лишь особой формой кредита. Кредитъ „не только самъ становится новымъ могучимъ оружіемъ въ конкурренціи. Невидимыми нитями стягиваетъ онъ разсѣянныя на поверхности общества болѣе или менѣе значительныя денежныя суммы въ руки индивидуальныхъ или ассоціированныхъ капиталистовъ. Это—специфическая машина для концентраціи капиталовъ" (Марксъ).

Бернштейнъ полагаетъ, что форма акціонернаго общества дѣлаетъ „*излишнимъ* присвоеніе капиталовъ отдѣльными магнатами въ цѣляхъ концентраціи промышленныхъ предпріятій". Но какая же намъ отъ этого польза, если „магнаты" не руководятся подобнымъ соображеніемъ, а пользуются этой формою для того, чтобы присоединять чужіе капиталы къ своимъ собственнымъ и этимъ путемъ создавать и эксплуатировать „промышленныя предпріятія" такихъ размѣровъ, для которыхъ не хватило бы ихъ собственныхъ средствъ?

Еще недавно мы читали въ одной американской газетѣ, что номинальная стоимость акцій „Standart-Oil-Trust'a равняется 97,250.000 долларовъ. John D. Rockefeller владѣетъ акціями на сумму 49.000.000 долл. Такимъ образомъ, онъ располагаетъ большинствомъ голосовъ, и акціонерная форма является для него лишь средствомъ распоряжаться суммой, вдвое большей, чѣмъ его собственная доля. Съ точки зрѣнія простого распредѣленія прибыли это можетъ казаться не имѣющимъ значенія. Но опредѣляющимъ соціальнымъ моментомъ является не распредѣленіе, а производство, въ области же производства сила, а слѣдовательно, и доходы такого человѣка, какъ Rockefeller, возрастаютъ до чрезвычайныхъ размѣровъ, благодаря взносамъ другихъ акціонеровъ.

Акціонерныя общества не только не устраняютъ концентраціи капиталовъ, а напротивъ,—являются средствомъ усиливать ее до крайнихъ предѣловъ. Лишь форма акціонерныхъ обществъ создаетъ возможность возникновенія и существованія тѣхъ гигантскихъ предпріятій, до которыхъ не доросли еще отдѣльные капиталы. Она является той формой, въ которой происходитъ монополизація отдѣльныхъ отраслей производства. Развѣ монопольность трестовъ, желѣзныхъ дорогъ, крупныхъ банковъ уменьшается отъ того, что эти учрежденія являются акціонерными обществами? И развѣ это мѣшаетъ имъ быть орудіемъ отдѣльныхъ финансистовъ-магнатовъ, которые „узурпируютъ и монополизируютъ всѣ выгоды этого процесса преобразованія?“

У насъ нѣтъ статистики распредѣленія акцій, но все указываетъ на то, что въ акціонерныхъ обществахъ происходитъ тотъ-же процессъ накопленія и сосредоточенія капитала, который наблюдается въ капиталистическихъ предпріятіяхъ.

Акціонерныя общества увеличиваютъ не число имущихъ, а лишь число бездѣятельныхъ имущихъ въ средѣ всего класса имущихъ. Они освобождаютъ капиталистовъ отъ функцій, принадлежащихъ имъ въ экономическомъ механизмѣ, и, такимъ образомъ, дѣлаютъ ихъ излишними уже и въ капиталистическомъ обществѣ. Этотъ именно фактъ особенно ярко и иллюстрируетъ быстрый ростъ числа акціонерныхъ обществъ.

„Постоянное увеличеніе числа товариществъ „на вѣрѣ“ освобождающихъ капиталистовъ отъ заботъ о помѣщеніи ихъ капиталовъ“, служитъ, по мнѣнію Бернштейна, признакомъ увеличенія числа имущихъ. Но оно доказываетъ лишь увеличеніе числа бездѣятельныхъ имущихъ, доказываетъ, какъ быстро классъ капиталистовъ становится излишнимъ въ экономическомъ общественномъ механизмѣ, какъ онъ все больше и больше превращается въ паразита общественнаго тѣла.

Быстрое увеличеніе числа акціонерныхъ обществъ доказываетъ не возрастаніе числа имущихъ, а возрастающую ненужность капиталистическаго производства, возрастающую возможность, даже необходимость соціалистическаго производства.

Но у Бернштейна есть еще доказательство увеличенія числа имущихъ:

„Если бы этотъ фактъ не былъ эмпирически установленъ ститистикой доходовъ и занятій, то можно было бы доказать чисто дедуктивнымъ путемъ, что онъ является неизбѣжнымъ результатомъ современнаго хозяйства.

„Что особенно отличаетъ современный способъ производ-

ства, это—громадное повышеніе производительной силы труда. Результатомъ его является не менѣе громадный ростъ производства,—массовое производство потребительныхъ благъ. Куда дѣвается это богатство? Или—чтобы сразу свести вопросъ къ самой сути дѣла—куда дѣвается прибавочный продуктъ, который производятъ промышленные наемные рабочіе, сверхъ своего собственнаго потребленія, ограниченнаго ихъ платой? Если бы „магнаты капитала“ потребляли даже въ десять разъ больше, если бы даже они держали въ десять разъ больше слугъ, чѣмъ они держатъ въ дѣйствительности,—все таки ихъ потребленіе по сравненію съ массой годичнаго національнаго продукта—не надо забывать вѣдь, что капиталистическое крупное производство есть прежде всего массовое производство,—было бы лишь перышкомъ на чашкѣ вѣсовъ... Куда же дѣвается та масса товаровъ, которую не потребляютъ магнаты и ихъ слуги? Если они не достаются тѣмъ или инымъ способомъ наемнымъ рабочимъ, то они должны поглощаться другими классами. Или прогрессирующее относительное уменьшеніе числа капиталистовъ и повышеніе благосостоянія наемныхъ рабочихъ,—или многочисленный средній классъ, такова единственная альтернатива, которую допускаетъ безпрестанное возрастаніе производства“ (стр. 51, 52).

Таково теоретическое доказательство, приводимое Бернштейномъ въ защиту своего тезиса, который, какъ мы видѣли, отнюдь не „установленъ эмпирически“ статистикой доходовъ и занятій. Во всякомъ случаѣ, это доказательство довольно оригинальное,—доказательство, заключающееся въ вопросѣ: куда же дѣвается богатство? Бернштейнъ не указываетъ, какъ и почему возрастающее общественное богатство увеличиваетъ число имущихъ; для него достаточно того, что онъ не знаетъ, куда бы иначе могло дѣваться богатство.

Попробуемъ дать отвѣтъ на вопросъ, отвѣтить на который долженъ былъ бы самъ Бернштейнъ.

Употребленіе прибавочной стоимости.

Обратимся сперва къ магнатамъ капитала. Достаточно взглянуть на образъ жизни „сливокъ“ общества въ Нью-Іоркѣ, Парижѣ, Лондонѣ, въ Ривьерѣ и другихъ модныхъ курортахъ, чтобы убѣдиться, что роскошь и мотовство страшно возрастаютъ, принимая иногда прямо-таки сумасбродныя формы. Виллы, замки, яхты, участки для охоты, празднества, любовныя похожденія, содержанки, карточные проигрыши — все это стоитъ каждому отдѣльному „магнату“ все бо́льшихъ и бо̀льшихъ суммъ, такъ какъ уровень жизни этихъ милыхъ людей повышается съ головокружительной быстротой, такъ что даже короли не всегда въ состояніи держаться на этомъ уровнѣ и прибѣгаютъ къ самымъ обычнымъ мошенничествамъ, чтобы не быть вынужденными выйти изъ этого круга бонвивановъ. Совершенно вѣрно, что вокругъ этихъ магнатовъ собирается все увеличивающееся число паразитовъ всѣхъ сортовъ, и что они много способствуютъ „раздробленію уже сконцентрированнаго капитала“. Но когда Бернштейнъ говорилъ объ увеличеніи числа „имущихъ“, то не подразумѣвалъ же онъ подъ ними этихъ паразитовъ, профессіональныхъ игроковъ, жокеевъ, содержанокъ и тому подобныхъ лицъ.

Одновременно съ ростомъ роскоши и расточительности отдѣльныхъ магнатовъ, быстро растетъ и ихъ число, гораздо быстрѣе, чѣмъ все населеніе или численность рабочаго класса. Это увеличеніе ихъ числа легче выразить въ цифрахъ, чѣмъ размѣры проматываемыхъ ими суммъ. Признакомъ быстраго расширенія круга капиталистовъ-магнатовъ можетъ служить тотъ фактъ, что въ Германской имперіи съ 1892 по 1895 г. число промышленныхъ предпріятій увеличилось лишь на 4,6%, населеніе на 14,5%, а число гигантскихъ предпріятій, занимающихъ болѣе 1.000 рабочихъ, на 100%! На аналогичное развитіе указываетъ, какъ мы видѣли, и сравнительно достовѣрная саксонская статистика доходовъ. Общее число зарегистрированныхъ физическихъ лицъ увеличилось за время съ 1879 по 1894 г. на 37,4%: съ 1.084,751 до 1.490.588 чел.; а число физическихъ лицъ съ громаднымъ доходомъ, превышающимъ 54.000 марокъ, увеличилось на

272%: съ 238 до 866 чел. Число *этихъ* имущихъ, дѣйствительно, возрастаетъ очень быстро.

Но дѣло не ограничивается тѣмъ, что растетъ число прожигателей жизни, растетъ расточительность въ такихъ размѣрахъ, которые не ведутъ къ окончательному разоренію населенія, благодаря только поразительному росту производительности труда при капиталистическомъ режимѣ. Растетъ также безличная, такъ сказать, расточительность, неизбѣжно связанная съ этимъ режимомъ.

Бернштейнъ самъ указываетъ на двѣ причины такой расточительности: „кризисы и непроизводительныя траты на войско и пр. поглощаютъ очень много, но, — оговаривается онъ,—въ послѣднее время они поглощаютъ лишь часть всего прибавочнаго продукта“. Такъ, конечно, было и не только въ послѣднее время. Вопросъ лишь въ томъ, какъ велика эта часть. Убытковъ, производимыхъ кризисами, невозможно выразить въ цифрахъ, стоимость же содержанія войскъ можно.

Въ Германской имперіи содержаніе сухопутнаго войска, флота и уплата процентовъ по государственнымъ займамъ, заключеннымъ лишь благодаря милитаризму, составляли въ 1874 г. 368 милліоновъ марокъ; въ 1899 г. эта сумма поднялась до 809 милліоновъ. Такимъ образомъ, эта сумма возрасла *болѣе, чѣмъ вдвое,* тогда какъ за это время населеніе увеличилось лишь съ 41 милліона (1871 г.) до 52 милліоновъ (1895 г.).

Но расточительность этимъ не исчерпывается. Вспомните только, что постоянное войско ежегодно отнимаетъ у производства сотни тысячъ мужчинъ въ рабочемъ возрастѣ. Въ 1874 г. такимъ путемъ растрачивалась рабочая сила 400.000 человѣкъ, въ настоящее же время—600.000 чел. Предположимъ, что каждый изъ нихъ могъ бы создать ежегодно продуктовъ лишь на 100 марокъ—считая вмѣстѣ и заработную плату, и прибавочную стоимость:—и въ такомъ случаѣ растрата рабочихъ силъ вслѣдствіе содержанія постояннаго войска выразилась бы уже въ 600 милліонахъ марокъ. Если же прибавить къ этому денежныя затраты на милитаризмъ, то мы получимъ сумму почти въ $1^1/_2$ милліарда (25 лѣтъ тому назадъ она равнялась приблизительно 800 милліонамъ), которая ежегодно отнимается отъ народнаго хозяйства. За 25 лѣтъ Германская имперія стала, благодаря своей арміи, бѣднѣе на 25 милліардовъ, на сумму, въ 6 разъ большую, чѣмъ уплаченная французами контрибуція. Это ужъ выходитъ довольно-таки значительная „часть всего прибавочнаго продукта“. Что, несмотря на это, милитаризмъ не приводитъ къ полному обнищанію народовъ, что онъ можетъ идти, какъ это доказываетъ примѣръ Германской имперіи, рука объ

руку съ значительнымъ увеличеніемъ общественнаго богатства, это объясняется лишь громадной производительностью труда при капиталистическомъ режимѣ. Тѣмъ пагубнѣе милитаризмъ для тѣхъ націй, въ которыхъ не существуетъ крупной промышленности, достаточно развитой и богатой капиталомъ. Тамъ „часть всего прибавочнаго продукта“, поглощаемая милитаризмомъ, такъ велика, что народное хозяйство изнемогаетъ подъ его гнетомъ, какъ это ясно показываетъ примѣръ Италіи и Испаніи.

Но милитаризмъ и кризисы не единственныя причины расточительности въ капиталистическомъ обществѣ. Авторъ настоящаго сочиненія указывалъ на нихъ въ 1889 г. въ своей статьѣ „Растрата силъ при капиталистическомъ способѣ производства“. Я прошу позволенія у читателя повторить нѣкоторыя изъ приведенныхъ тамъ разсужденій.

Немаловажной причиной растраты является *мода*. Измѣнчивость моды отнюдь не является закономъ природы, а составляетъ лишь особенность извѣстныхъ общественныхъ условій.

„Въ настоящее время любятъ объяснять общественныя явленія естественно-историческими понятіями. Корни столь молодой еще исторически „свободной конкурренціи“ усмотрѣли „въ вѣчномъ законѣ природы“,—„въ борьбѣ за существованіе“, и дурацкая перемѣна модъ на платья оказалась естественной необходимостью, такъ какъ ее свели къ половому подбору. При этомъ упустили изъ виду ту мелочь, что сущность моды заключается въ измѣнчивости, тогда какъ отличительные признаки, выработанные половымъ подборомъ, оставались неизмѣнными въ теченіе всего историческаго періода. Да и у людей мы видимъ, что первобытные народы крѣпко держатся за свою одежду и архитектуру и сохраняютъ ихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

„Лишь при извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ мы видимъ быстрыя измѣненія въ модѣ: въ революціонные періоды, когда быстро измѣняется характеръ общества, и въ періоды крайней роскоши, когда, съ одной стороны, господствующіе классы получаютъ такое количество прибавочной стоимости или прибавочнаго продукта, что должны проматывать, по крайней мѣрѣ, хоть часть его, чтобы какъ нибудь освободиться отъ него, и когда, съ другой стороны, проституція становится общественной силой.

„Общественный подборъ въ мірѣ животныхъ создаетъ у *самцевъ* бросающіеся въ глаза характерные признаки: гривы, пестрое опереніе, рога, пѣвучіе голоса и т. п. „Общественный подборъ“, практикуемый проститутками высшаго и низшаго сорта, создаетъ бросающіеся въ глаза *женскіе* на-

ряды... А въ глаза бросается больше всего новое. Отсюда измѣнчивость моды... Но не одно лишь это вызываетъ измѣнчивость моды. Быть одѣтымъ по послѣдней модѣ—признакъ благосостоянія, и это тѣмъ въ большей степени, чѣмъ быстрѣе мѣняются моды. Люди хотятъ не только быть одѣтыми въ новое, но и показать, что это новое не просто-новое, но и отличное отъ стараго. Ничто изъ того, что носилось въ минувшій сезонъ, не употребляется въ текущемъ... И не однѣ лишь дамы такъ часто мѣняютъ теперь свои костюмы. Мы знаемъ, какой дешевый и плохой товаръ вынуждены покупать рабочіе. Платья дѣвушекъ и женщинъ изъ народа изнашиваются такъ быстро, что ихъ надо часто замѣнять новыми. А если новое, то почему же не модное? Это вполнѣ соотвѣтствуетъ духу нашего времени, стремящагося стереть всѣ внѣшнія различія состояній,—когда все находится въ безпрестанномъ движеніи, все стремится къ новому. Раньше слѣдить за измѣненіемъ моды было привилегіей „высшихъ десяти тысячъ“. Теперь же „дамы“ съ глубокимъ возмущеніемъ замѣчаютъ, что даже среди служанокъ и фабричныхъ работницъ все болѣе и болѣе распространяется „страсть“ всегда быть одѣтыми по модѣ. Измѣненіе моды дѣйствуетъ теперь не только въ узкомъ кругу, а охватываетъ все общество и оказываетъ глубокое вліяніе на производство. Мода сразу обезцѣниваетъ массу почти или даже вовсе не бывшихъ въ потребленіи фабрикатовъ, которые или залеживаются въ складахъ, не находя сбыта, или бросаются, какъ ненужныя тряпки, если матеріалъ, изъ котораго они сдѣланы, нельзя подвергнуть переработкѣ. Такая смѣна модъ ведетъ къ чрезвычайной растратѣ всякаго рода продуктовъ. Но именно этимъ она нѣсколько смягчаетъ перепроизводство и создаетъ спросъ на новые продукты. Поэтому торговцы и фабриканты соотвѣтствующихъ товаровъ сами не рѣдко поощряютъ быструю и рѣзкую перемѣну моды, иногда даже прямо вызываютъ ее.

„Въ низшихъ слояхъ народа измѣнчивость моды распространяется лишь на одежду;—въ состоятельныхъ кругахъ также и на убранство домовъ. Благодаря безхарактерности нашего времени и отсутствію какого либо установившагося стиля, эти круги имѣютъ возможность измѣнять по первому желанію стиль своихъ жилищъ: сегодня въ модѣ нѣмецкій ренесансъ, завтра нелѣпый вычурный стиль, послѣзавтра пошлый стиль первой французской имперіи, пока, наконецъ, не получаетъ господства какая-то мѣшанина въ восточномъ стилѣ. Само собой ясно, что эта постоянная смѣна мебели, ковровъ и пр. ведетъ къ громадной растратѣ труда и матеріала...

„Укажемъ еще на одну присущую капиталистическому способу производства форму растраты силъ, вызываемую ростомъ большихъ городовъ...

„Скученіе большого количества людей на небольшомъ пространствѣ вызываетъ все большія неудобства, создаетъ для санитарной техники все болѣе трудныя проблеммы. Задачи, легко разрѣшимыя въ деревнѣ, какъ, напр., снабженіе чистой водой, вывозъ и утилизація отбросовъ, доставка припасовъ, устройство мѣстъ для игръ и отдыха,—въ большомъ городѣ вызываютъ устройство дорогихъ парковъ, возведеніе громадныхъ сооруженій, скотобоенъ, водопроводовъ, канализацій и т. п. Апологеты нашего общества съ гордостью и восторгомъ указываютъ на эти современныя чудеса міра, далеко превосходящія чудеса древняго міра: а между тѣмъ, эти тріумфы человѣческаго ума являются лишь палліативами для смягченія тѣхъ, ставшихъ нестерпимыми, золъ, о которыхъ и понятія не имѣетъ человѣкъ, живущій на лонѣ природы. Достаточно нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ для того, чтобы дальнѣйшій ростъ городского населенія сдѣлалъ эти палліативы непригодными, чтобы оказались необходимыми новыя, еще болѣе величественныя, еще болѣе дорогія сооруженія, чтобы сдѣлать городъ годнымъ для житья. Возникаютъ проекты снабженія Парижа водой изъ Швейцаріи и спуска его нечистотъ по каналу въ море. Подобнаго рода гигантскія сооруженія были бы совершенно излишними въ обществѣ, въ которомъ было бы устранено противорѣчіе между городомъ и деревней. Устройство ихъ—простая растрата силъ, которая, однако, неизбѣжна при современномъ способѣ производства. Извѣстно, какая при этомъ происходитъ растрата удобренія.

„Для развитія строительной промышленности эта все возрастающая потребность въ постройкахъ подобнаго рода, разумѣется, очень благопріятна. Ростъ большихъ городовъ благопріятствуетъ ей еще и другимъ путемъ. Деревня все болѣе пустѣетъ, жители ея переселяются въ города... Крестьянскіе дома пустѣютъ, ихъ прежнимъ жителямъ нужны новыя жилища въ городѣ. Усиленная строительная дѣятельность вызывается не ростомъ населенія, а лишь его перемѣщеніемъ. Это перемѣщеніе вызывается не тѣмъ, что людей привлекаетъ болѣе здоровая, красивая или плодородная мѣстность, не желаніемъ примѣнить свою работу производительнѣе, а простой потребностью быть ближе къ крупнымъ рынкамъ, гдѣ всякій товаръ, а также и товаръ-рабочая сила,—имѣетъ больше шансовъ найти покупателя, чѣмъ въ захолустьяхъ, лежащихъ въ сторонѣ отъ всемірнаго рынка.

„Но рость большихъ городовъ вызываетъ въ то же время нѣкоторую строительную дѣятельность и въ деревнѣ. Несмотря на всѣ гигіеническія предохранительныя мѣры и учрежденія, жизнь въ большихъ городахъ становится все болѣе нездоровой. Чтобы хоть нѣсколько возстановлять свое здоровье, для городскихъ жителей является все болѣе и болѣе необходимымъ проводить часть года внѣ города, на чистомъ воздухѣ, въ горахъ или на берегу моря. Имѣть одновременно жилище и въ столицѣ, и въ деревнѣ считалось раньше роскошью, которую позволяла себѣ лишь придворная знать,—теперь же это становится всеобщей потребностью всякой, даже самой скромной буржуазной семьи. Рядомъ съ пустующими крестьянскими домами вырастаютъ виллы и отели, переполненные нѣсколько недѣль въ году, а все остальное время года стоящіе пустыми.

„Такимъ образомъ, ростъ крупныхъ городовъ ведетъ къ постоянному увеличенію числа домовъ, которыми пользуются лишь отчасти, постройка которыхъ означаетъ растрату силъ.

„По мѣрѣ того, какъ разрастается большой городъ, внутри его также происходятъ постоянныя перемѣны. Вся дѣловая жизнь концентрируется въ его центральномъ пунктѣ, въ сравнительно небольшой части города. Туда каждый день устремляется все принимающее участіе въ дѣловой жизни населеніе; тамъ скопляется вся масса товаровъ, которую потребляетъ городъ или складомъ которыхъ онъ служитъ; отсюда расходятся люди и товары къ периферіи или въ каналы міровой торговли. Постоянный приливъ и отливъ массъ людей и массъ товаровъ растетъ изъ года въ годъ, требуетъ постояннаго расширенія путей сообщенія внутри города, требуетъ время отъ времени крупныхъ расходовъ на новые пути, требуетъ новыхъ мѣстъ подъ вокзалы и т. д. Такимъ образомъ, пространство, остающееся для домовъ, становится все меньше, а въ самомъ городѣ растетъ спросъ на конторы, магазины, товарные склады. Чтобы удовлетворить этому спросу, приходится замѣнять старые низкіе дома все болѣе и болѣе высокими. Результатомъ всего этого является постоянное революціонизированіе внутренняго города,—постоянное разрушеніе старыхъ зданій и постройка новыхъ, причемъ вызывается это не увеличеніемъ населенія, не техническими нуждами (напр., обветшаніемъ зданій), а лишь извѣстными особенностями современнаго способа производства.

„И въ этой области, какъ и во всѣхъ другихъ, гдѣ господствуетъ этотъ способъ производства, онъ оказывается поистинѣ революціоннымъ способомъ производства, не при-

знающимъ ничего прочнаго; онъ обезцѣниваетъ сегодня то, что вчера имъ же было создано, онъ старается все сдѣлать негоднымъ раньше, чѣмъ оно стало дѣйствительно негоднымъ, онъ съ легкимъ сердцемъ выбрасываетъ за бортъ результаты вчерашняго труда, чтобы завтра выбросить за бортъ результаты сегоднешняго".

Дальнѣйшее иллюстрированіе и обоснованіе этихъ положеній завело бы насъ слишкомъ далеко. Укажемъ только еще на одинъ видъ расточительности.

Капиталистическое развитіе ведетъ къ постоянному увеличенію промышленной резервной арміи, какъ это показалъ Марксъ. Надо думать, и Бернштейнъ не станетъ отрицать этого:—прямо объ этомъ онъ не высказывается. Часть этой резервной арміи составляютъ безработные, другую же часть составляютъ лица, занятыя всякими паразитными промыслами, изъ числа которыхъ особенно распространенъ промыселъ мелкихъ торговцевъ.

О числѣ безработныхъ въ различные періоды у насъ нѣтъ статистическихъ данныхъ, которыя можно было бы сравнивать.

Это число сильно колеблется, смотря по состоянію промышленныхъ дѣлъ. Всѣ признаки указываютъ на то, что во время кризиса 80-хъ годовъ оно достигало угрожающихъ размѣровъ. То же самое было во время угнетеннаго состоянія въ началѣ истекшаго десятилѣтія, въ 1892—94 г.г. Но даже и во время процвѣтанія промышленности безработные никогда не исчезаютъ совершенно. Въ 1895 г. была произведена перепись безработныхъ въ Германской имперіи. Тогда начинался уже промышленный подъемъ. 14-го іюня зарегистрировано было 299,352 безработныхъ, а 2-го декабря—771.005 безработныхъ, т. е. 1.9% въ іюнѣ, 4.8% въ декабрѣ всего числа сосчитанныхъ тогда наемныхъ рабочихъ.

Изъ числа зарегистрированныхъ безработныхъ не имѣли работы:

по болѣзни		по другимъ причинамъ	
14-го іюня	2-го декабря	14-го іюня	2-го декабря
120.348	217.365	179.004	553.640

Такимъ образомъ, безработные по другимъ причинамъ, кромѣ болѣзни, составляли лѣтомъ только 1.11% всего числа наемныхъ рабочихъ, а зимой 3.43%.

Колебанія безработности въ отдѣльныхъ областяхъ народнаго хозяйства были громадны. Такъ, насчитывалось:

	Безработн. (не больн.)		Число безработн. въ 0/0 къ числу рабочихъ.		На 100 безраб. въ іюнѣ приходилось въ декабрѣ:
	14 іюня.	2 декаб.	14 іюня	2 дек.	
Сельское хозяйство . . .	18.442	158.340	0.33	2.82	858.06
Промышленность по обработкѣ камня и глины	3.058	20.615	0.65	4.40	674.01
Строительная промышл.	19.408	145.121	1.68	12.60	747.74

Особенно велико число безработныхъ въ нѣкоторыхъ крупныхъ городахъ. Такъ, насчитано безработныхъ (кромѣ больныхъ):

Въ іюнѣ 1895 г.	0/0 рабочихъ:
Въ Гамбургѣ	6.24
„ Альтонѣ	5.79
„ Берлинѣ	4.70
„ Лейпцигѣ	4.05

Въ дек. 1895 г.	0/0 рабочихъ:
Въ Альтонѣ	9.51
„ Данцигѣ	9.09
„ Кенигсбергѣ	7.57
„ Штеттинѣ	7.19
„ Гамбургѣ	6.94
„ Берлинѣ	6.36
„ Магдебургѣ	6.11

Эти цифры уже очень высоки. Но онѣ были бы, очевидно, гораздо выше, если бы, вмѣсто того, чтобы два раза подсчитывать безработныхъ въ моментъ производства переписи, записывался каждый, кто оставался безъ работы хоть разъ въ теченіе даннаго года,—и затѣмъ, еслибы къ безработнымъ причисляли каждаго, кто не имѣлъ работы въ своемъ *главномъ занятіи*.

Въ Англіи среди организованныхъ рабочихъ, — которые имѣютъ гораздо болѣе постоянную работу, чѣмъ масса неорганизованныхъ рабочихъ,—число безработныхъ составляло въ 1893 г.—7.5 0/0 въ 1894 г. — 6.9 0/0 и въ 1895 г. — 5.8 0/0 всего числа трэдъ-юніонистовъ.

Лучшею переписью безработныхъ является, надо полагать, та, которая была произведена въ Соед. Штатахъ во время послѣдней переписи населенія. Она регистрируетъ не тѣхъ, кто былъ безъ работы во время переписи, а всѣхъ тѣхъ, которые въ теченіе послѣдняго года (съ 1-го іюня 1889 г.—по 31-ое мая 1890 г.) хоть разъ не имѣли работы въ своемъ промыслѣ. Тогда насчитывалось безработныхъ мужчинъ—3.013.117, женщинъ—510.613, что составляетъ по отношенію ко всему числу *занятыхъ во всѣхъ промыслахъ* (а не только къ числу наемныхъ рабочихъ)—16% мужчинъ и 13% женщинъ. И это въ періодъ промышленнаго процвѣтанія!

Безработные респредѣлялись по отдѣльнымъ отраслямъ производства слѣдующимъ образомъ:

ЗАНЯТІЯ.	Занятыхъ въ производствѣ мужчинъ, старше 10 л.			Занятыхъ въ производствѣ женщинъ, старше 10 л.		
	Всего.	Изъ нихъ безработн.		Всего.	Изъ нихъ безработн.	
		Число.	%		Число.	%
Сельское хозяйство, рыболовство, строительн. промыселъ . . .	8.333.813	1.120.827	13.45	679.523	108.973	16.04
Свободныя профессіи	632.646	54.654	8.64	311.657	87.920	28.21
Личныя услуги . .	2.692.879	689.307	25.60	1.667.698	130.774	7.84
Торговля и транспортъ	3.097.701	247.757	8.00	228.421	15.114	6.62
Промышленность .	4.064.051	900.572	22.16	1.027.242	167.832	16.34
Всего . . .	18.821,090	3.013.117	16.01	5.914.541	510.613	13%

Больше всего безработныхъ оказалось, такимъ образомъ, въ промышленности и въ профессіи личныхъ услугъ—почти *четверть* всего числа занятыхъ въ этихъ отрасляхъ лицъ!

Изъ числа зарегистрированныхъ оставались безъ работы въ теченіе:

БЕЗРАБОТНЫХЪ:	1—3 мѣс.		4—6 мѣс.		7—12 мѣс.	
	Число.	%	Число.	%	Число.	%
Мужчинъ.	1.553.750	51.57	1.179.426	39.14	729.932	9.2
Женщинъ.	265.106	51.92	188.992	37.01	56.51	11.07

Такимъ образомъ, почти половина безработныхъ оставались безъ работы въ теченіе болѣе четырехъ мѣсяцевъ въ году! По разсчету „Итоговъ переписи“, въ каждый мѣсяцъ года въ странѣ находится среднимъ числомъ *свыше одного милліона* безработныхъ, т. е. круглымъ счетомъ 5% участвующаго въ промысловой дѣятельности населенія.

Какими оказываются эти цифры во время кризиса, — объ этомъ нѣтъ данныхъ ни въ какой переписи.

Но безработные составляютъ лишь часть того относительнаго перенаселенія, которое создается развитіемъ капитализма. Кто теряетъ работу въ своемъ промыслѣ, кто не принадлежитъ ни къ какой организаціи, которая оказывала бы ему поддержку, кто не имѣетъ надежды въ скоромъ времени снова получить мѣсто въ томъ же промыслѣ, — тотъ стремится устроиться—хотя бы на время—въ какой-либо другой отрасли промышленности. Особенно пригодна для такого времени занятія паразитная мелочная торговля: самостоятельные „предприниматели“ этой отрасли—разнощики товаровъ, газетъ и пр., мелочные торговцы и т. п. — часто представляютъ собою лишь особаго рода безработныхъ, стоящихъ ступенью выше нищенства.

Въ Германской имперіи съ 1882 по 1895 г. число лицъ, занятыхъ сельскимъ хозяйствомъ, совершенно не измѣнилось; число лицъ, занятыхъ промышленностью возросло лишь на 29,5%, а занятыхъ торговлей, транспортомъ и т. д.—возросло на 49%.

Замѣтимъ, кстати, для иллюстраціи сказаннаго выше, относительно строительнаго промысла, что въ то время, какъ число лицъ, занятыхъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности возросло на 29%,—число лицъ, занятыхъ въ строительномъ промыслѣ (который является чисто мѣстнымъ, не экспортнымъ промысломъ) возросло на 42.9%, а все населеніе возросло только на 14.5%.

Одни уже эти примѣры указываютъ на цѣлый рядъ явленій, которыя могутъ объяснить поглощеніе продуктовъ возрастающей производительности труда и безъ увеличенія числа имущихъ: съ одной стороны, постоянно увеличивающаяся растрата рабочихъ силъ, ростъ непроизводительныхъ элементовъ общества; съ другой стороны, все возрастающая растрата продуктовъ труда.

Но мы еще не указали важнѣйшаго отводнаго канала для постоянно возрастающаго избытка продуктовъ именно *накопленія капитала.*

Бернштейнъ разсуждаетъ такъ, какъ будто мы живемъ еще во времена натуральнаго хозяйства, когда эксплуататоры не могли сдѣлать ничего иного съ тѣмъ прибавочнымъ про-

дуктомъ, который они въ натуральной формѣ выжимали изъ своихъ подданныхъ, какъ только потреблять его со своими собутыльниками и слугами. „Если бы магнаты капитала“, говоритъ Бернштейнъ:—„потребляли даже въ десять разъ больше, если бы даже они держали въ десять разъ больше слугъ, чѣмъ они держатъ въ дѣйствительности,—все таки ихъ потребленіе было бы, по сравненію съ массой годичнаго національнаго продукта, лишь перышкомъ на чашкѣ вѣсовъ“.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Бернштейна, магнаты капитала не могутъ сдѣлать съ ежегодными доходами ничего иного, какъ только откармливать себя самихъ и своихъ слугъ! Не удивительно послѣ этого, что онъ спрашиваетъ: куда же дѣвается прибавочный продуктъ?

Если бы онъ вспоминалъ о „Капиталѣ“ Маркса не для того только, чтобы заниматься разыскиваніемъ противорѣчій и тенденціозныхъ извращеній, то онъ зналъ бы, что 22-ая глава (I-го тома), трактующая о превращеніи прибавочной стоимости въ капиталъ, есть одна изъ самыхъ важныхъ и самыхъ блестящихъ главъ книги. Ежегодный доходъ капиталистовъ дѣлится на двѣ части: фондъ личнаго потребленія и фондъ накопленія. Чѣмъ больше одна изъ этихъ частей, тѣмъ меньше другая. Но общественная задача капиталистовъ состоитъ, главнымъ образомъ, въ накопленіи, въ собираніи капитала. Въ началной стадіи капиталистическаго способа производства, когда производительность труда и норма прибавочной стоимости не высоки, а слѣдовательно, и доходъ средняго капиталиста не великъ,—накопленіе капитала можетъ очень сильно страдать отъ расточительной жизни капиталиста. Расточительность считается въ этотъ періодъ порокомъ дворянства, и этому пороку противопоставляются бережливость и даже скупость, какъ буржуазныя добродѣтели. Но чѣмъ больше возрастаетъ производительность труда, тѣмъ больше можетъ ускоряться накопленіе, несмотря на роскошь капиталистовъ. „Магнатъ“ можетъ дать больше свободы своимъ низшимъ и высшимъ влеченіямъ и превращать въ то же время съ каждымъ годомъ все большую и большую долю загребаемой имъ прибавочной стоимости въ новыя средства производства.

Если Бернштейнъ спрашиваетъ: куда дѣвается прибавочный продуктъ, то пусть онъ взглянетъ на новыя фабрики, желѣзодѣлательные и горные заводы, на новыя желѣзныя дороги, возникающія рядомъ со старыми; пусть онъ взглянетъ на тѣ страны, которыя еще нѣсколько десятилѣтій, иногда нѣсколько лѣтъ тому назадъ были пустынями или странами первобытныхъ варваровъ, и въ которыхъ теперь

возникаетъ развитое капиталистическое земледѣліе, капиталистическіе пути сообщенія, капиталистическая промышленность. Все это безконечное количество новыхъ средствъ производства есть продуктъ того прибавочнаго труда, который доставляютъ наемные рабочіе капиталу. Это—такой же „прибавочный продуктъ", присваиваемый капиталистомъ, какъ и его трюфели и устрицы, его скаковыя лошади и замки, брильянты его жены и его любовницъ.

Классъ капиталистовъ начинаетъ жить съ такой роскошью, которая была неслыханной со временъ римской имперіи; онъ соединяетъ съ этимъ такое расширеніе производительной силы труда, такое расширеніе—въ теченіе немногихъ десятилѣтій—области капиталистическаго производства, съ быстротой котораго во всей всемірной исторіи ничто не можетъ даже приблизительно сравниться. А Бернштейнъ, точно не желая видѣть этого бросающагося въ глаза, прямо-таки сказочнаго развитія, спрашиваетъ: куда дѣвается прибавочный продуктъ?..

По вопросу объ увеличеніи массы прибавочной стоимости и числа имущихъ можно ограничиться вышеизложеннымъ. Мы видимъ, что первое явленіе отнюдь не необходимо вызываетъ второе. Какъ цифры статистики подоходнаго налога и данныя объ акціонерныхъ обществахъ, такъ и возрастаніе числа наемныхъ рабочихъ, возрастаніе производительности ихъ труда (а все это свидѣтельствуетъ о возрастаніи массы прибавочной стоимости)—не даютъ даже и тѣни доказательства того положенія, что распредѣленіе имуществъ развивается въ иномъ направленіи, чѣмъ концентрирующійся капиталъ.

На этомъ можно бы и кончить, но чтобы не дать повода къ какимъ либо недоразумѣніямъ, мы должны прибавить еще нѣсколько замѣчаній.

Мы уже видѣли, что Бернштейнъ ясно не сказалъ, чтб онъ понимаетъ подъ увеличеніемъ числа имущихъ: увеличеніе ли числа капиталистовъ, повышеніе ли жизненнаго уровня населенія вообще, или возникновеніе новаго средняго сословія на мѣсто падающаго стараго. Это—три совершенно различныя явленія, которыя необходимо строго отличать одно отъ другого.

Какъ обстоитъ дѣло съ увеличеніемъ числа капиталистовъ, мы уже видѣли. Мы наблюдаемъ быстрое увеличеніе числа крупныхъ капиталистовъ, но въ тоже время относительное уменьшеніе числа болѣе мелкихъ предпринимателей; мы не замѣчаемъ никакихъ признаковъ того, чтобы это уменьшеніе превращалось, благодаря акціонернымъ обществамъ, въ увеличеніе числа мелкихъ капиталовъ.

Новое среднее сословіе.

Прежде, чѣмъ оставить тему объ увеличеніи числа имущихъ и перейти къ другимъ темамъ, разсмотримъ еще вкратцѣ то мнѣніе, что Бернштейнъ подъ этимъ увеличеніемъ подразумѣваетъ не увеличеніе числа капиталистовъ, а увеличеніе тѣхъ слоевъ населенія, которые по размѣрамъ своихъ доходовъ составляютъ средніе слои населенія. Такое пониманіе словъ Бернштейна могло бы объяснить намъ, почему онъ придаетъ столь большое значеніе статистикѣ подоходнаго налога, которая вѣдь ничего не говоритъ о распредѣленіи собственности. Да и нѣкоторыя изъ его выраженій тоже указываютъ на подобное пониманіе, хотя въ другихъ мѣстахъ онъ очень недвусмысленно говоритъ объ увеличеніи числа капиталистовъ.

Если бы Бернштейнъ хотѣлъ сказать только то, что среднее сословіе не вымираетъ, а лишь смѣняется новымъ среднимъ сословіемъ, что на смѣну самостоятельнымъ ремесленникамъ и мелкимъ торговцамъ выступаетъ „интеллигенція“, то мы, безъ всякихъ оговорокъ, согласились бы съ нимъ. Я могу сослаться на то, что еще въ 1896 г. въ рядѣ статей объ „интеллигенціи“ я призналъ возникновеніе этого средняго сословія и указывалъ, что одна изъ важнѣйшихъ задачъ нашей партіи состоитъ въ изученіи предварительныхъ условій привлеченія этого слоя населенія на нашу сторону. „Образуется новое, численно очень значительное и постоянно возрастающее среднее сословіе, ростъ котораго можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, покрыть собою убыль всего средняго сословія, вызываемую паденіемъ мелкаго производства“.

Главная причина роста этого слоя населенія заключается въ томъ, что господствующіе классы все болѣе и болѣе передаютъ свои функціи получающимъ плату интеллигентнымъ рабочимъ, продающимъ свой трудъ или по частямъ — какъ, напр., врачи, адвокаты, художники, — или за опредѣленное жалованье, какъ, напр., всевозможныя должностныя лица. Въ средніе вѣка духовенство поставляло ученыхъ, врачей, художниковъ и часть чиновниковъ; дворянство точно также занималось дѣлами общественнаго управленія, вѣдало судъ и полицію, а главное, несло военную службу. Съ развитіемъ

современнаго государства и современной науки у обоихъ названныхъ классовъ были отняты ихъ функціи. Сами эти классы продолжали существовать, но, утративъ свое соціальное значеніе, они потеряли въ большинствѣ случаевъ и свою независимость.

Функціи же, отнятыя у нихъ, съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе расширялись. Изъ года въ годъ растетъ число отправляющихъ эти функціи рабочихъ силъ, по мѣрѣ того, какъ растутъ задачи, которыя ставитъ соціальное развитіе государству, общинамъ, наукѣ.

Но и классъ капиталистовъ давно уже сталъ освобождать себя отъ своихъ функцій въ торговлѣ и промышленности и передавать ихъ получающимъ плату рабочимъ, купцамъ и техникамъ. Сначала они были только помощниками капиталистовъ, передававшихъ имъ лишь ту часть своихъ функцій по надзору за рабочими, по организаціи труда, по покупкѣ средствъ производства и продажѣ продуктовъ, съ которой они сами не могли управиться вслѣдствіе возрастающей потребности въ спеціальной подготовкѣ, необходимой для отдѣльныхъ функцій; но, въ концѣ концовъ, капиталистъ сталъ совершенно излишнимъ, благодаря акціонернымъ обществамъ, которыя передаютъ даже главное управленіе предпріятіемъ наемному лицу. Что акціонерныя общества способствуютъ возрастанію числа хорошо оплачиваемыхъ служащихъ и, такимъ образомъ, содѣйствуютъ образованію средняго сословія,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Если Бернштейнъ подразумѣваетъ подъ имущими людей, получающихъ средній доходъ, тогда онъ можетъ, конечно, сказать, что акціонерныя общества способствуютъ увеличенію ихъ числа,—но они производятъ это дѣйствіе отнюдь не потому, что даютъ возможность раздроблять капиталы.

Интеллигенція является тѣмъ слоемъ населенія, который возрастаетъ особенно быстро. По германской промысловой переписи, число занятыхъ въ промыслахъ рабочихъ возросло съ 1882 по 1895 годъ на 62.6%, а число служащихъ на 118.9%. Однако этотъ быстрый приростъ служащихъ былъ еще недостаточенъ, чтобы парализовать относительное уменьшеніе числа предпринимателей, абсолютное число которыхъ увеличилось лишь на 1.3%. Составъ занятаго въ производствѣ персонала выражается въ процентахъ слѣдующимъ образомъ:

	1882 г.	1898 г.
Предпринимателей	39.6	28.7
Служащихъ	2.8	4.4
Рабочихъ	57.6	66.9

Такимъ образомъ, если бы мы причислили и служащихъ, и предпринимателей вмѣстѣ къ „имущимъ“, то увидѣли бы, что съ 1882 по 1895 г. ихъ процентная доля упала съ 42.4% до 33.1%. И при такомъ подсчетѣ мы все же не могли бы придти къ результатамъ, подтверждающимъ взгляды Бернштейна.

Результатъ получится тотъ же, если мы, пользуясь статистикой занятій, примемъ во вниманіе и сельское хозяйство. Въ Германской имперіи считалось на каждые 100 человѣкъ, занятыхъ въ производствѣ:

		Самостоятельн.	Служащихъ.	Рабочихъ.
Въ сельскомъ хозяйст..	1882	27.78	0.81	71.41
	1895	30.98	1.16	67.86
Въ промышленности . .	1882	34.41	1.55	64.04
	1895	24.90	3.18	71.92
Въ торговлѣ	1882	44.67	9.02	46.31
	1895	36.07	11.20	52.73
Всего . .	1882	32.03	1.90	66.07
	1895	28.94	3.29	67.77

Меньше прироста числа служащихъ въ промышленности, но все же больше прироста всего населенія (14.5%), былъ приростъ числа государственныхъ, общинныхъ и церковныхъ чиновниковъ и числа лицъ, занимающихся свободными профессіями. Ихъ число возрасло съ 579.322 до 794.983, т. е. на 37.2%.

Такимъ образомъ, численность этихъ элементовъ быстро возрастаетъ. Однако мы впали бы въ большую ошибку, если бы отнесли ихъ просто къ имущимъ. Новое среднее сословіе возникаетъ на совершенно иныхъ основаніяхъ, чѣмъ старое. Старое было прочнымъ оплотомъ частной собственности на средства производства, такъ какъ на ней основывалось его существованіе.

На совершенно иныхъ основаніяхъ покоится новое среднее сословіе. Частная собственность на средства производства не имѣетъ для него, въ большинствѣ случаевъ, никакого значенія. Тамъ, гдѣ представители этого сословія являются въ качествѣ самостоятельныхъ работниковъ, средства производства почти всегда имѣютъ самую незначительную цѣнность—какъ, напр., у художниковъ, врачей, писателей. Тамъ же, гдѣ средства производства являются капиталомъ,—„умственные работники“ оказываются, въ большинствѣ случаевъ, въ роли наемныхъ рабочихъ, а не капиталистовъ.

Но, конечно, было бы также совершенно невѣрно при-

числять новое среднее сословіе безъ всякихъ оговорокъ къ наемнымъ рабочимъ.

Это сословіе вышло изъ буржуазіи, оно связано съ ней самыми разнообразными родственными и соціальными отношеніями, оно стоитъ на томъ же жизненномъ уровнѣ, что буржуазія. Цѣлый рядъ интеллигентныхъ профессій связанъ съ буржуазіей еще тѣснѣе,—это именно тѣ, которыя своей дѣятельностью дѣлаютъ капиталиста излишнимъ, которые берутъ на себя его функціи, въ качествѣ директоровъ предпріятій или низшихъ служащихъ въ нихъ. Но съ функціями капиталистовъ, къ нимъ переходитъ также и ихъ образъ мыслей, ихъ антагонизмъ къ наемнымъ рабочимъ. У другихъ профессій интеллигенціи сама профессіональная дѣятельность состоитъ въ проявленіи опредѣленныхъ политическихъ или религіозныхъ взглядовъ. Это надо сказать о политическихъ журналистахъ, нѣкоторыхъ судебныхъ чиновникахъ, напр., прокурорахъ, о полицейскихъ, духовныхъ и т. п. Государство, церковь, капиталистическіе издатели и т. п. даютъ въ этихъ профессіяхъ занятія лишь такимъ людямъ, которые или раздѣляютъ взгляды своихъ работодателей, или готовы отстаивать чужіе взгляды—за плату. И это обстоятельство порождаетъ антагонизмъ многихъ „интеллигентовъ“ къ пролетаріату.

Но самый широкій антагонизмъ между интеллигенціей и наемными рабочими порождается тѣмъ, что первая принадлежитъ къ привилегированному классу. Ея особенно выгодное положеніе основывается на *привиллегіи образованія*. Правда она крайне заинтересована въ такомъ распространеніи образованія среди народной массы, чтобы эта масса понимала значеніе науки и преклонялась передъ нею и ея представителями, но, съ другой стороны, личный интересъ интеллигенціи заставляетъ ее выступать противъ всѣхъ стремленій расширить кругъ тѣхъ, кому доступно высшее спеціальное образованіе.

Капиталистическій способъ производства, конечно, нуждается въ большомъ числѣ интеллигентовъ. Учебныя учрежденія феодальнаго государства были недостаточны для ихъ подготовки. Поэтому буржуазный режимъ повсюду поощрялъ улучшеніе и расширеніе не только низшаго, но и высшаго образованія. Такимъ путемъ думали не только дать толчекъ развитію производства, но и повліять на смягченіе классовыхъ противоположностей. Такъ какъ высшее образованіе поднимаетъ людей на уровень буржуазіи, то считали само собою понятнымъ, что всеобщее распространеніе высшаго образованія будетъ равносильно всеобщему подъему наемныхъ рабочихъ на уровень буржуазныхъ условій жизни.

Но буржуазный standard of life (уровень жизни) лишь тамъ оказывается непремѣннымъ спутникомъ высшаго образованія, гдѣ это послѣднее является привиллегей. Гдѣ же оно становится всеобщимъ, тамъ оно не поднимаетъ наемнаго рабочаго на уровень буржуа, а напротивъ, принижаетъ „умственнаго работника“ до уровня наемнаго рабочаго. Это тоже одно изъ проявленій процесса обнищанія народной массы.

Въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ учрежденія для народнаго образованія распространены въ достаточной степени, чтобы уничтожить прежнюю привиллегію образованія, — въ интеллигенціи начинаетъ уже появляться, въ силу указанной причины, враждебность къ распространенію образованія. Эти враждебные образованію слои попадаютъ въ противорѣчіе съ современнымъ способомъ производства, они становятся злѣйшими врагами прогресса, они соединяются съ самыми реакціонными изъ реакціонеровъ,—со сторонниками цеховъ и аграріями. Мы видимъ, что цвѣтъ современной науки, профессора и студенты университетовъ, всего энергичнѣе возстаютъ противъ женскаго образованія, стараются оттѣснить еврейскую интеллигенцію отъ соперничества за мѣста и занятія, стремятся сдѣлать высшее образованіе дорогимъ и недоступнымъ людямъ небогатымъ... Въ этомъ они наталкиваются на самое энергичное противодѣйствіе пролетаріата, который борется со всѣми привиллегіями, въ томъ числѣ и съ привиллегіей образованія.

Несмотря на всѣ препятствія, распространеніе народнаго образованія идетъ впередъ, а вмѣстѣ съ этимъ одинъ слой интеллигенціи за другимъ подпадаетъ процессу пролетаризаціи. Представьте только себѣ, какую громадную массу выпускаютъ изъ года въ годъ наши музыкальныя училища— музыкантовъ, наши художественныя училища — скульпторовъ и художниковъ, наши промышленныя училища — механиковъ и химиковъ. А процессъ капиталистической концентраціи пролагаетъ себѣ дорогу уже и въ области торговли, и въ области искусства, и въ области прикладной науки: размѣръ капитала, необходимаго для того, чтобы основать въ этихъ отрасляхъ самостоятельное и жизнеспособное предпріятіе, становится все больше. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ растетъ число обученныхъ рабочихъ во всѣхъ этихъ профессіяхъ,—все больше уменьшаются ихъ шансы стать семостоятельными предпринимателями, все чаще работа по найму становится ихъ удѣломъ на всю жизнь. Въ то же время быстрое увеличеніе числа обученныхъ рабочихъ неуклонно ведетъ къ тому, что одинъ слой интеллигентовъ за другимъ лишается возможности основывать свое

благосостояніе на цеховой замкнутости и искусственномъ ограниченіи круга конкуррентовъ. И здѣсь начинается процессъ роста соціальнаго обнищанія, и этотъ процессъ чувствуется тѣмъ болѣзненнѣе, что интеллигентъ измѣряетъ свою нищету прямо посредствомъ сравненія своего положенія съ повышающимся жизненнымъ уровнемъ буржуазіи. Поддержать свой жизненный уровень — хотя бы только на показъ—на опредѣленной высотѣ, это—вопросъ жизни для умственнаго работника. Если у рабочихъ — представителей физическаго труда—физическое обнищаніе обнаруживается прежде всего въ ухудшеніи ихъ жилища, затѣмъ—одежды и уже послѣ всего—питанія, то у представителей умственнаго труда дѣло обстоитъ наоборотъ. Сберегать начинаютъ они прежде всего на пищѣ.

Теорія кризисовъ.

По сравненію съ теоріей канцентраціи капитала и обострепія соціальныхъ противорѣчій теорія періодическихъ хозяйственныхъ кризисовъ имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Кризисы усиливаютъ вліяніе указаннаго развитія, они ускоряютъ процессъ концентраціи капитала, увеличиваютъ массу наемныхъ рабочихъ и шаткость ихъ положенія. Но окончательный результатъ этого развитія нисколько не измѣнялся бы, еслибы неизбѣжность періодическихъ кризисовъ не коренилась необходимо въ самой сущности капиталистическаго способа производства.

Бернштейнъ не заходитъ, однако, такъ далеко, чтобы утверждать это съ полной опредѣленностью. Мы уже указывали, что въ одной изъ своихъ статей о „Проблемахъ“ и т. д. Бернштейнъ воевалъ противъ теоріи кризисовъ какого-то великаго незнакомца,—теоріи, по которой соціализмъ явится результатомъ имѣющаго наступить мірового кризиса. Марксъ и Энгельсъ никогда такого утвержденія не выставляли; вы не найдете его также ни въ одномъ изъ болѣе извѣстныхъ максистскихъ сочиненій. Тѣмъ не менѣе Бернштейнъ въ своей книгѣ „Die Voraussetzungen“ и т. д. повторяетъ тѣ же разсужденія (изложенныя въ этихъ статьяхъ), не указывая уже при этомъ того особаго взгляда, противъ котораго были первоначально направлены эти разсужденія. Связь этихъ разсужденій съ изслѣдованіемъ предпосылокъ соціализма остается, поэтому, очень неясной; читатель напрасно ищетъ отвѣта на вопросъ, что собственно хочетъ доказать авторъ разсужденіями о томъ, что въ ближайшемъ будущемъ нельзя ожидать съ безусловной необходимостью наступленія мірового кризиса, что будущіе кризисы примутъ, можетъ быть, форму кризисовъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности отдѣльныхъ странъ. Вѣдь, и въ этомъ случаѣ кризисы оказали бы то же самое дѣйствіе, обостряющее процессъ развитія капитализма.

Такимъ образомъ, мы можемъ совершенно спокойно выдѣлить вопросъ о кризисахъ изъ разбираемаго Бернштейномъ вопроса о предпосылкахъ соціализма. Мы тѣмъ охотнѣе переходимъ отъ этого вопроса къ „очереднымъ дѣламъ,“

что мы вполнѣ сознаемъ громадныя трудности этого вопроса: полное преодолѣніе этихъ трудностей потребовало бы гораздо больше времени и мѣста, чѣмъ тѣ, которыми мы теперь располагаемъ.

Если мы, тѣмъ не менѣе, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній по этому вопросу, то лишь для того, чтобы устранить нѣкоторыя недоразумѣнія, вызванныя главой о кризисахъ (въ книгѣ Бернштейна).

Нѣкоторые мудрецы дошли и до такого утвержденія, будто Бернштейнъ совершенно ниспровергъ Марксову теорію кризисовъ, доказавъ, что десятилѣтняго цикла кризисовъ въ дѣйствительности не существуетъ.

На это надо прежде всего замѣтить, что 10-лѣтній циклъ кризисовъ—вовсе не *теорія* Маркса, а *эмпирически* установленный фактъ. Крупные промышленные кризисы были въ 1815, 1825, 1836, 1847, 1857 годахъ. Затѣмъ послѣдовали большія войны: итальянская, американская междуусобная, датская, прусско-австрійская, нѣмецко-французская, и съ тѣхъ поръ десятилѣтній (приблизительно) циклъ нарушенъ. Слѣдующій общій кризисъ былъ въ 1873 г.; за нимъ послѣдовало угнетенное состояніе, продолжавшееся неслыханно долго, — полтора десятка лѣтъ; наконецъ, къ концу 80-хъ годовъ наступилъ новый подъемъ промышленности; нѣсколько лѣтъ спустя—опять періодъ общаго неблагопріятнаго хода промышленныхъ дѣлъ и сильныхъ кризисовъ въ отдѣльныхъ странахъ, напр., въ 1890 г. въ Аргентинѣ, въ 1893 г. въ Соединенныхъ Штатахъ; теперь, мы снова переживаемъ періодъ общаго процвѣтанія промышленности. Является ли онъ предвѣстникомъ новаго кризиса, или ему суждено начать собой эру продолжительнаго и ненарушимаго капиталистическаго благополучія?

Биржа уже готовится къ будущему кризису. У нея, повидимому, кругозоръ шире, чѣмъ у многихъ изъ нашихъ молодыхъ марксистовъ, которымъ достаточно было какихъ нибудь двухъ лѣтъ процвѣтанія промышленности, чтобы выбросить за бортъ опытъ цѣлаго вѣка и тѣ теоріи, въ которыхъ нашелъ себѣ выраженіе этотъ опытъ. Пусть нѣкоторые, болѣе или менѣе соціалистическіе, теоретики считаютъ теорію кризисовъ Маркса опровергнутой. Всѣ же буржуазные практики уже принимаютъ въ расчетъ кризисъ, ожидаемый черезъ немного лѣтъ.

Марксъ не *открылъ* циклъ кризисовъ, а *наблюдалъ* и *объяснилъ* его. Что циклъ этотъ пересталъ быть десятилѣтнимъ, это было извѣстно задолго до Бернштейна. Бернштейнъ и не утверждаетъ, что онъ этимъ сказалъ марксистамъ что-либо новое. Дѣло не въ томъ, повторяются ли кризисы черезъ

каждыя 10 лѣтъ, а въ томъ, должны ли вообще кризисы время отъ времени повторяться.

Основной элементъ кризиса даетъ уже само товарное производство. Товарное производство есть производство независимыхъ другъ отъ друга производителей на рынокъ, т. е. производство для измѣнчивыхъ потребностей неопредѣленнаго числа потребителей. Регулирующимъ элементомъ въ этой анархической системѣ производства является колебаніе цѣнъ; если произведено больше, чѣмъ надо для удовлетвореніи спроса, то цѣны понижаются; если же произведено меньше, чѣмъ требуется, то цѣны поднимаются выше ихъ средняго уровня. Поэтому невозможность продать товары по цѣнѣ ихъ производства есть такое явленіе товарнаго производства, которое неизбѣжно должно наступать время отъ времени,—а невозможность продать товары и составляетъ основу кризиса. Но для того, чтобы дѣло дошло до настоящаго кризиса, необходимы другія условія, которыхъ еще нѣтъ въ начальной стадіи развитія товарнаго производства, которыя создаются капиталистическимъ способомъ производства. Только этотъ способъ производства все болѣе и болѣе превращаетъ все производство въ товарное, тогда какъ до него бо́льшая часть производства шла на собственное потребленіе. Только при этомъ способѣ производства экономическое существованіе массы членовъ общества становится въ зависимость отъ успѣшной продажи ими своихъ товаровъ. При этомъ развитіе общественнаго раздѣленія труда и развитіе системы кредита дѣлаетъ эту зависимость отдѣльныхъ производителей другъ отъ друга все болѣе и болѣе тѣсной, такъ что каждая заминка въ сбытѣ товаровъ въ одномъ пунктѣ вызываетъ заминки и въ другихъ пунктахъ, кризисъ одной въ какой нибудь важной отрасли промышленности, изготовляющей массовые продукты, вызываетъ остановку всего промышленнаго механизма и ведетъ къ бѣдствіямъ для всей націи и даже цѣлаго ряда націй.

Въ то же время капиталистическій способъ производства превращаетъ узкій, легко обозримый и едва измѣняющійся мѣстный рынокъ простого товарнаго производства въ огромный, необозримый, подверженный безпрестаннымъ измѣненіямъ всемірный рынокъ и увеличиваетъ число торговцевъ, которые являются посредниками между производителями и потребителями.

Такимъ образомъ, производитель все больше и больше лишается возможности слѣдить за состояніемъ рынка.

При этомъ чрезвычайно возрастаетъ эластичность производительныхъ силъ, благодаря современной научной техникѣ и системѣ кредита, а еще больше благодаря промышленной

резервной арміи, которая всегда существуетъ при капиталистическомъ способѣ производства и даетъ возможность расширять производство скачками.

Такимъ образомъ, всякое значительное увеличеніе спроса ведетъ къ крайне быстрому расширенію производства далеко за предѣлы дѣйствительно существующей потребности, ведетъ къ перепроизводству, за которымъ слѣдуютъ заминка въ сбытѣ, паденіе цѣнъ, сокращеніе производства, многочисленныя банкротства, безработица, охватывающая широкій кругъ—словомъ, кризисъ.

Съ этимъ процессомъ сплетается еще другой процессъ, котораго не надо смѣшивать съ предъидущимъ.

Въ отличіе отъ всѣхъ прежнихъ способовъ производства, для капиталистическаго — постоянное расширеніе его является вопросомъ жизни, потому что и капиталъ и рабочія силы безпрерывно и быстро возрастаютъ.

Капиталистическій способъ производства благопріятствуетъ въ значительной степени даже и естественному размноженію наемныхъ рабочихъ. Цеховое ремесло и крестьянское хозяйство, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ находящаяся въ его распоряженіи земельная площадь ограничена, сильно задерживаютъ увеличеніе народонаселенія, такъ какъ обзавестись семьей и содержать ее въ состояніи только владѣлецъ самостоятельнаго предпріятія. Несамостоятельный работникъ на этой ступени хозяйства принадлежитъ обыкновенно къ семейству мастера или сельскаго хозяина; своего дома у него нѣтъ. Капиталистическій же способъ производства повсюду отдѣляетъ производство отъ домашняго хозяйства, даетъ возможность и наемному рабочему обзаводиться своимъ домашнимъ хозяйствомъ, но въ то же время устраняетъ для него возможность откладывать обзаведеніе семьей до тѣхъ поръ, пока онъ станетъ хозяиномъ собственнаго предпріятія. Этотъ же способъ производства разлагаетъ семью, гонитъ жену и дѣтей рабочаго на фабрику и въ мастерскую, рано дѣлаетъ молодого рабочаго самостоятельнымъ, истощая, однако, до такой степени его рабочія силы, что онъ рано становится и инвалидомъ. Подмастерью или батраку приходилось откладывать бракъ до сравнительно поздняго возраста; ему приходилось дожидаться, пока онъ не накопитъ столько средствъ, чтобы обзавестись своимъ имуществомъ. Наемному же рабочему при капиталистическомъ способѣ производства откладывать бракъ не только безцѣльно, но и безсмысленно: чѣмъ онъ старше, тѣмъ меньше у него шансовъ содержать свою семью на получаемую имъ заработную плату. А женщины пролетарскаго класса тѣмъ легче рѣшаются на бракъ, что онѣ и сами зарабатываютъ кое-что;

при этомъ, такъ какъ дѣвушки и молодые люди рано становятся экономически самостоятельными, то родителей не очень то и спрашиваютъ при заключеніи браковъ, между тѣмъ какъ прежде мнѣніе родителей было важнѣе мнѣнія самихъ жениха и невѣсты.

Конечно, другіе факторы при капиталистическомъ способѣ производства противодѣйствуютъ быстрому размноженію населенія,—напр.,—проституція. Тѣмъ не менѣе, въ государствахъ съ крупной промышленностью мы видимъ быстрое возрастаніе населенія, напр., въ Германіи, Англіи, Соединенныхъ Штатахъ. Въ этой послѣдней, странѣ, конечно, много способствуетъ возрастанію населенія также и иммиграція, хотя все въ меньшей мѣрѣ. Число населенія равнялось:

Въ Германской имперіи . .	(1871)	41.100.000	(1895)	52.200.000
„ Англіи и Уэльсѣ. . . .	(1871)	22.700.000	(1896)	30.700.000
„ Соединенн. Штатахъ. .	(1870)	38.500.000	(1897)	72.200.000

Говорятъ, что такое быстрое увеличеніе населенія дѣлаетъ необходимымъ столь же быстрое расширеніе промышленности; это вѣрно, но съ другой стороны, такое быстрое увеличеніе населенія и является именно слѣдствіемъ постояннаго расширенія капиталистическаго индустріализма.

Но еще быстрѣе, чѣмъ все населеніе, увеличивается число входящихъ въ его составъ рабочихъ силъ. Въ Германской имперіи число лицъ, занятыхъ въ промышленности (Erwerbsthätige), въ 1882 г. составляло 38,99%, а въ 1895 г. 40,12% всего населенія. За тотъ же періодъ времени число людей безъ опредѣленной профессіи упало съ 55,08% до 53,15%. Это надо приписать, главнымъ образомъ, распространенію женскаго труда.

То же самое экономическое развитіе, которое вызываетъ увеличеніе числа рабочихъ силъ, уменьшаетъ число тѣхъ рабочихъ силъ, которыя могутъ быть заняты въ производствѣ при помощи опредѣленной суммы капитала, увеличиваетъ количество и стоимость машинъ, сырыхъ и вспомогательныхъ матеріаловъ, приходящихся на опредѣленное число рабочихъ. Слѣдовательно, для того, чтобы то же самое или даже увеличивающееся число рабочихъ могло найти занятіе, сумма вкладываемаго въ производство капитала должна постоянно и быстро возрастать.

Въ капиталѣ нѣтъ недостатка. Чѣмъ больше производительность труда, чѣмъ шире приложеніе необученныхъ, незрѣлыхъ и женскихъ рабочихъ силъ, тѣмъ выше норма прибавочной стоимости, тѣмъ быстрѣе можетъ происходить

накопленіе новаго капитала. Капиталисты прямо-таки поставлены въ необходимость заботиться о накопленіи новаго капитала, такъ какъ съ ходомъ экономическаго развитія въ каждой отрасли промышленности повышается минимальная сумма капитала, необходимая для того, чтобы предпріятіе могло выдержать конкуренцію, и чѣмъ ожесточеннѣе конкуренція, тѣмъ больше шансовъ на побѣду имѣетъ болѣе крупный капиталъ, тѣмъ меньше этихъ шансовъ у болѣе мелкаго капитала. Такимъ образомъ, безпрестанное увеличеніе размѣровъ предпріятій, безпрестанное расширеніе производства являются при капиталистическомъ способѣ производства существенно-необходимымъ условіемъ не только для наемныхъ рабочихъ, но и для класса капиталистовъ.

Но предварительнымъ условіемъ подобнаго расширенія является соотвѣтствующее расширеніе рынка, не простое увеличеніе физическихъ потребностей, которое само собою происходитъ, а увеличеніе экономическаго спроса, платежеспособнаго спроса на массу продуктовъ капиталистическаго производства. Притомъ же это производство стремится все болѣе и болѣе понижать стоимость рабочей силы,—того именно, что могутъ отдавать въ обмѣнъ трудящіяся массы, такъ что эти массы могутъ покупать все меньшую долю производимаго ими продукта.

Поэтому одной изъ самыхъ важныхъ проблемъ для промышленныхъ капиталистовъ является безпрестанное расширеніе рынка.

Рынокъ бываетъ внутренній и внѣшній. Въ послѣднее время, когда говорятъ о расширеніи рынка, имѣютъ въ виду почти исключительно внѣшній рынокъ, но Зомбартъ совершенно правильно указываетъ на то значеніе, какое все еще имѣетъ, наряду съ рынкомъ внѣшнимъ, внутренній рынокъ. Конечно, тѣ злобныя выходки противъ соціалъ-демократіи, которыми онъ сопровождаетъ свои разсужденія въ „Sociale Praxis“, совершенно излишни.

Мы не будемъ касаться здѣсь вопроса о вытѣсненіи съ внутренняго рынка иностранной промышленности посредствомъ охранительныхъ пошлинъ. Такое вытѣсненіе означаетъ расширеніе внутренняго рынка лишь для національной капиталистической промышленности, а не для всей промышленности, имѣющей значеніе для всемірнаго рынка.

Но расширеніе внутренняго рынка все еще возможно для капиталистической промышленности и путемъ вытѣсненія примитивной домашней промышленности. Этотъ процессъ совершался въ особенно широкихъ размѣрахъ въ минувшія столѣтія, но и теперь врядъ-ли найдется государство, гдѣ бы онъ вполнѣ закончился. Не закончился онъ еще и въ Британскомъ

королевствѣ. Этому процессу благопріятствуетъ улучшеніе путей сообщенія, въ особенности желѣзныя дороги, постройка которыхъ, въ свою очередь, имѣетъ громадное значеніе для капиталистической промышленности. Чѣмъ больше желѣзныхъ дорогъ, тѣмъ сильнѣе притокъ населенія изъ деревень въ города, тѣмъ оживленнѣе строительная дѣятельность въ этихъ послѣднихъ, которая опять-таки вызываетъ спросъ на трудъ и матеріалы. Отливъ рабочихъ силъ изъ деревень благопріятствуетъ, въ свою очередь, введенію сберегающихъ трудъ машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ и расширяетъ, такимъ образомъ, рынокъ для машиностроительной промышленности.

Крупныя измѣненія въ техникѣ вообще являются важнымъ факторомъ въ развитіи внутренняго рынка. Теперешнему промышленному подъему, несомнѣнно, не мало способствовало развитіе въ послѣднее десятилѣтіе электротехники, вызвавшее многочисленныя сооруженія всякаго рода для цѣлей освѣщенія, транспорта, промышленнаго производства, даже мѣстами для цѣлей сельскаго хозяйства.

Но и внутренній рынокъ можетъ внезапно расшириться также благодаря быстрому увеличенію количества денежнаго металла, даже въ томъ случаѣ, если денежный металлъ добывается и не въ самой странѣ. Достаточно того, чтобы въ странѣ жили владѣльцы золотыхъ и серебряныхъ пріисковъ. Какъ открытіе золотыхъ розсыпей въ Калифорніи и Австраліи въ значительной степени помогло преодолѣть кризисъ 1847—1849 годовъ не только въ этихъ странахъ, но и въ Европѣ, такъ и золотыя розсыпи въ Южной Африкѣ помогли преодолѣть кризисъ 1873—1887 годовъ и способствовали современному процвѣтанію промышленности. Средняя годовая стоимость добытаго золота составляла въ милліонахъ марокъ:

въ 1831—40 гг.	56.6	въ 1851—55 гг.	556.3
„ 1841—50 „	152.8	„ 1856—60 „	562.9

Затѣмъ добыча золота снова понизилась; въ 1881—1885 гг. она составляла въ среднемъ за годъ—432 милліона марокъ. Въ 1889 г. началось снова быстрое повышеніе:

1889	503.8 милл. мар.	1892	594.7 милл. мар.
1890	487.5 „ „	1893	672.7 „ „
1891	532.4 „ „	1894	736.5 „ „
1895	813.9 милл. мар.		
1896	828.2 „ „		
1897	961.0 „ „		
1898	1224.0 „ „		

Тѣ же самыя условія, которыя расширяютъ внутренній рынокъ, вліяютъ также и на расширеніе внѣшняго рынка: увеличеніе производства денежнаго металла, распространеніе и улучшеніе средствъ сообщенія—постройка пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ,—разрушеніе примитивной домашней промышленности и, наконецъ, введеніе новаго способа производства, распространеніе крупной индустріи въ экономически-отсталыхъ странахъ, получающихъ необходимыя машины изъ странъ съ развитой крупной индустріей.

Съ 1891 по 1895 г. протяженіе желѣзныхъ дорогъ возросло:

		%	километровъ.
въ Германіи	на	6.8	2.989
„ Франціи.	„	6.5	2.476
„ Бельгіи	„	4.5	238
„ Великобританіи и Ирландіи. . .	„	3.5	1.161
„ Россіи	„	21.4	6.675
„ Азіи	„	22.1	7.838
„ Африкѣ	„	25.2	2.647

Грандіозныя постройки желѣзныхъ дорогъ въ Сибири и Китаѣ въ 1895 г. только что начались.

На разрушеніи примитивной домашней промышленности основывается, главнымъ образомъ, расширеніе рынка для *текстильной промышленности.* Развитіе же и значеніе *желѣзной промышленности* основывается на расширеніи и улучшеніи путей сообщенія и на развитіи крупной промышленности заграницей.

Оба очерченныя движенія—промышленный циклъ, т. е. смѣна процвѣтанія, кризиса, застоя и новаго оживленія въ дѣлахъ, съ одной стороны, и стремленіе къ расширенію производства и рынковъ сбыта для него, съ другой стороны, —переплетаются другъ съ другомъ и кажутся однимъ общимъ движеніемъ. Всякое крупное расширеніе рынка даетъ толчекъ производству, толкаетъ его къ перепроизводству и кризису. И наоборотъ, каждый кризисъ служитъ побудительной причиной, заставляющей стремиться къ расширенію рынка.

Но для соціальнаго развитія эти два движенія не однозначущи. Кризисы способствуютъ развитію соціализма ускореніемъ концентраціи капиталовъ и увеличеніемъ необезпеченности положенія наемныхъ рабочихъ, слѣдовательно, обостреніемъ импульсовъ, привлекающихъ ихъ къ соціализму. Постоянная же необходимость расширять рынки заключаетъ въ себѣ еще дальнѣйшій моментъ: ясно, что капиталистическій способъ производства станетъ невозможнымъ съ того

историческаго момента, когда окажется, что рынокъ не можетъ расширяться столь же быстро, какъ производство, т. е. съ того момента, какъ перепроизводство станетъ хроническимъ.

Подъ исторической необходимостью Бернштейнъ понимаетъ лишь принудительное положеніе. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ на лицо именно такое принудительное, безвыходное положеніе, которое, разъ оно наступитъ, неизбѣжно приведетъ къ соціализму

Но такое положеніе вещей должно наступить, *если экономическое развитіе будетъ и впредь идти такъ, какъ оно шло до сихъ поръ,* потому что внѣшній и внутренній рынки имѣютъ свои границы, тогда какъ расширеніе производства на практикѣ безгранично. Дѣло тутъ идетъ не о прочной, неизмѣнной границѣ,—при экономическомъ развитіи такой границы никогда и невозможно достигнуть,—а о границѣ эластичной, которая, однако, все болѣе суживается. Такой пунктъ, начиная съ котораго рынокъ уже безусловно не можетъ болѣе расширяться, никогда не будетъ достигнутъ; но капиталистическій способъ производства долженъ стать невыносимымъ не только для наемныхъ рабочихъ, но и для массы населенія, когда способность рынка расширяться отстанетъ отъ потребности производства въ расширеніи; а эта потребность вытекаетъ изъ роста индустріальнаго населенія, изъ роста капитала, изъ развитія технологіи.

Но чѣмъ большая процентная доля населенія живетъ наемной работой, тѣмъ быстрѣе идетъ возрастаніе рабочаго населенія.

Чѣмъ больше количество капитала и чѣмъ выше норма эксплуатаціи, тѣмъ больше масса ежегодно накопляемой прибыли, и чѣмъ больше распространяется капиталистическій способъ производства, тѣмъ больше расширяется область современной науки, тѣмъ многочисленнѣе становится интеллигенція, тѣмъ больше средствъ находится въ распоряженіи изобрѣтателей, тѣмъ быстрѣе идетъ преобразованіе техники, тѣмъ выше производительность труда.

Такимъ образомъ, ростъ мірового производства идетъ все болѣе и болѣе быстрымъ темпомъ, и возникаетъ вопросъ: способенъ ли міровой рынокъ въ такой же мѣрѣ къ постоянному расширенію?

Для той отрасли крупной капиталистической промышленности, которая первой начала играть крупную роль на міровомъ рынкѣ,—для *текстильной промышленности*—наступилъ уже теперь въ ея старыхъ центрахъ періодъ хроническаго перепроизводства. Правда, рынокъ пока еще все расширяется,

но число иностранныхъ конкурентовъ возрастаетъ несравненно быстрѣе.

Дѣйствительно, въ Англіи ея могучая текстильная индустрія вступила уже въ періодъ застоя. Даже эпоха процвѣтанія не приноситъ уже съ собой значительнаго подъема этой промышленности. Стоимость вывоза Соединеннаго Королевства составляла въ милліонахъ фунтовъ стерлинговъ:

	1880	1885	1890	1895	1897
Хлопчатобумажн. пряжи	11.9	11.9	12.3	9.3	9.6
Хлопчатобумажн. матерій	63.7	55.1	62.1	54.5	54.0
Всего . .	75.6	67.0	74.4	63.8	63.9

Почти въ такомъ же положеніи находится хлопчатобумажная промышленность остальной западной Европы; области ея сбыта расширяются лишь съ большимъ трудомъ.

Въ совершенно иномъ положеніи находится желѣзная промышленность. Если въ Европѣ и въ Соедин. Штатахъ дѣло постройки желѣзныхъ дорогъ испытываетъ сравнительно все большія и большія заминки, то за то для него есть еще неизмѣримыя пространства варварскихъ и полуцивилизованныхъ странъ. Машиностроеніе можетъ еще разсчитывать на очень обширныя области, которыя тѣмъ скорѣе созрѣваютъ для введенія капиталистической крупной промышленности и капиталистическаго горнаго дѣла, чѣмъ больше излишняго капитала вывозятъ Европа и Америка, чѣмъ тѣснѣе связываются онѣ посредствомъ желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ съ міровымъ рынкомъ.

Но какъ бы ни былъ великъ вывозъ ссужаемаго капитала, все таки отсталыя страны не могутъ однимъ только этимъ капиталомъ оплатить всѣ тѣ продукты промышленности, которые посылаютъ имъ страны крупной индустріи. Напротивъ, эти капиталы еще болѣе обременяютъ отсталыя страны растущими процентами по займамъ. Для оплаты продуктовъ промышленности и внесенія процентовъ по займамъ, эти страны могутъ продавать только свои сырые продукты,—въ томъ числѣ массу такихъ продуктовъ, которые производятся и европейскимъ сельскимъ хозяйствомъ или которые замѣняютъ продукты европейскаго сельскаго хозяйства. И чѣмъ совершеннѣе пути сообщенія, тѣмъ легче проникаютъ эти сырые продукты въ Европу, тѣмъ сильнѣе могутъ они понижать цѣны на европейскіе продукты.

Такимъ образомъ, рядомъ съ хроническимъ кризисомъ въ текстильной промышленности, прерываемымъ лишь краткими періодами слабаго оживленія, или рядомъ съ застоемъ текстильной промышленности мы видимъ кризисъ сельскаго

хозяйства и сельскохозяйственной промышленности,—винокуренія, сахароваренія. Если сахарная промышленность, тѣмъ не менѣе, развивается все дальше вслѣдствіе искусственнаго поощренія, то предстоящій, въ концѣ концовъ, крахъ будетъ тѣмъ болѣе опустошительнымъ.

Но и оживленіе желѣзной промышленносми (въ томъ числѣ и машиностроенія),—которая является теперь передовой промышленностью, и на развитіи которой прежде всего и основывается современный періодъ процвѣтанія,—должно имѣть конецъ: мало того, что эту промышленность ожидаютъ временные, преходящіе кризисы,—она еще неизбѣжно должна привести, въ концѣ концовъ, къ хроническому перепроизводству и застою, если только капиталистическій способъ производства и впредь будетъ развиваться безъ помѣхи. Дѣло въ томъ, что желѣзная промышленность сама себѣ роетъ могилу, вводя машины и въ другія страны. Сперва она создаетъ, главнымъ образомъ, конкурентовъ для текстильной промышленности и для сельскаго хозяйства своей страны, но рано или поздно она создаетъ и конкурентовъ для себя самой,—конкурентовъ, которые не только сами удовлетворяютъ потребности ихъ страны, но производятъ даже все большій и большій излишекъ для міроваго рынка.

Дѣло, повидимому, принимаетъ уже такой оборотъ, какъ будто желѣзная промышленность Англіи дошла уже до предѣла своей способности къ расширенію—по сравненію съ Германіей и особенно съ Соед. Штатами. Теперешній періодъ процвѣтанія лишь очень незначительно повысилъ производство чугуна въ Англіи. По даннымъ Лондонскаго „Economist'a“ отъ 1-го іюля с. г., это производство составляло въ тоннахъ

	1896	1897	1898
Великобританія	8.659.681	8.681.151	8.877.109
Германія	6.372.575	6.864.405	8.215.927
Соед. Штаты	8.623.127	9.652.680	11.733.936

По даннымъ W. R. Lawson'a—статья: „Три года промышленнаго развитія Америки“ въ „Bankers Magazine“ за августъ 1899 г.—произведено стальныхъ рельсовъ въ тоннахъ:

	Англія.	Соед. Штаты.
1897 . .	921.131	1.644.520
1898 . .	751.591	1.976.702.

Все производство Бессемеровской стали составляло въ тоннахъ:

	Англія.	Соед. Штаты.
1897 . .	1.884.155	5.475.315
1898 . .	1.759.368	6.609.017.

Лоусонъ видитъ въ этихъ данныхъ очень угрожающій симптомъ для желѣзной промышленности его страны, вопреки противоположнымъ увѣреніямъ англійскихъ желѣзопромышленниковъ.

Но разъ желѣзная промышленность въ странахъ съ крупной промышленностью достигнетъ той ступени развитія, на какой стоятъ въ настоящее время текстильная промышленность и сельское хозяйство въ Англіи, тогда настанетъ конецъ способности капиталистическаго способа производства къ расширенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и конецъ его жизнеспособности.

А ждать этого не придется слишкомъ долго, если вспомнить, какъ быстро развилась значительная крупная промышленность въ Соед. Штатахъ, Японіи, Россіи. Въ Соед. Штатахъ она достигла въ теченіе одного поколѣнія такого расцвѣта, что уже въ настоящее время съ успѣхомъ показываетъ зубы промышленностямъ англійской и германской.

Однако предполагать наступленіе подобнаго рода неизлѣчимаго хроническаго перепроизводства не значитъ еще предсказывать неизбѣжное наступленіе въ близкомъ будущемъ громаднаго мірового кризиса, мірового пожара, изъ котораго возстанетъ, подобно фениксу, соціалистическое общество во всей своей красѣ.

Процессъ наступленія хроническаго перепроизводства можетъ совершаться очень медленно. Мы такъ же мало знаемъ о томъ, какъ это произойдетъ, какъ и о томъ, когда это произойдетъ. Я охотно соглашусь даже и съ тѣмъ, что можно сомнѣваться, наступитъ ли такое перепроизводство вообще когда либо; въ этомъ можно сомнѣваться, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе быстрыми представляются успѣхи рабочаго движенія.

Неизлѣчимое хроническое перепроизводство представляетъ собою тотъ послѣдній предѣлъ, до котораго вообще можетъ существовать капиталистическій строй, но этотъ предѣлъ не непремѣнно долженъ быть причиной его гибели. Мы видѣли, что матеріалистическое пониманіе исторіи наряду съ экономическимъ *принужденіемъ* знаетъ еще и другіе факторы соціальнаго развитія, которые, хотя и мотивируются экономически, но тѣмъ не менѣе часто носятъ идеальный, этическій характеръ. Всѣ эти факторы резюмируются формулой классовой борьбы...

Таковы, по моему мнѣнію, важнѣйшіе пункты, которые надо принимать во вниманіе при разсмотрѣніи зависимости между кризисами и соціализмомъ нашего времени.

Но именно относительно этихъ-то пунктовъ и не высказывается Бернштейнъ, такъ какъ онъ заботится почти исключительно объ опроверженіи не имѣющей совершенно ни-

какого значенія фантазіи о неслыханномъ всеобщемъ міровомъ кризисѣ.

Онъ ставитъ вопросъ, „не увеличило ли громадное пространственное расширеніе мірового рынка, въ связи съ необычайнымъ сокращеніемъ времени, требующагося на передачу извѣстій и на транспортъ, возможности *уравновѣшенія* промышленныхъ разстройствъ,—не уменьшилъ ли громадный ростъ богатства европейскихъ промышленныхъ странъ, въ связи съ эластичностью современной системы кредита и съ распространіемъ промышленныхъ картелей, силы воздѣйствія мѣстныхъ и частныхъ промышленныхъ разстройствъ на общее промышленное положеніе до такой степени, что надо считать невѣроятными въ теченіе, по крайней мѣрѣ, довольно продолжительнаго времени общіе промышленные кризисы по образцу прежнихъ“ (стр. 70).

Конечно, въ настоящее время нельзя предсказать, какого рода будутъ грядущіе промышленные кризисы. Очень вѣроятно, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они будутъ имѣть иной видъ, чѣмъ ихъ предшественники. Но дѣло не въ этомъ. Вопросъ сводится къ тому, будутъ ли грядущіе кризисы вліять на пролетаріатъ и на средніе слои точно такъ же, какъ и ихъ предшественники? Нѣтъ никакихъ обстоятельствъ, которыя говорили бы противъ этого.

Впрочемъ, мнѣ не совсѣмъ понятно, почему расширеніе мірового рынка и кредита, а также увеличеніе богатства должны препятствовать всеобщности кризисовъ. Дѣло идетъ тутъ не о *„мѣстныхъ* и *частныхъ разстройствахъ* общаго положенія промышленныхъ дѣлъ“, а объ общемъ перепроизводствѣ. Чѣмъ лучше средства сношенія и транспорта, тѣмъ больше міровой рынокъ долженъ представлять собою одно цѣлое, тѣмъ больше одна его часть зависитъ отъ другихъ. Развитіе кредита должно дѣйствовать въ томъ же направленіи. Но его развитіе облегчаетъ также и внезапное расширеніе производства. Это расширеніе вызывается ростомъ богатства, т. е. ростомъ капитала, предназначаемаго на расширеніе производства. Несомнѣнно, что *мѣстныя* и *частныя* разстройства могутъ легче устраняться при помощи этихъ массъ капитала и кредита, благодаря быстротѣ сношеній. Эти условія могутъ устранить, какъ указывалъ еще Энгельсъ, цѣлый рядъ факторовъ и очаговъ кризисовъ, но какъ могутъ они противодѣйствовать всеобщему перепроизводству? А если перепроизводство будетъ всеобщимъ, то и крахъ долженъ быть всеобщимъ. Въ капиталистическомъ хозяйствѣ процвѣтаніе и кризисъ связаны другъ съ другомъ неразрывно.

Этимъ, конечно, я вовсе не хочу сказать, что грядущій

кризисъ непременно долженъ быть послѣднимъ и всепоглощающимъ.

Ну, а картели? Развѣ они не служатъ средствомъ ограниченія и регулированія производства и потому не предотвращаютъ перепроизводства и кризисовъ?

Цѣль ихъ, во всякомъ случаѣ, не такова. Цѣль ихъ — повышеніе капиталистической прибыли. Однимъ изъ средствъ для достиженія этого, несомнѣнно, служитъ повышеніе цѣнъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нормы прибыли, путемъ сокращенія предложенія на рынкѣ. Но такимъ путемъ невозможно произвольно повышать цѣны даже въ томъ случаѣ, если пользоваться на рынкѣ полной монополіей, которой стремятся добиться картели. По мѣрѣ возрастанія цѣнъ, падаетъ, съ одной стороны, спросъ, а съ другой стороны, для капиталистовъ, стоящихъ внѣ картели, возрастаетъ соблазнъ принять участіе въ исключительно высокихъ прибыляхъ путемъ основанія конкурирующихъ съ картелемъ предпріятій, т. е. разрушить монополію и расширить производство.

Такимъ образомъ, ограниченіе предложенія на рынкѣ посредствомъ картеля или трёста имѣетъ свои предѣлы.

Съ другой стороны, прибыль — при равенствѣ прочихъ условій—тѣмъ выше, чѣмъ дешевле производится продуктъ, т. е., между прочимъ, чѣмъ крупнѣе размѣры производства. Чѣмъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ ведется производство, тѣмъ болѣе совершеннымъ технически можетъ оно быть, тѣмъ больше оно имѣетъ возможности подавить всякую возникающую конкурренцію въ самомъ ея зародышѣ,—конкурренцію, которая иначе будетъ угрожать монополіи картеля. А чѣмъ крупнѣе оборотъ производства и чѣмъ онъ быстрѣе, тѣмъ больше—при равенствѣ прочихъ условій—масса прибыли.

Такимъ образомъ, съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ о Марксѣ, можно сказать о руководителѣ картеля, что въ его груди—двѣ души: одна стремится къ возможно большему сокращенію производства, а другая—къ возможно большему расширенію его. Но распорядитель картеля — не Фаустъ, а человѣкъ дѣла, и вмѣсто того, чтобы предоставить своимъ двумъ душамъ вести борьбу въ его груди, онъ просто-напросто старается примѣнить различные способы къ увеличенію своей прибыли на двухъ различныхъ рынкахъ.

На внутреннемъ рынкѣ предложеніе возможно больше ограничивается, цѣны поднимаются настолько высоко, насколько лишь это совмѣстимо съ полученіемъ возможно болѣе высокой прибыли. Но ограничивается только *предложеніе,* а не *производство.* Это послѣднее расширяется возможно больше, и избытокъ его сбывается за границу. Чѣмъ

выше цѣны и прибыль на внутреннемъ рынкѣ, тѣмъ сильнѣе можно конкурировать на внѣшнемъ рынкѣ, продавая товары по убыточно-низкимъ цѣнамъ. Если даже получать такія цѣны, которыя лишь покрываютъ издержки производства, то и тогда сбытъ будетъ все таки прибыльнымъ, потому что онъ дастъ возможность продолжать производство въ самыхъ крупныхъ размѣрахъ.

Поэтому тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ отраслями промышленности, производящими массовые продукты и работающими на вывозъ,—а именно эти отрасли промышленности и вызываютъ больше всего перепроизводство,—тамъ нельзя ожидать сокращенія и регулированія производства картелями.

Соед. Штаты — страна картелей. Но мы не замѣчаемъ, чтобы производство тамъ ограничивалось. Производство чугуна въ С. Штатахъ за послѣдніе 5 лѣтъ *болѣе, чѣмъ удвоилось*. Въ 1894 г. оно составляло нѣсколько болѣе $6^1/_2$ милл. тонъ, въ 1898 г. — почти 12 милл. тонъ, а за 1899 г. оно опредѣляется, по результатамъ за первое полугодіе, приблизительно въ 14 милл. (Lawson въ „Bankers Magazine“).

Бернштейнъ и самъ не можетъ отрицать, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ картели прямо-таки ведутъ къ перепроизводству.

Но, — возражаетъ онъ, — „по общему правилу, этотъ маневръ удается лишь тамъ, гдѣ картель находитъ себѣ прикрытіе въ охранительномъ тарифѣ, который не позволяетъ другимъ странамъ отплатить ему той же монетой“ (стр. 78). Бернштейнъ убѣжденъ въ томъ, „что тамъ, гдѣ картели и трѣсты въ современныхъ промышленныхъ странахъ поддерживаются и усиливаются охранительными пошлинами, они неизбѣжно должны превратиться въ факторы кризисовъ для соотвѣтствующей отрасли промышленности,—а затѣмъ, если не сразу, то все же въ концѣ концовъ и для самой „охраняемой“ страны. Такимъ образомъ, вопросъ сводится лишь къ тому, долго ли будутъ терпѣть народы подобное хозяйничанье“ (стр. 79).

Слѣдовательно, далекіе отъ того, чтобы регулировать производство, картели должны, напротивъ, выродиться въ источники кризисовъ;—спрашивается только, „долго ли народы будутъ терпѣть такое хозяйничанье“,

Вопросъ дѣйствительно въ этомъ. Но на этотъ вопросъ Бернштейнъ точно такъ же не отвѣтилъ, какъ и на многіе другіе поставленные имъ вопросы.

Бернштейнъ исходилъ изъ того соображенія, что расширеніе мірового рынка, возрастаніе богатства, эластичности современной системы кредита въ связи съ развитіемъ про-

мышленныхъ картелей дѣлаютъ всеобщіе промышленные кризисы невѣроятными *„по крайней мѣрѣ, на довольно продолжительное время“*. А теперь вдругъ оказывается, что эти же самые картели являются новымя факторами кризисовъ,—по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока народы будутъ терпѣть это протекціонистское хозяйничанье,—т. е. навѣрное, *„по крайней мѣрѣ, на довольно продолжительное время“*.

Мы не можемъ имѣть ровно никакой надежды на то, что мы еще увидимъ когда-нибудь режимъ свободной торговли. Пока народы будутъ терпѣть капитализмъ, они будутъ также терпѣть и протекціонизмъ,—именно вслѣдствіе увеличивающагося перепроизводства. Капиталистическій режимъ не обладаетъ никакимъ средствомъ противъ перепроизводства, а протекціонизмъ является, по крайней мѣрѣ, попыткой смягчить его, т. е. попыткой свалить послѣдствія перепроизводства со своей страны на другія страны. Такое смягченіе продолжается, конечно, лишь до тѣхъ поръ, пока другіе не перенимаютъ той же самой политики; но протекціонный тарифъ легче ввести, чѣмъ отмѣнить,—особенно въ періодъ такой бѣшеной конкуренціи на всемірномъ рынкѣ; безуспѣшность попытки ведетъ скорѣе къ усиленію того же средства, чѣмъ къ отмѣнѣ его.

Гдѣ у насъ среди буржуазныхъ партій фитредерское движеніе? Вопросъ у этихъ партій идетъ лишь о размѣрахъ охранительныхъ пошлинъ и о томъ, что лучше: торговые договоры, или возможность таможенныхъ войнъ? Ну, а свобода торговли!? Для капиталистовъ это—идеалъ минувшихъ временъ. Англійская свобода торговли является по его мнѣнію, однимъ изъ многихъ признаковъ, свидѣтельствующихъ, что Англія—страна исключительная. Да и въ Англіи растетъ протекціонистское движеніе.

Такимъ образомъ, если уничтоженіе той тенденціи картелей, которая порождаетъ кризисы, ставитъ въ зависимость отъ свободы торговли,—то тендеція эта останется еще на неопредѣленно долгое время. Грядущій кризисъ, котораго мы должны, повидимому, ожидать черезъ два-три года, не будетъ этимъ задержанъ.

Но весьма многіе и наиболѣе сильные картели и трёсты порождаютъ кризисы не только тѣмъ, что они даютъ толчекъ производству и конкурируютъ на міровомъ рынкѣ посредствомъ продажи по убыточнымъ цѣнамъ, но также и тѣмъ, что они поощряютъ спекуляцію.

Бернштейнъ думаетъ, что спекуляція составляетъ болѣзнь преимущественно дѣтскаго возраста капиталистическаго способа производства, которая съ годами проходитъ. „Спекуляція обусловливается отношеніемъ между поддаю-

щимися и не поддающимися предвидѣнію условіями. Чѣмъ больше преобладаютъ послѣднія, тѣмъ сильнѣе спекуляція; чѣмъ больше поддающихся предвидѣнію условій, тѣмъ больше исчезаетъ почва для спекуляціи. Поэтому безумныя проявленія коммерческой спекуляціи совпадаютъ съ временемъ *начала капиталистической эры*, и свои самыя опустошительныя оргіи спекуляція обыкновенно празднуетъ въ странахъ *болѣе молодого капиталистическаго развитія*" (стр. 70).

Но чѣмъ же вызывается это „болѣе молодое капиталистическое развитіе?" Оно вызывается преимущественно капиталомъ, притекающимъ изъ старѣйшихъ капиталистическихъ странъ. „Неподдающіяся предвидѣнію условія" въ болѣе молодыхъ странахъ вызываютъ тѣмъ большія оргія спекуляціи въ старѣйшихъ странахъ, чѣмъ больше своего капитала помѣщаютъ эти послѣднія за границей. Аргентинская и трансваальская спекуляція праздновали свои „опустошительныя оргіи" не только въ Буэносъ-Айресѣ и Іоганнесбургѣ, но также и въ старомъ достопочтенномъ Сити.

Какъ при открытіи новыхъ странъ, такъ и при возникновеніи новыхъ отраслей промышленности „неподдающіяся предвидѣнію условія" преобладаютъ и служатъ предметомъ спекуляціи. Нельзя сказать, чтобы тотъ или другой изъ этихъ факторовъ отступалъ на задній планъ по мѣрѣ развитія капиталистической эры. Совсѣмъ напротивъ.

Равнымъ образомъ нельзя утверждать, что въ настоящее время спекуляція меньше, чѣмъ было въ прежнее время. Капиталисты нѣсколько остерегались, пока имъ давали себя чувствовать послѣдствія страшно угнетеннаго состоянія 80-хъ годовъ. Въ настоящее время они занимаются спекуляціей болѣе охотно, чѣмъ когда либо. Это можно иллюстрировать нѣкоторыми цифрами, заимствуемыми нами изъ „Deutscher Oekonomist" отъ 22 іюля этого года.

Въ Германской имперіи величина дѣйствительно употребленнаго капитала въ милліонахъ марокъ была:

Для выпуска . . .	1887	1888	1889	1890	1891	1892	1893
Биржевыхъ бумагъ вообще	1008	1985	1745	1520	1217	1016	1266
Акцій нѣмец. промышленныхъ компаній.	?	194.5	337.4	200.5	29.7	14.8	25.3
Для выпуска . . .	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1 сен.
Биржевыхъ бумагъ вообще	1420	1375	1896	1944	2407	1595	
Акцій нѣмец. промышленныхъ компаній.	79.0	223.2	333.9	318.2	520.6	518	

Нижніе ряды цифръ даютъ возможность очень хорошо прослѣдить промышленный циклъ съ его высшей точкой развитія въ 1889 г.,—самымъ низкимъ уровнемъ въ 1892 г.,—новымъ подъемомъ съ 1895 г. и скачкообразнымъ расцвѣтомъ послѣднихъ лѣтъ. Въ первую половину 1899 г. было выпущено столько же новыхъ акцій промышленныхъ компаній, сколько за весь предъидущій годъ, который тоже былъ годомъ высшаго расцвѣта.

Вотъ еще рядъ цифръ, показывающій средній эмиссіонный лажъ (Emissionsagio) нѣмецкихъ промышленныхъ акцій. Онъ выражался въ процентахъ:

Въ	1888	1889	1890	1891	1892	1893	1894	1895	1896
	38.06	45.87	30.05	20.0	14.7	29.1	31.0	38.6	36.7

Въ	1897	1898	1899 (1 сент.)
	66.7	67.7	69.9.

Редакція цитируемой газеты замѣчаетъ: „Эмиссіонный курсъ *никогда раньше* не достигалъ такой высоты. При этомъ бумаги постоянно подымаются въ цѣнѣ гораздо выше эмиссіоннаго курса. Мы уже много разъ отмѣчали *ненормальность такихъ повышеній*. Дѣйствительно, повышеніе курса опирается не на высшую оцѣнку стоимостей вкладовъ, а единственно лишь на всеобщее ожиданіе, что курсъ повысится еще больше,—т. е. это повышеніе представляетъ собою самую обыкновенную спекуляцію на курсовую разницу. Высота эмиссіоннаго лажа, достигающаго въ среднемъ около 70%, показываетъ, что эта спекуляція достигла небывалыхъ размѣровъ“.

То же говоритъ и Лоусонъ (Lawson) въ указанной выше статьѣ о спекуляціи на Wallstreet. Онъ полагаетъ, что если бы не разумная политика Нью-Іоркскихъ банковъ, то дѣло дошло бы до повторенія безумій южно-американской спекуляціи. Главнымъ объектомъ мошеннической спекуляціи служатъ трѣсты.

Соедин. Штаты—страна картелей; она представляетъ собою страну съ самой эластичной организаціей кредита, съ громадными богатствами, съ высоко развитыми путями сообщенія и способами сношеній, съ самымъ обширнымъ внутреннимъ рынкомъ, а между тѣмъ въ ней царилъ недавно (1893—1896) самый ужасный изъ кризисовъ, бывшихъ за послѣднее десятилѣтіе.

Но допустимъ, что картели дѣйствительно въ состояніи устранить кризисы при помощи ограниченія производства. Что выиграли бы отъ этого наемные рабочіе и средніе слои? Картели являются однимъ изъ наиболѣе могучихъ средствъ

экспропріаціи мелкихъ капиталистовъ. Если при помощи картелей будетъ уничтожено вліяніе дѣйствующихъ въ томъ же направленіи кризисовъ, то господство крупнаго капитала не станетъ отъ этого менѣе невыносимымъ.

А пролетаріи? Извѣстно что соединеніе предпринимателей въ прочные союзы не содѣйствуетъ ни повышенію заработной платы, ни развитію профессіональныхъ союзовъ, ни самостоятельности рабочихъ. Но можетъ быть, взамѣнъ этого рабочіе начинаютъ пользоваться, по крайней мѣрѣ, бо́льшимъ постоянствомъ заработка? Именно тамъ, гдѣ картелямъ дѣйствительно удалось ограничить производство, мы меньше всего встрѣчаемъ подобное постоянство заработка. Достигнуть наивысшей производительности труда трёстъ можетъ гораздо скорѣе, чѣмъ единичное предпріятіе. Наиболѣе мелкія, нераціональныя предпріятія онъ закрываетъ, онъ упрощаетъ управленіе, проводитъ дальше раздѣленіе труда, организуетъ, благодаря своимъ колосальнымъ денежнымъ средствамъ, опыты съ новыми изобрѣтеніями и съ примѣненіемъ этихъ изобрѣтеній. Чѣмъ больше идетъ, наряду съ этимъ, ограниченіе производства, тѣмъ больше способствуетъ этотъ прогрессъ сокращенію числа рабочихъ. Для нѣкоторыхъ, наиболѣе податливыхъ и наиболѣе искусныхъ рабочихъ, картель, можетъ быть, обезпечиваетъ большее постоянство занятій, но для всѣхъ остальныхъ рабочихъ это постоянство означаетъ лишь большее постоянство безработицы.

Какимъ путемъ картель можетъ предовратить кризисы? Только путемъ ограниченія. Но мы уже видѣли, что постоянное расширеніе производства составляетъ необходимое жизненное условіе для капиталистическаго способа производства вообще и прежде всего для пролетаріата. Мы не станемъ здѣсь разсматривать вопросъ, что стали бы дѣлать картели съ вновь накопленнымъ капиталомъ, если бы имъ удалось регулировать производство: повелъ ли бы наплывъ этого капитала къ дальнѣйшему расширенію производства картелями, или къ распаденію картелей. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что при современномъ способѣ производства всякое препятствіе расширенію производства должно вести къ невыносимому положенію вещей; и было бы нелѣпо думать, что такое положеніе вещей менѣе тяжело чувствуется рабочими, если оно вызывается не кризисами и банкротствами, а искуственнымъ объединеніемъ предпринимателей. Напротивъ, если предприниматели хотятъ устранить кризисы такими мѣрами, которыя вызываютъ и въ періоды процвѣтанія такія же бѣдствія рабочихъ, какъ и въ періоды кризисовъ; если они хотятъ ради спасенія прибыли

возложить на однихъ лишь рабочихъ послѣдствія ограниченія производства, взваливать на нихъ послѣдствія перепроизводства еще раньше, чѣмъ перепроизводство наступило, —то это можетъ повести только къ обостренію антагонизма между трудомъ и капиталомъ до крайней степени.

Будучи очень далекими отъ того, чтобы устранять ведущіе къ соціализму послѣдствія кризисовъ, картели, напротивъ, дѣйствуютъ въ томъ-же направленіи,—причемъ весьма вѣроятно, что самихъ кризисовъ они все же не стѣсняютъ.

Болѣе, чѣмъ какое либо иное явленіе капиталистической экономической жизни, картели поселяютъ въ трудящихся слояхъ народа сознаніе необходимости замѣны капитализма новымъ строемъ.

Печатаются:

Карлъ Марксъ—Рѣчь о свободѣ торговли. Перев. подъ редакціей Г. В. Плеханова.

Карлъ Марксъ —Нищета философіи. Отвѣтъ на „Философію Нищеты" Прудона. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Фр. Энгельса. Пер. подъ редакціей Г. В. Плеханова. Ц. 30 к.

Фр. Энгельсъ.—Развитіе научнаго соціализма. Переводъ подъ редакціей Вѣры Засуличъ.

Фр. Энгельсъ.—Людвигъ Фейербахъ. Переводъ подъ редакціей съ предисл. и примѣчаніями Г. В. Плеханова. Цѣна 20 к.

Дикштейнъ.—Кто чѣмъ живетъ. Переводъ подъ редакціей Г. В. Плеханова.

К. Марксъ.—18 Брюмера и Луи-Наполеонъ. Переводъ Б. Н. Кричевскаго.

К. Марксъ по личнымъ воспоминаніямъ Либкнехта и Энгельса. Переводъ Б. Н. Кричевскаго.

Э. Бернштейнъ.—Ф. Лассаль и его значеніе. Переводъ подъ редакціей П. А. Берлина.

П. Г. Мижуевъ. — Законодательство и народное представительство. Цѣна 80 коп.

П. Гепнеръ.—Икарійцы въ Америкѣ. Переводъ съ предисловіемъ П. Стрѣльскаго.

Б. Н. Кричевскій.—Чартистское движеніе.

П. Лафаргъ.—Колоніи іезуитовъ въ Парагваѣ.

Проф. К. Бугле.—Демократія передъ судомъ науки. Переводъ подъ редакіей П. А. Берлина.

Сканирование - *Беспалов*
DjVu-кодирование - *Беспалов*

Всеобщая Библіотека Г. Ѳ. Львовича.

А. Киландъ. — Ядъ, романъ. Переводъ А. А. Русаковой-Львовичъ (163 стр.). Цѣна 25 коп.

А Киландъ.—Фортуна, романъ. Переводъ А. А. Русаковой-Львовичъ. (181 стр.). Цѣна 25 коп.

Г. И. Успенскій.—Пришло на память. Цѣна 10 коп.

Г. И. Успенскій. — Обстановочка. — Идилія. — Невидимка Авдотья. Цѣна. 10 коп.

Г. И. Успенскій.—Слѣпой пѣвецъ.—Чуткое сердце. Цѣна 10 коп.

Г. И. Успенскій.—Богъ грѣхамъ терпитъ. Цѣна 10 коп.

Г. И. Успенскій.—Отцы и дѣти. Цѣна 10 коп.

Ю. С. Гамбаровъ. Политическія партіи въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Изданіе 2-ое. Цѣна 10 коп.

М. М. Ковалевскій.—Общій ходъ развитія политической мысли во второй половинѣ XIX вѣка. Ц. 10 коп.

В. Е. Якушкинъ.—Сперанскій и Аракчеевъ. Цѣна 15 коп.

А. А. Герценъ. Наука и нравственность. Изд. 3-е. Ц. 8 коп.

П. Г. Мижуевъ.—Министръ-каменщикъ. Жизнь и дѣятельность англійскаго рабочаго, впослѣдствіи члена министерства, Генри Бродгерста. Цѣна 50 коп.

П. Г. Мижуевъ.—Женскій вопросъ и женское движеніе. Цѣна 20 к.

П. Г. Мижуевъ.—О формахъ и сущности государственнаго строя Цѣна 6 к.

Ф. Лассаль.—I. О сущности конституціи.—II. Что же теперь? Двѣ рѣчи. Переводъ Вл. Шаха подъ редакціей П. А. Берлина Цѣна 6 коп.

А. Дюнанъ.—Народное законодательство въ Швейцаріи. Перев. Г. Ѳ. Львовича. Изд. 2-ое. Цѣна 25 коп.

К. Каутскій.—Экономическія ученія Карла Маркса. Въ двухъ выпускахъ (безъ пропусковъ). Цѣна за выпускъ 10 коп.

К. Каутскій. — Возникновеніе семьи и брака. Переводъ Г. Ѳ. Львовича. Изд. 2-е. Цѣна 25 коп.

К. Каутскій.—Развитіе государственнаго строя на Западѣ. Переводъ Г. Ѳ. Львовича. Цѣна 15 к.

Тоже. 2-е удешевленное изданіе (безъ пропусковъ). Ц. 6 к.

К. Каутскій. — Противорѣчія классовыхъ интересовъ въ 1789 г. Переводъ Г. Ѳ Львовича. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Цѣна 10 коп.

К. Каутскій.—Изъ исторіи культуры. Серія очерковъ.
I. Платоновскій и древне-христіанскій коммунизмъ. Цѣна 20 коп.
II. Наемные рабочіе въ средніе вѣка и въ эпоху реформаціи. Цѣна 15 коп.

Дальнѣйшіе выпуски печатаются. Цѣна до 50 стр. не свыше 10 к., отъ 50 до 100 стр. не свыше 15 коп.

К. Марксъ.—Заработная плата, цѣна и прибыль.—Цѣна 20 к.

Э. Бернштейнъ.—Развитіе формъ хозяйственной жизни. Переводъ П. Розенбергъ подъ редакціей П. А. Берлина. Цѣна 10 к.

Г. Экштейнъ. Рабочее движеніе въ Японіи. Перев. К. Вечерскаго. Ц. 10 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ Г. Ѳ. ЛЬВОВИЧА
въ книжныхъ магазинахъ Н. П. КАРБАСНИКОВА.
СПБ., Литейный пр., д. 46;
Москва, Моховая., д. Баженова; **Варшава**, Новый свѣтъ, д. 67.
Вильна, Большая ул., домъ Гордона.

По дѣламъ издательства обращаться къ Г. Ѳ. Львовичу.
СПБ. Большой просп., № 61.